

ISSN 3034-6339

№ 1(6) (2025)

ВЕСТНИК КАЛУЖСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 3.

История.

Политика. Право.

ВЕСТНИК КАЛУЖСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**ISSN 3034-6339****Серия 3. ИСТОРИЯ. ПОЛИТИКА. ПРАВО.****2025 № 1***Научный журнал*

основан в августе 2022 г.

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

г. Калуга

Журнал включён в систему Российского индекса научного цитирования (<http://elibrary.ru/>), дополнительное соглашение № 2 от 11.03.2025 г. к договору № 342-09/2019 от 03.09.2019 г.

Журнал принимает оригинальные, ранее не опубликованные статьи по следующим направлениям:

РУБРИКИ ГРНТИ:

030100. Общие вопросы исторических наук; 030900. Всеобщая история; 032300. История России; 032900. История отдельных процессов, сторон и явлений человеческой деятельности; 103100. Гражданско-процессуальное право (гражданский процесс); 107900 Уголовно-процессуальное право (уголовный процесс); 100700. Теория государства и права; 100900. История государства и права; 110100. Общие вопросы политических наук; 110900. История политических учений; 111500. Теория политических систем. Внутренняя политика; 112500. Теория международных отношений. Внешняя политика и дипломатия

РУБРИКИ ОЕСД

505. Law; 506. Political science; 601. History and archaeology

Номенклатура научных специальностей ВАК:**5.1 – Право**

- 5.1.1 - Теоретико-исторические правовые науки;
- 5.1.2 – Публично-правовые (государственно-правовые) науки;
- 5.1.3 – Частно-правовые (цивилистические) науки;
- 5.1.4 – Уголовно-правовые науки;
- 5.1.5 – Международно-правовые наук

5.5 – Политические науки

- 5.5.1 – История и теория политики;
- 5.5.2 – Политические институты, процессы, технологии;
- 5.5.3 – Государственное управление и отраслевые политики;
- 5.5.4 – Международные отношения, глобальные и региональные исследования

5.6 – Исторические науки

- 5.6.1 - Отечественная история;
- 5.6.2 – Всеобщая история;
- 5.6.3 – Археология;
- 5.6.4 – Этнология, антропология и этнография

Журнал индексируется в следующих каталогах: РИНЦ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Казак Максим Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент, ректор КГУ им. К.Э. Циолковского (главный редактор)

Доможир Владимир Викторович, кандидат экономических наук, доцент, первый проректор КГУ им. К.Э. Циолковского (заместитель главного редактора)

Полякова Мария Александровна, доктор педагогических наук, доцент, директор Института истории и права

Аксенова Галина Владимировна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России Института истории и политики Московского педагогического государственного университета

Александров Андрей Юрьевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры юриспруденции Института истории и права

Белова Ирина Борисовна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории Института истории и права

Васильева Татьяна Валентиновна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры юриспруденции Института истории и права

Дроздов Денис Евгеньевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры юриспруденции Института истории и права

Иванов Виталий Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Института истории и права

Ильяш Алексей Владимирович, кандидат юридических наук, доцент кафедры юриспруденции Института истории и права

Кархалев Денис Николаевич, доктор юридических наук, профессор кафедры юриспруденции КГУ (профессор кафедры гражданского права Башкирского государственного университета)

Кометчиков Игорь Вячеславович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Института истории и права

Курков Владимир Вячеславович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Института истории и права

Старостенко Константин Викторович, доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой общей и прикладной политологии Орловского государственного университета имени И. С. Тургенева

Степанов Вячеслав Петрович, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Отдела современной истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН

Тарасова Любовь Валерьевна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Института истории и права

Федоров Александр Григорьевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры юриспруденции Института истории и права

Коненкова Наталия Викторовна (технический редактор)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Штепа Алексей Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Института истории и права

Адрес редакции:

248023, г. Калуга, ул. Степана Разина, д. 22/48, комн. 606

Тел.: (4842) 50-30-21; + 7 953 332 24 53; + 7 901 635 97 64

E-mail: a-v-stepa@yandex.ru

Адрес типографии: Отпечатано «Наша Полиграфия», 248600, г. Калуга, ул. Грабцевское шоссе, 126

УЧРЕДИТЕЛЬ: Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского

Распространяется бесплатно

© КГУ, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Белхароев Х. У.

ПРЕБЫВАНИЕ СУФИЙСКОГО АВЛИЯ – ВАЛИЙЮЛЛАХА БАТАЛ-ХАДЖИ
АНАРБЕКОВИЧА БЕЛХАРОЕВА НА КАЛУЖСКОЙ ЗЕМЛЕ (1892–1896 И
1911–1914 ГГ.)5

Власов А. Е.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОДПОЛЪЕ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА В
КАЛУЖСКОЙ ГУБЕРНИИ: ХРОНИКА ПРОТИВОСТОЯНИЯ (1905–1908 ГГ.).....12

Гольцов А. Н.

НЕФТЯНАЯ ПОЛИТИКА ВЕЛИКОБРИТАНИИ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ В НАЧАЛЕ
XX ВЕКА: КОЛОНИАЛЬНЫЕ АМБИЦИИ И СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ22

Гольцов А. Н., Дедиу Е. И.

«КУЛЬТУРА ВОЙНЫ»: РОЛЬ ПРЕССЫ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЦЕНЗУРЫ В
ФОРМИРОВАНИИ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА СТРАН ЕВРОПЫ И
АМЕРИКИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ30

Комкова Е. П.

ОТРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК ЭПОХИ В
ПРОИЗВЕДЕНИИ У. ШЕКСПИРА «ВЕНЕЦИАНСКИЙ КУПЕЦ»41

Кукушкин В. М.

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ КАЛУГИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ.
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И. К. ЦИПУЛИНА45

Курков В. В.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФИНАЛ АФГАНСКИХ ВОЙН СССР И США: ВЫВОД ВОЙСК ИЗ
АФГАНИСТАНА В 1989 И 2021 ГГ. – К ВОПРОСУ О СРАВНИТЕЛЬНОМ АНАЛИЗЕ51

Курков В. В.

РЕЙДЫ КРАСНОЙ АРМИИ НА ТЕРРИТОРИЮ АФГАНИСТАНА В 1929–1930 ГГ.:
НЕВОСТРЕБОВАННЫЕ УРОКИ ИСТОРИИ57

Манин А. А.

К ВОПРОСУ ОБ ОСВЕЩЕНИИ ВОЕННЫХ ПОТЕРЬ ВООРУЖЁННЫХ СИЛ СССР В
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1941 – 1945 ГГ. В ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКАХ
ИСТОРИИ64

Тарасов С. А.

АЛГОРИТМ ДЕЙСТВИЙ ВКП(Б) ПРИ СОЗДАНИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
И РУКОВОДСТВЕ ЕЁ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ (НА ПРИМЕРЕ КАЛУЖСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
МОПР В 1923–1929 ГГ.)73

Тарасова Л. В., Доронина А. А.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ФИЛЬМОВ ДЛЯ РАЗВИТИЯ
КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ ШКОЛЬНИКОВ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО
РИМА В 5-М КЛАССЕ.....82

Филимонов Н. А.

НАМЕСТНИКИ РИМСКОЙ ПРОВИНЦИИ ДАКИИ ПРИ ДИНАСТИИ СЕВЕРОВ:
СТЕПЕНЬ ЛОЯЛЬНОСТИ К ИМПЕРАТОРСКОЙ СЕМЬЕ И КАРЬЕРНЫЙ ПУТЬ.....90

Фомин А. Д., Штепа А. В.

ИЗ ИСТОРИИ СУДОПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ПРАКТИКИ КАЛУЖСКОГО ОКРУЖНОГО СУДА В ОТНОШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ПРАВОСЛАВНОЙ ВЕРЫ, «ЧЕСТИ И ЦЕЛОМУДРИЯ ЖЕНЩИН» (НА ПРИМЕРЕ ДЕЛА ОБ ОСКОПЛЕНИИ 1868 ГОДА)100

Фомин А. Д., Штепа А. В.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОГО ОБЩЕСТВА СУДЕБНОГО ВЕДОМСТВА В КАЛУЖСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА106

ПОЛИТИКА

Евсеев Д. М.

ПЕРСПЕКТИВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА112

Евсеев Д. М., Кокина А. В.

СРАВНЕНИЕ ПРЕЗИДЕНТСКИХ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КАМПАНИЙ В США 2020 И 2024 ГГ.117

Ключёв И. А., Мязин Н. А.

МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА ЕС В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА БЕЖЕНЦЕВ В 2015–2020 ГГ.122

Кокина А. В.

ОСОБЕННОСТИ И ПРЕИМУЩЕСТВА РАЗВИТИЯ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА131

Магомедова Е. А., Зайцева М. А., Кожеевникова Д. М.

ШКОЛА ПРАВОВЫХ ЗНАНИЙ КАК ИНСТРУМЕНТ РЕАЛИЗАЦИИ МОЛОДЁЖНОЙ ПОЛИТИКИ137

ПРАВО

Васильева Т. В.

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ КАК ВИД НАКАЗАНИЯ И ПРАКТИКА ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ142

Васильева Т. В., Пономарева Д. Ю.

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ФРАНЦИИ145

Гудовичева В. Е., Маркина А. А., Ильяш А. В.

БУЛЛИНГ – ЭТО ПРЕСТУПЛЕНИЕ?150

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ155

ИСТОРИЯ

УДК 930

Х. У. Белхароев

ПРЕБЫВАНИЕ СУФИЙСКОГО АВЛИЯ - ВАЛИЙЮЛЛАХА БАТАЛ-ХАДЖИ АНАРБЕКОВИЧА БЕЛХАРОВЕВА НА КАЛУЖСКОЙ ЗЕМЛЕ (1892–1896 И 1911–1914 ГГ.)

В статье исследуются периоды жизни, связанные с пребыванием в ссылке в г. Козельск Калужской губернии Святого Авлия Батал-Хаджи Анарбековича Белхароева. Раскрыты основные причины, по которым царские власти подвергали репрессиям Батал-Хаджи, основными среди которых являлись клевета и доносы местных священнослужителей, приближённых к властным структурам. Выявлено, что православный батюшка из местной церкви, специально приглашённый, чтобы выразить общее мнение региональных конфессий, отказался подписать документ об отказе в амнистии и продлении срока ссылки Батал-Хаджи и его малолетних детей, заявив, что Святому Старцу более 90 лет, и никакой опасности для общества он не представляет.

Изучены научные труды видных учёных современного периода и прошлых лет, которые отслеживали жизненный путь Святого Авлия. Отмечены дружеские взаимоотношения Батал-Хаджи и купца 2-гильдии П.А. Гайдукова, которые зародились после излечения дочери Павла Анисимовича.

Ключевые слова: Святой Авлия; Батал-Хаджи Белхароев; ссылка; духовенство; суфии; малолетние дети; маленькая Хади.

К. У. Belkharoev

THE STAY OF THE SUFI AWLIYA (SHEIKH, USTAZA) WALIYULLAH BATAL-HADJI ANARBEKOVICH BELKHAROEV IN THE KALUGA LAND (1892 – 1896 AND 1911–1914)

The article examines the periods of life associated with the stay in exile in Kozelsk, Kaluga province of St. Auli Batal-Hadji Anarbekovich Belkharoev. The main reasons why the tsarist authorities subjected Batalhaji to repression are revealed, the main of which were the slander and denunciations of local clergymen close to government structures. It was revealed that an Orthodox priest from a local church, specially invited to express the general opinion of regional denominations, refused to sign a document denying amnesty and extending the exile of Batalhaji and his young children, stating that the Holy Elder was over 90 years old and posed no danger to society. The scientific works of prominent scientists of the modern period and previous years, who followed the life path of Saint Auli, have been studied. The friendly relationship between Batal Hadji and merchant of the 2nd guild P.A. Gaidukov, which originated after the healing of Pavel Anisimovich's daughter, is noted.

Keywords: Saint Avliya; Batal-Haji Belkharoev; exile; clergy; Sufis; young children; little Hadi.

Царские власти, опасаясь постоянно возрастающего влияния Святых угодников на Северном Кавказе, пытались их изолировать от общества, прибегали к веками испытанным мерам, под различными предлогами, они арестовывали, осуждали и под конвоем высылали

людей в далекие края империи. При этом на преклонный возраст, состояние здоровья, наличие в семье малолетних детей и иных причин, снисхождения не было.

Батал-Хаджи¹, абреком, разбойником никогда не был, а от царской власти

¹ Белхароев Батал-Хаджи Анарбекович – вайнахский религиозный деятель XIX – начала XX века. Суфийский Авлия, шейх, устاز (кадирийского тариката), родился в с. Сомяхач (Семигоч), дата рождения по Хиджре: 25 Зу-ль-када 1239... аль-Арбия (в ночь со среды на четверг), ушёл в мир иной 25 Зу-ль-када 1332 ... аль-Арбия (в ночь со среды на четверг). По Григорианскому календарю родился в ночь (со среды

на четверг) с 21–22 июля 1824 г. – ушёл в мир иной 14 октября 1914 г. в ночь (со среды на четверг). 25 октября 1914 г. (в воскресенье), произошло захоронение в селении Сурхахи, на похоронах присутствовали представители со всего Северного Кавказа. Приблизительно в возрасте 6–7 лет Батал-Хаджи осиротел, умерла мать Разейт (Зеди, Забия), а через несколько лет умер и отец Анарбек. После смерти родителей

скрывался, поскольку, находясь в братских отношениях с имамом Шамилем воевал в его армии против колонизации Кавказа. Шамиль за боевые заслуги подарил ему саблю с гравировкой «Аль-Батал».

В ссылках Батал-Хаджи находился три раза. Достоверной информации о первой ссылке нет, она практически не освещена в научной литературе, дата тоже не известна (приблизительно 1840–1850-е гг.). Во время Кавказской войны, в ссылку отправляли на остров Чечень – в Каспийском море. Некоторые аспекты этой ссылки, основанные на сохранившихся преданиях освещены в нашей статье, посвящённой личности и религиозной деятельности Батал-Хаджи [3, с. 20]. По архивным данным в 1889 г. он арестовывался и содержался при Назрановской тюрьме [13, л. 43 об].

Современный исследователь биографии Батал-Хаджи Э. В. Казиев указывает на знаковую встречу известного английского путешественника Джона Фредерика Бэддли, продолжительно посещавшего Кавказ с 1879 по 1902 гг., с шейхом Батал-Хаджи Белхароевым. Описание этой встречи, представленное в воспоминаниях англичанина, является одним из немногих непосредственных свидетельств о личности и нраве этого известного религиозного деятеля, имеющих в научной литературе [9, с. 89].

Вторую (1892–1896 гг.) и третью (1911–1914 гг.) ссылки Батал-Хаджи отбывал на Калужской земле. Царская администрация дважды арестовывала и ссылала его с семьёй в город Козельск Калужской губернии. В первый раз в 1892 г. сроком на пять лет, с истечением которого министерством внутренних дел было ему разрешено возвратиться с семейством на родину, и он прибыл в с. Сурхахи. При этом необходимо отметить, что по царской милости «кормовые и одёжные средства Праведнику и его семье – никогда не выплачивались».

По имеющимся архивным данным в последнюю ссылку Батал-Хаджи отправился по личному ходатайству Наместника на Кавказе графа И. И. Воронцова-Дашкова² императору Николаю II [7, л. 1, 16, 2, 26, 3]. Основным

обоснованием направленного императору прошения был ложный донос 14-и местных священнослужителей, из которых 13 были имамами мечетей. Современный автор К. Деттмерин отмечает, что «*арест Батал-Хаджи был основан скорее на ошибочных подозрениях или ложном доносе. Его самым ярким наследием осталась существенная исламизация ингушей. В течение XIX в. ингуши приняли ислам, устойчиво соблюдали принцип ненасилия, идеологическую основу которого заложили шейхи Кунта-хаджи Кишиева и Батал-хаджи Белхороев*» [8, с. 50]. В немилость попали некоторые представители духовенства Чечни, причину репрессий, как правило, аргументировали оказываемой поддержкой легендарному чеченскому абреку Зелимхану, которого укрывал Батал-Хаджи.

И. В. Лысцева отмечает, что «*известные религиозные проповедники, жители Веденского округа Бамат-Гирей Хаджи Митаев, Сугаип-мулла Гойсумов, Чиммирза Хаджи, житель с. Сурхахи Назрановского округа Батал-Хаджи Белхороев, жители Грозненского округа Кана Хаджи, Абдул-Азиз Шаптукаев, Магома Мулла Назиров и Андийского округа – Омар Хаджи высылались в 1911 г. за пределы Кавказа на 5 лет. Батал-Хаджи Белхороева определили в Козельск*» [10, с. 34].

Непосредственно для Батал-Хаджи эта была третья ссылка, про которую он, обладая даром предвидения, узнал с момента принятия решения в Петербурге. В один из вечеров, под утро он разбудил домочадцев и объявил, что они уезжают в ссылку, до восхода солнца им нужно покинуть село, такова воля Всевышнего Аллаха. А.А.Х. Белхароев отмечает, что «*с установлением царской администрации в Ингушетии власти, видимо, рассчитывали на свои приоритеты во внутренних общественных отношениях в данном регионе. Возрастающий авторитет и активная деятельность, а также жизненная позиция Устаза Батала, вероятно, не устраивала администрацию, и он постоянно подвергался гонениям со стороны царской власти*» [2, с. 21–22].

Батал-Хаджи проживал преимущественно в доме Авлия (шейха, устаза) Валийюллаха Кунта-Хаджи Кишиева в Иласхан-юрте, у своего дяди Беки, тёти по материнской линии в Автурах, где у него было два двоюродных брата (Хизир и Мола) и у тёти в Сурхах, там у него было 4 двоюродных брата (Тибо,

Эльберд-Хаджи, Атби-Хаджи, Сейт-Хаджи – их отец Чаргз).

² Наместник Его Величества на Кавказе, Главнокомандующий войсками Кавказского округа граф Илларион Иванович Воронцов-Дашков (с 26 февраля 1905 г. по 23 августа 1915 г.).

По рассказам дяди автора данной статьи Ахмада-Хаджи³ расставание с односельчанами выглядело так: «все начали собираться, прибежали старшие сыновья, живущие отдельно, Махти сказал отцу, «зачем ты разбудил детей, никто за Вами не приехал, никакого решения по Вам не принято». Отец сказал ему, что это «воля Всевышнего Аллаха, поэтому ему до восхода солнца необходимо покинуть село, и добавил так оно лучше, чем ехать в кандалах». Они наспех собрались и выехали на телегах в сторону железнодорожной станции, которая находилась в Беслане. Наутро, когда люди узнали, Святой Авлия покинул село и отправляется в ссылку, в Беслан потянулись люди, желавшие его увидеть и поспроситься с ним, пожелав доброго пути».

По воспоминаниям дочери Батал-Хаджи Сахар⁴ «в это время на поезде из Петербурга прибыл чеченский нефтепромышленник Тапа Чермоев, который был принят Николаем II, увидев огромное количество ингушей на станции, он спросил: «Что произошло? Что Вы здесь делаете? Ему пояснили, то Святой Авлия отправляется в ссылку, тогда он быстрым шагом подошёл к Батал-Хаджи. Поздоровавшись, сказал «я еду с Петербурга, беседовал с Царём, там про Вашу высылку никто не упоминал, сейчас я зайду к начальнику станции, оттуда телеграфирую эту информацию в Петербург Царю, даже если решение о высылке принято, попрошу отменить его – и отменю». Батал-Хаджи поблагодарил его, сказав, что едет по воле Всевышнего Аллаха, поэтому не надо переживать и беспокоиться, когда Тапа ушёл, Святой Авлия ему вслед сказал – он силой вырвал себе рай – у нас».

Р. Ш. Албагачиев основываясь на воспоминаниях внучатого племянника Хади (супруга Батал-Хаджи – Авт.), Бекхана Идрисовича Арапиева пишет, что «во время первой ссылки, офицер, сопровождавший шейха в следственную камеру, из человеческого сострадания посоветовал ему отмежеваться от других предводителей «зикристов». На это шейх ответил: «Сынок, что для тебя дороже: то, что здесь, или то, что ты оставил дома?» Офицер сказал: «То, что оставил дома». «Сынок, все ваши суды, допросы, наказания останутся здесь, в этой жизни. А всё, что я скажу, и всё, что я сделаю, будет со

мною там, в иной жизни. Сынок, эта жизнь по сравнению с той, иной жизнью, лишь жалкое мгновение. Так стоит ли из-за мгновений любых испытаний потерять ту, иную, бесконечную жизнь?» Ведь сказал же Аллах: «Поистине, когда верующих призывают к Аллаху и Его Посланнику, чтобы Он рассудил их, они только говорят: мы слышали и повинемся» [14, с. 360].

По воспоминаниям отца автора статьи – Уматгирея⁵ «начальник железнодорожной станции «Беслан», разводил руками, поясняя, что никаких предписаний о предоставлении вагона для этапирования Батал-Хаджи и его семьи в Калужскую губернию, к ним не поступало. После того, как по официальным каналам связи пришла информация, всем всё стало понятно, к вечеру подогнали на станцию специальный вагон, в который погрузилась наша семья. Это было последнее прижизненное путешествие Святого Праведника в г. Козельск, ставшим родным для нашей семьи».

М. Б. Гешаев отмечает, что «Батал-хаджи арестовали и сослали в местность, уже знакомую опальным и великим святым Кавказа, – в Калугу. Жил там и Шамиль. Шейхи-вайнахи, оставшиеся при своих убеждениях, мучились в тюрьме городка Боровск Калужской губернии. Небо в решётку, толстенные стены, лязганье запоров. В одном месте собралось столько мудрости и ума, что вся эта позорная тюрьма должна была свечой взлететь в небеса и рассыпаться прахом. Пророчества и духовная сила провидцев – вещи страшные и особенные. Многие сбылось из предсказанного шейхами в неволе. Сбылось в разные (и наши) времена. В связи с судьбой великодержавной России, её царей и с войнами – прошлыми и нынешними. Опять же об этом разговор отдельный» [6, с. 315–316].

Подчеркнём, что Святого Авлия там помнили по предыдущему нахождению. Сестра моего (т. е. автора статьи – Хаджимурада Белхароева) дедушки Сахар рассказывала, что в 1911 г., когда их семья прибыла в г. Козельск старших детей устроили учиться в гимназию, тогда девочки и мальчики учились раздельно. Поскольку город был небольшой, там Святого Старца помнили, фамилия была на слуху, так как в предыдущую ссылку в 1892–1896 гг. семья Праведника находилась в

³ Белхароев Ахмад-Хаджи Махмадович (1928–1998) – священнослужитель, внук Батал-Хаджи.

⁴ Белхароева Сахар Батал-Хаджиевна (1904–1986).

⁵ Белхароев Уматгирей Магомедович (1924–1983) – механик, математик – внук Батал-Хаджи.

этом городе, поэтому там учились старшие братья и сестры. Многие преподаватели, которые ещё работали в тот период, услышав фамилию Белхароевы, оживились, и один пожилой человек подозвал их к себе. Уточнив чьи они, показал им отметину на двери, сделанную ударом ножа их старшей сестрой Залейхой⁶, которая 20 лет назад там училась – она в нашей семье имела особый нрав, боевой характер, стойкой и непоколебимой прожила всю жизнь (бабушка Сахар – часто рассказывала эту историю).

М. Б. Гешаев отмечает, что после того, как о сверхчеловеческих способностях Святых старцев было доложено Царю, он решил воспользоваться их даром, чтобы вылечить сына: *«сам император Николай II вздрогнул от услышанного и тут же послал нарочного привезти одного из святых кавказцев к своему больному сыну Алексею. Привезли. Шейх лечил наследника. За это попросил похоронить его на родном Кавказе. Царь сдержал слово. А потом уж расстроил дело черныи Гришка Распутин...»* [6, с. 315].

Известно, что из ссылки после смерти, перевезли на Кавказ нетленными тела двух Авлия, это Бамат-Гирей-Хаджи Митаев и Батал-Хаджи Белхароев. Первый, оказав необходимую помощь калужскому губернатору, заручился поддержкой высокого уровня, что способствовало перевозу тела на Кавказ.

Тело Батал-Хаджи Белхароева было оперативно перевезено на родину благодаря ходатайству купца 2-гильдии П. А. Гайдукова, который сблизился и подружился с Батал-Хаджи. Земной путь Батал-Хаджи прервался 16 октября 1914 г., а уже 25 октября 1914 г. он был захоронен в с. Сурхахи.

Нужно сказать, что Батал-Хаджи и Павел Анисимович Гайдуков очень сблизились на почве болезни дочери купца, которую с помощью оставшегося глотка воды с Кавказа и кусочка сахара сумел исцелить Батал-Хаджи. Подробнее этот эпизод описан в нашей статье, посвящённой личности и религиозной деятельности Батал-Хаджи. Более того, увидев это чудо купец отбыл в Петроград, чтобы добиться аудиенции у императора и донести информацию о Святом Старце, могущем исцелить и наследника престола – больного царевича Алексея. Царская семья с воодушевлением восприняла эту новость (тем более он уже лечил наследника и был пример

вылеченной девушки), после того как информация дошла до Г. Е. Распутина, он сказал, что нельзя доверять здоровью наследника инверцу, на этом вопрос был закрыт. П. А. Гайдуков ошарашенный этим ответом вернулся домой в Козельск, придя в гости к Батал-Хаджи он поведал эту историю, тогда ему Батал-Хаджи сказал, что этой семье в скором будущем не будет [3, с. 21].

О великодушии купца П. А. Гайдукова свидетельствует такой факт. Перед отъездом нашей (т. е. – автора статьи) семьи из Козельска, он пришёл к нам в дом и попросил составить и оценить список имущества, который не будет забран на Кавказ, и вывести общую сумму денег. Все возражение нашей семьи были отвергнуты, тогда домочадцы составили список, оценив оставляемое имущество по бросовой цене. Бегло просмотрев составленный список, Павел Анисимович сказал, что имущество недооценили, удвоил сумму, и из своих личных средств оплатил абсолютно ему не нужное имущество, которое всё равно оставалось в Козельске! Таким человеком был П. А. Гайдуков. Он очень хорошо относился к нашей семье, часто приходил к Батал-Хаджи, подолгу с ним беседовал.

Нужно сказать, что до отъезда П. А. Гайдукова в Петроград домочадцы Батал-Хаджи направили прошение на имя Николая II об амнистии и разрешении выехать им домой на Северный Кавказ. Послание было написано втайне от Батал-Хаджи, и так как он не вмешивался в ход мирской жизни, документ был отправлен. В письме они попытались объяснить, что из-за холодного климата практически все домочадцы болеют, Батал-Хаджи преклонного возраста (за 90 лет), его супруга практически потеряла зрение. Данный документ был отписан на рассмотрение местных властей региона, откуда они были высланы, чтобы исходя из их мнения, принять необходимое решение. Местные власти, проведя некое собрание, состоявшее из священнослужителей губернии, отправили в столицу Российской империи отрицательный ответ, о том, что возврат Батал-Хаджи на родину нежелателен и социально опасен. В направленном письме стояли подписи 23-х местных мулл и 3-х кадиев, при этом приглашённый, чтобы выразить общее мнение региональных конфессий православный батюшка из местной церкви, отказался подписать этот документ, заявив, что святому

⁶ Белхароева Залейха Батал-Хаджиевна (1889–1986).

старику более 90 лет, и никакой опасности для общества он не представляет. Из всех подписантов документа один кадий не знал, что он подписывает, все остальные прекрасно понимали какое обращение они визируют.

Сестра моего (т. е. автора статьи – Хаджимурада Белхароева) дедушки Залоба⁷ рассказывала, что «Батал-Хаджи сидел во дворе, зная, что в тайне от него отправили прошение, но не предпринимал никаких действий по мирским делам. Постучавшись в калитку, почтальон принёс письмо из российской столицы, домочадцы выбежали в надежде на хорошие новости. Мой дедушка Махмад открыл конверт, стал читать, он в слезах крикнул, нас отсюда никогда не отпустят, тогда Батал-Хаджи вытянул пальцы на обеих руках и сказал, «что говорят ещё десять лет добавили, потом он вытянул два пальца и сказал «два, два». Так и произошло, через два года, он ушёл в мир иной. Не видя этого письма, тем более, не читая его, он заранее знал текст письма. По ходатайству властей и духовенства региона, им был увеличен срок на десять лет. Тогда Батал-Хаджи сказал, «эх Николай, Николай, сотру я тебя и твою семью с земли, подошёл на берег реки Жиздра, поднял руки и сделал «дуа», в это время солнце зашевелилось, тогда он сказал «враг Аллаха, скоро тебя сместят и косточки для похорон не найдут» - так и произошло».

К. И. Брусевич писал, что *«Батылу предписывают некоторые сверхъестественные силы; так говорят, что он в течение 2–3 часов может проехать верст 200 и вернуться обратно; также может он ходить днём среди людей, не будучи видим никем»* [4, с. 139]. Дж. И. Месхидзе отмечает, что *«он осознал свое избранничество после того, как ему явился пророк Мухаммад и предложил сделать выбор между блаженством земным и небесным. Батал-Хаджи избрал земное, надеясь своим образом жизни заслужить «будущую жизнь» (ал-ахира). Шейх пользовался исключительным авторитетом, отличался гостеприимством и умением располагать к себе людей. Рассказывают, что он обладал способностью быть невидимым и быстро перемещаться в пространстве»* [12, с. 56]. Современная исследовательница М. С-Г. Албогачиева также склонна считать, что *«Батал-*

Хаджи обладал даром ясновидения, он предсказал предстоящую депортацию ингушей и чеченцев в 1944 г. и последующие 13 лет пребывания их на чужбине» [1, с. 119].

Следует сказать, что ходатайство о разрешении выехать с пятилетним сыном, в г. Владикавказ на лечение (от глазной болезни) подавала и супруга Святого Авлия (Белхароева Хади) и оно было поддержано администрацией калужского губернатора [7, л. 54, 61, 61б, 62, 62б], и с приложением медицинского свидетельства направленно министру внутренних дел Российской империи. Прощение переслали на рассмотрение в канцелярию Наместника на Кавказе графа И.И. Воронцова-Дашкова (под грифом секретно). После рассмотрения обращения и приложенного медицинского документа, ответным письмом пришла отписка из Тифлиса: *«Главкомандующий войсками округа согласия не изъявил»* [7, л. 96, 100, 100б, 101, 101б, 102, 103, 103б, 112, 112б].

Удивительным человеком была Эсмурзиева Хяди Чадиевна (маленькая Хади), она добровольно находилась в ссылке с семьей Святого Авлия, вела хозяйственные дела, следила за маленькими детьми, её считали членом семьи, как и Магомеда Экиевича Цороева. В одной из бесед Праведник сказал Магомеду: *«Посчитай моих детей, тот задумался на минутку и ответил, «не хватает», услышал он в ответ, опять пересчитав, повторил сказанное, снова услышал неправильно, тогда он пересчитал на пальцах и ответил. Святой Старец его спросил, «ты себя посчитал?», тот ответил «нет», это тебя не хватало – услышал он».*

А. У. Матиев пишет, что *«Святой Устаз говорил своим последователям: «Я свидетельствую Вам, тот из Вас, кто даже будучи правым, уступит во имя Аллаха, получит вознаграждение за это на том и этом свете во много раз лучшее уступленного вами»* [11, с. 25].

В Козельск проведать Праведника приезжали последователи, многие – неоднократно, по мере возможности люди старались навешать его, послушать проповеди. Часто к нему приходили священнослужители Введенской Оптиной пустыни⁸, военнослужащие и простые люди, которые с ним подолгу

⁷ Белхароева Залоба Батал-Хаджиевна (1905–1978).

⁸ Свято-Введенская Оптина пустынь – ставропигиальный мужской монастырь Русской Православной

Церкви, расположенный недалеко от г. Козельска Калужской области (Калужская митрополия).

общались и советовались, он ни в чём им не отказывал.

В своих воспоминаниях Д. Ф. Бэддли отмечает, что *«Батал-Хаджи был пожилым человеком, довольно плотным, с правильным лицом и обходительными манерами, со мной он поздоровался за руку, позволил себя сфотографировать и сказал, что будет рад меня видеть везде, где бы мы с ним не повстречались»* [5, с. 407].

Маленькая Хади, находясь рядом с самым любимым ей человеком на земле, подрастала и достигла возраста невесты, приезжавшие гости заприметили её, по возвращению на Кавказ рассказывали, про неё, что вымахала и стала красавицей. Поэтому к её отцу, проживавшему в Средних Ачалуках, потянулись люди, которые желали с ним породниться. На все уговоры Чади отвечал, что её отец Батал-Хаджи, она находится рядом с ним, когда Святой Авлия находится в ссылке, решать такие вопросы будет неправильным. Все вопросы, связанные со сватовством, отменялись, когда в очередной раз приехали с Кавказа гости к Праведнику, они рассказали о том, что маленькую Хади многие сватают, её отец всех направляет к Вам. Выслушав все новости, Святой Авлия сказал, что нужно согласиться на родство с Зязиковыми, счастье и судьба нашей Хади там, иного варианта он для неё не видит. Занимаясь домашней работой, маленькая Хади слышала этот разговор, ей стало неловко перед своим любимым Святым Старцем, она не представляла свою жизнь без него, поэтому удалилась и заплакала. Батал-Хаджи, почувствовав волнение девушки, обратил на неё внимание. Он спросил: *«Почему она плачет – что случилось?»*, она стыдится Вас, от услышанного, тогда её самый любимый человек на земле сказал ей: *«твое счастье и судьба с этим молодым человеком, иного пути нет»*. Этим парнем был Зязиков Муси Хасботович. Так будучи в Козельске, Святой Авлия одобрил сватовство по отношению к маленькой Хади и ответил согласием на этот брак. Долгими вечерами, особенно в зимнее время домочадцы беседовали с Праведником. Как-то супруга произнесла, что наша маленькая Хади очень красивая, её дети тоже будут прекрасными, девушка, находившаяся в комнате, сразу покраснела от стыда. Из-за присутствия Святого

Авлии ей стало не по себе, он, подняв правую руку, вытянул два пальца и сказал в адрес своей любимой дочурки – маленькой Хади «два цыпленка». Предсказание сбылось, у неё в браке с Муси родились двое детей: девочка – Тайхант и мальчик – Зяудин, через две недели после рождения сына, её супруг ушёл в мир иной.

Незадолго до смерти Батал-Хаджи сказал домочадцам, что было бы лучше похоронить его в Козельске, на что его супруга ответила, что это очень далеко от их родного дома, людям придётся преодолевать огромный путь, чтобы побывать на могиле Батал-Хаджи, чтобы поведать, поэтому нужно согласие о захоронении на родине. При этом супруга добавила, что она даже кости малолетнего ребенка откапала бы и увезла бы их на Кавказ. Тогда Батал-Хаджи сказал, «пускай меня похоронят в Сурхах, произнося громкий «зикр», для этого до приезда сюда, я определил людей». Среди близких ему были Халих Арчаков и Понто Тумгоев. Известно, что омоложение тела усопшего совершил Магомед Цороев в Козельске, громкий «зикр» от железнодорожной станции до кладбища произносили Халих и Понто, выравнивая стены бокового погребального отсека «каш лахьат», последним из могилы вышел Али Эсмурзиев. В могилу тело приняли и уложили Магомед Цороев и Муси Албагачиев.

В заключении отметим, что жизненный путь Праведников наполнен тяжёлыми испытаниями мирской жизни, донося слово истинной веры, они всегда вступали в противостояние с духовной элитой и властными структурами. Святые Авлия приходят на землю по велению Всевышнего Аллаха, их происхождение небесное, они отражены в Суре «Юнус»⁹ – Священном Коране [15]. Батал-Хаджи, заполнив духовные потребности мусульманской умы, прожил тяжёлую жизнь, его наследие заключается в вере, терпении и справедливости. Пройдя все уготовленные судьбой испытания, он призывал людей к смирению, покорности перед «Создателем всех миров».

Пребывание нашей семьи на Калужской земле, обогатило нас, далёкий провинциальный Козельск стал родным, после отъезда моих (т. е. автора статьи – Хаджимурада Белхароева) предков прошло 111 лет, на

⁹ «Воистину, приближённые Аллаха не познают страха и не будут опечалены. Они уверовали и были богобоязненны. Им предназначена радостная весть в

этом мире и в Последней жизни. Слова Аллаха не подлежат отмене. Это – великое преуспевание» [15].

протяжении всего этого времени «от одного поколения другому», передаются тёплые воспоминания об этом удивительном крае – самое большое богатство которого – это добрые люди, создавшие «спецпереселенцам» тёплую атмосферу бытия. Священнослужители, чиновники, военные, простые горожане, жители близлежащих и отдалённых населённых пунктов приходили к Святому Старцу за советом,

слушали его наставления, он всех принимал независимо от социального статуса и происхождения, в этом заключается жизненный цикл Праведников. Мы благодарны калужанам, очень рады тому, что в нашей необъятной стране «есть такой прекрасный край», который несмотря на все трудности глобального характера процветает, развиваясь в ногу со временем.

Список литературы:

1. Албогачиева, М. С-Г. О некоторых особенностях братства Батал-Хаджи Белхорова / М. С-Г. Албогачиева // PAX ISLAMICA. – 2012. – № 1–2 (8–9). – С. 118–124.
2. Батал-Хаджи в памяти народа Ингушетии / авт.-сост. Абдул-Азит Белхоров. – Нальчик: Тетраграф, 2018. – 209 с.
3. Белхоров, Х. У. О личности и религиозной деятельности Суфийского Авлия (Шейха) Валиюллаха Батал-Хаджи Белхорова: комментарии к научным статьям Э. В. Казиева (размышления над источниками и историографией) / Х. У. Белхоров // Гуманитарные исследования. История и филология. 2022. № 8. С. 15–28. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2022-8-15-28>.
4. Борусевич, К. И. Сектантство среди ингушей / К. И. Борусевич // Этнографическое обозрение. – 1893. – № 3. – С. 139–145.
5. Бэддли, Д. Ф. Суровые склоны Кавказа. Т. 1 / Джон Фредерик Бэддли; Институт истории и археологии РСО-Алания; перевод с англ. и коммент. Э. В. Казиева. – Владикавказ: Издательско-полиграфическое предприятие им. В. Гассиева, 2022. – 512 с.
6. Гешаев, М. Б. Знаменитые ингуши / М. Б. Гешаев. – Турин: Типография S.T.I.G.E.S.p.A, 2003. – 618 с.
7. Государственный архив Российской Федерации. Фонд 102 5Д. Опись 1910. Дело 635. ч. 2. Л. 1, 16, 2, 26, 3, 43 об, 54, 61, 616, 62, 626, 96, 100, 1006, 101, 1016, 102, 103, 1036, 112, 1126.
8. Детмерин, К. Исламизация Ингушетии, идеология ненасилия и особая роль Батал-хаджи Белхорова / К. Детмерин // Ислам в России и за ее пределами: история, общество, культура. Сборник материалов международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня кончины выдающегося религиозного деятеля шейха Батал-хаджи Белхорова (22–23 октября 2011 г. Магас). – СПб.: МАЭ РАН, 2011. – С. 46–52.
9. Казиев, Э. В. Шейх Батал-Хаджи Белхоров и его вирд в воспоминаниях английского путешественника и журналиста Д. Ф. Бэддли / Э. В. Казиев // Этнографическое обозрение. – 2018. – № 2. – С. 89–99.
10. Лысцева, И. В. Повседневная жизнь ссыльных горцев Центрально-Европейской части России на рубеже XIX–XX вв. / И. В. Лысцева // Вестник Академии наук Чеченской Республики. – 2015. – № 2 (27). – С. 30–42.
11. Матиев, А. У. Великий Шейх из Сурхахов / А. У. Матиев. – Назрань: Типография «Газгиреев продукт», 2006. – 76 с.
12. Месхидзе, Дж. И. Батал-хаджи / Дж. И. Месхидзе // Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедический словарь / сост. и отв. ред. С. М. Прозоров. Т. I. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2006. – С. 56–57.
13. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания. Ф. 11. Оп. 47. Д. 10196. Л. 43об.
14. Шейх-Овлиа Батал-Хаджи Белхоров / авт.-сост. Р. Ш. Албагачиев. – Нальчик: Тетраграф, 2017. – 463 с.
15. Коран / перевод смыслов и коммент. И. В. Пороховой. – М.: РИПОЛ-Классик, 2018. – 800с.

Санкт-Петербургский университет государственной противопожарной службы МЧС России имени Героя Российской Федерации генерала армии Е. Н. Зиничева, Санкт-Петербург, РФ; Институт мировой экономики и бизнеса Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, РФ

УДК 93; 94(47).083

А. Е. Власов

**ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОДПОЛЬЕ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА
В КАЛУЖСКОЙ ГУБЕРНИИ: ХРОНИКА ПРОТИВОСТОЯНИЯ
(1905–1908 ГГ.)**

Статья посвящена исследованию противостояния политического подполья и правоохранительной системы в Калужской губернии в период 1905–1908 гг. на основе анализа мемуаров К. Д. Введенского – активного участника революционного движения и впоследствии заключённого. В работе рассматриваются методы работы революционных организаций, структура и деятельность Калужского комитета РСДРП, организация боевых дружин. Особое внимание уделяется анализу деятельности правоохранительных органов: жандармерии и тюремной администрации, выявлению методов дознания, обысков, вербовки и контроля за заключёнными. Анализируются условия содержания в Калужской губернской и Мосальской уездной тюрьмах. На основе детального рассмотрения судебного процесса над калужскими социал-демократами выявляются особенности стратегии защиты и обвинения, а также влияние общественного мнения на исход дела. В заключении делается вывод о противоречивости и неоднозначности противостояния политического подполья и правоохранительной системы, о моральных дилеммах, с которыми сталкивались участники революционного движения, и о роли отдельных личностей в формировании исторического процесса.

Ключевые слова: жандармерия; Калужская губерния; мемуары; полиция; политическое подполье; правоохранительная система; революционное движение; Российская социал-демократическая рабочая партия (РСДРП); судебный процесс; тюрьма.

А. Е. Vlasov

**THE POLITICAL UNDERGROUND AND THE LAW ENFORCEMENT
SYSTEM IN KALUGA PROVINCE: A CHRONICLE OF THE
CONFRONTATION (1905–1908)**

The article is devoted to the study of the confrontation between the political underground and the law enforcement system in Kaluga province in the period 1905–1908 based on the analysis of the memoirs of K. D. Vvedensky – an active participant in the revolutionary movement and subsequently a prisoner. The paper examines the working methods of revolutionary organizations, the structure and activities of the Kaluga Committee of the RSDLP, and the organization of combat squads. Special attention is paid to the analysis of the activities of law enforcement agencies: the gendarmerie and the prison administration, the identification of methods of inquiry, searches, recruitment and control of prisoners. The conditions of detention in Kaluga provincial and Mosalsky district prisons are analyzed. Based on a detailed review of the trial of the Kaluga Social Democrats, the specifics of the defense and prosecution strategies, as well as the influence of public opinion on the outcome of the case, are revealed. The conclusion draws a conclusion about the inconsistency and ambiguity of the confrontation between the political underground and the law enforcement system, about the moral dilemmas faced by the participants of the revolutionary movement, and about the role of individuals in shaping the historical process.

Keywords: gendarmerie; Kaluga province; memoirs; police; political underground; law enforcement system; revolutionary movement; Russian Social Democratic Workers' Party (RSDLP); trial; prison.

В сентябре 1920 г. советское правительство учредило Комиссию по истории Октябрьской революции и РКП(б) – Истпарт. Основной задачей этого научно-исследовательского органа был сбор, хранение, научная обработка и издание документальных материалов, посвящённых истории коммунистической партии и революционных преобразований. Уже осенью

1921 г. Калужский филиал Истпарта выпустил первый сборник воспоминаний под заголовком «Из партийного прошлого», где были собраны свидетельства 24 участников социал-демократического движения, действовавших в Калужской губернии. Хотя главной целью этого издания было исследование истории партийной работы, оно содержит ряд

любопытных подробностей, касающихся деятельности обычной и политической полиции в Калужской губернии: манеры поведения служащих Калужского губернского жандармского управления (далее – КГЖУ) и полицейских при исполнении ими служебных обязанностей во время допросов членов Калужской организации РСДРП и других участников революционного движения, обысков в их домах; особенности отношений между жандармами и полицейскими чинами, а также работниками прокуратуры; характера взаимодействия между политическими и уголовными преступниками, а также политических заключенных с тюремным персоналом и администрацией. В 1923 г. вышел второй выпуск сборника «Из партийного прошлого», в нём были представлены очерки и воспоминания 19 авторов. В 1925 г. был опубликован ещё один сборник воспоминаний – «Калужская губерния в 1905 году», приуроченный к 20-летней годовщине революции 1905–1907 гг.

А. Е. Власов и А. В. Штепа уже обращались к первому выпуску сборника в статье «Полицейские и жандармы глазами участников социал-демократического движения в Калужской губернии в начале XX века», опубликованной в сборнике материалов XIII научно-практической конференции «У истоков Российской государственности» [3]. Второй выпуск «Из партийного прошлого» и «Калужская губерния в 1905 году» по мнению автора данной статьи наиболее значимы с точки зрения полноты изложения информации о действиях правоохранительных органов Калужской губернии, не зафиксированных в официальной деловой переписке между жандармерией и полицией, министерством юстиции и губернатором А. А. Офросимовым. Это относится к реконструкции порядков в калужских тюрьмах, условий содержания уголовных и политических арестантов, отношения к ним тюремных надзирателей, начальников тюрем и их заместителей, их личностным характеристикам, данным представителями революционного подполья.

Начало XX века в Российской империи характеризовалось активизацией революционных движений, что обусловило усиление внимания к деятельности политического подполья со стороны правоохранительных органов. Мемуары участников революционных

событий, в том числе касающиеся условий содержания в тюрьмах, представляют собой ценный источник для изучения истории данного периода. В данной статье проведён анализ противостояния политического подполья и правоохранительной системы в Калужской губернии на основе воспоминаний К. Д. Введенского, заключённого в Калужскую тюрьму в 1907–1908 гг.

Формирование политических взглядов К. Д. Введенского, как и многих его сверстников, началось в Калужской духовной семинарии, где он принимал участие в деятельности «Кружка самообразования». Распространение нелегальной литературы и знакомство с социалистическими и революционными идеями способствовали радикализации настроений и формированию протестных убеждений. Идеологические расхождения между участниками «Кружка самообразования» и консервативно настроенным руководством семинарии привели к открытым конфликтам, получившим название «церковные раскаты». Исключение К. Д. Введенского из семинарии стало отправной точкой для его активного участия в революционном движении. После исключения из семинарии К. Д. Введенский поступил писцом на службу в канцелярию губернского по земским и городским делам присутствия. Прошедшие в 1904 г. земские съезды, резолюции с требованием конституции возбудили сочувствие к политической деятельности земцев и социал-демократическому движению многих людей, среди которых был и давний знакомый К. Д. Введенского, некто П. И. Зубков. Сам Зубков, по словам Введенского, «не принимал активного участия в работе, но... давал себя использовать в деле хранения нелегальной литературы...» [2, с. 84]. Из воспоминаний К. Д. Введенского: «... через него же и В. В. Дурасова¹⁰ я помещал в «Освобождении» и секретные циркуляры министерства внутренних дел и ответы на них Калужского губернатора Офросимова» [2, с. 84]. Следует сказать, что журнал «Освобождение» (издатель – Пётр Струве) был изданием либерального направления, выходившим в Штутгарте. Публикация секретных документов была актом разоблачения и имела целью показать обществу злоупотребления властей. Факт публикации через посредников (Дурасова и Зубкова) указывает на подпольный характер этой деятельности.

¹⁰ Ещё одного знакомого К. Д. Введенского (Прим. – автора статьи).

Непременным членом присутствия в то время был А. П. Козловский, под началом которого служил К. Д. Введенский. Губернатор Офросимов был в ярости от того, что секретная информация из его администрации просачивалась в оппозиционную прессу, и, подозревая, что утечка информации происходит из канцелярии А. П. Козловского, подвергал его жёсткой критике. Из воспоминаний К. Д. Введенского: «... *калужский губернатор (А. А. Офросимов) приходил в бешенство от этих «корреспонденций»¹¹ и разносил в пух и прах неперменного члена губернского присутствия А. П. Козловского, из канцелярии которого выходили секретные бумаги и попадали прямо в Штутгарт к Петру Струве*» [2, с. 84]. Попадание секретных бумаг «прямо в Штутгарт к Петру Струве» подчёркивает, что существовал прямой канал передачи информации. Таким образом, можно предположить, что в Калуге в самом начале XX в. в губернском по земским и городским делам присутствии существовала группа лиц, в которую входил автор воспоминаний, занимавшая подпольной деятельностью, направленной на разоблачение злоупотреблений властей. Группа использовала как легальные, так и нелегальные каналы для распространения информации. Через легальные издания публиковалась завуалированная критика, а через журнал «Освобождение» – секретные документы, компрометирующие губернатора Офросимова. Происходившая утечка информации вызывала гнев губернатора и создавала напряжённую обстановку в губернской администрации. Приведённые нами отрывки воспоминаний очень важны для понимания методов борьбы с самодержавием, использовавшихся либеральной интеллигенцией, роли зарубежной прессы в распространении оппозиционных идей, механизмов утечки информации из государственных учреждений, а также для понимания атмосферы

секретности, в которой приходилось действовать оппозиционерам.

Утечка секретных документов не осталась незамеченной. Власти начали расследование, пытаясь выявить источник информации. Вполне вероятно, что допрашивали многих чиновников, в том числе и автора воспоминаний.

Из воспоминаний К. Д. Введенского: «*Но роль наивного чинуши и беспечного «Шалды-Балды»¹², как прозвал меня Козловский, выручала меня всегда*» [2, с. 84]. Автор, по-видимому, успешно притворялся простаком и человеком, не интересующимся политикой. Прозвище «Шалды-Балды» указывает на то, что его считали безобидным и несерьёзным. Именно этот образ помогал Введенскому избегать подозрений и продолжать подпольную деятельность даже после допросов, связанных с утечкой информации, перепечатывая на машинке журнал «Рассвет». Этот журнал, вероятно, был нелегальным или полулегальным изданием семинаристов, содержащим критику или оппозиционные материалы. На этот факт указывает сам Введенский: «*И нередко после таких разговоров и допросов, я забирался вечером в канцелярию и переписывал на машине семинарский журнал «Рассвет» ...*» [2, с. 84]. В случае внезапной проверки у Введенского всегда на рабочем столе лежали либо безобидные стихи, либо документы партии «За царя и порядок». Из воспоминаний К. Д. Введенского: «... *а возле машины держал наготове какое-нибудь амурное стихотворение или циркуляр Калужской партии "За царя и порядок"*» [2, с. 84]. Несмотря на это, К. Д. Введенскому приходилось соблюдать осторожность. В это время младшим чиновником для особых поручений при калужском губернаторе А. А. Офросимове в здании присутственных мест служил коллежский секретарь В. А. Грузевич-Нечай¹³ – член Калужской

¹¹ Слово «корреспонденции» здесь употреблено в ироничном смысле, подчеркивая, что это не просто обычные письма, а компрометирующие материалы (Прим. – автора статьи).

¹² Вероятно, искажённое «Шалтай-Болтай».

¹³ Грузевич-Нечай Владимир Александрович (13.11.1875, Херсонской губ. – 16.12.1914), землевладелец, дворянин. После окончания полного курса юридических наук в Императорском университете св. Владимира (1898) был определён на службу младшим кандидатом при судебном ведомстве Киевской судебной палаты. В 1899 г. командирован в распоряжение Киевского окружного суда, где служил на разных

должностях. В ноябре 1900 г. согласно прошения переведён на службу в штат канцелярии Киевского Подольского и Волынского генерал-губернатора. В том же году за выслугу лет произведен в чин коллежского секретаря. 28 августа 1901 г. на имя Калужского губернатора Офросимова подал прошение с просьбой о переводе в Калугу с предоставлением сверхштатной должности чиновника по особым поручениям. Осенью того же года перевод состоялся. С февраля 1902 г. проходил разные должности: работал в отделе губернского попечительства, младшим чиновником по особым поручениям при губернаторе, комплектовал войска лошадьми. В декабре 1903 г. утверждён

партии «За царя и порядок», образованной 9 декабря 1905 г. Уточним, что партия «За царя и порядок» первоначально относилась крайне правым политическим силам в России, но в дальнейшем поменяла свои политические взгляды, перейдя в лагерь умеренных либералов. К осени 1906 г. партия примкнула к «Союзу 17 октября», председателем был А. В. Толстой [11, с. 40]. В IV разделе сборника статей, воспоминаний и материалов «Калужская губерния в 1905 году» С. В. Херсонским была опубликована «Хроника событий 1905 г. в Калужской губернии», где в частности говорится о том, что «в июле 1905 г. в «Калужских губернских ведомостях» появилось сообщение об учреждении сети отделений «Союза русских людей» и о выделении Александра Владимировича Толстого в качестве уполномоченного по организации отделений в Калужской губернии» [10, с. 420].

Из воспоминаний К. Д. Введенского: *«Это был один из умнейших и корректных черносотенцев. Будучи ярым монархистом, он умел вести дружбу неразрывную с такими людьми, как например, с И. Л. Толстым (сыном графа Л. Н. Толстого), который как ни как был левым «кадетом» ...»* [2, с. 84]. Этот факт показывает, что, несмотря на политические разногласия, между людьми сохранялись личные отношения. И. Л. Толстой – сын Льва Толстого, был «кадетом» (членом либеральной Конституционно-демократической партии). Это говорит о сложности политической обстановки и о том, что личные связи могли пересекать идеологические границы. Именно Грузевич-Нечай подозревал Введенского в утечке секретной информации калужского губернатора, не имея на это прямых доказательств. Это подтверждает К. Д. Введенский в своих воспоминаниях: *«Меня однажды Грузевич призвал после службы к себе на квартиру*

в дом Кологривова и отечески журил, требуя, чтобы я больше не «корреспондировал» [2, с. 84]. Отсутствие у Грузевича-Нечая других подозреваемых находит подтверждение в его же словах, брошенных им в разговоре с Введенским: *«Не вздумайте отговариваться!.. Кроме вас в канцелярии некому этого сделать...»* [2, с. 84]. Но ничего от Введенского не добился и пообещал никому ничего не говорить об этой встрече. Несмотря на обещание Грузевича никому не говорить о состоявшемся разговоре, Введенский опасался разоблачения. В связи с этим он решил перейти на работу в губернское земство. В этом ему пытался помочь его приятель П. И. Зубков. Через него Введенский наладил связь с секретарём земской управы, эсером А. А. Журавлёвым и председателем управы, кадетом В. П. Обнинским. Из воспоминаний К. Д. Введенского: *«Нащупав почву через П. И. Зубкова у секретаря губернской земской управы А. А. Журавлева (с-р) и председателя управы В. П. Обнинского (к-д), я подаю прошение о приеме меня на службу в губернское земство* [2, с. 84]. Переход в земство не удался из-за противодействия Грузевича, который, по версии Введенского, повлиял на губернатора, чтобы тот не давал разрешения. *«Порядки того времени требовали, чтобы о каждом лице, поступающем на службу в земство, испрашивалось разрешение губернатора. И когда послан был запрос обо мне, то он так и остался у губернатора под сукном, и мне перейти в земство не удалось. Конечно, это было делом рук В. А. Грузевича, не желавшего отпускать меня из своей канцелярии»* [2, с. 84]. Введенский продолжил службу на прежнем месте.

В 1905 г., отмеченном подъёмом революционного движения, в Калуге активно действовал Калужский комитет РСДРП, объединявший различные группы населения и

секретарем Калужского отдела попечительства о глухонемых. В 1904 г. высочайшим приказом по гражданскому ведомству произведен в титулярные советники. За труды по Первой всеобщей переписи населения 1897 г. награждён темно-бронзовой медалью. Венчался 14 октября 1901 г. в Старо-Киевской Георгиевской церкви. Таинство брака совершил протоиерей Александр Корсаковский. Указом императора от 25 ноября 1913 г. вместе с женой и сыном внесён в 1-ю часть дворянской родословной книги по Калужской губернии и указом Правительствующего Сената по департаменту герольдии от 4 января 1914 г. за № 2 утверждён в потомственном дворянском достоинстве. С 4 апреля 1914 г. служил церковным старостой

Николаевской церкви с. Створожня. В 1914 г., совместно с супругой – Варварой Семеновной Алексеевой (1875 – †?) пожертвовал в приходскую церковь плащаницу, за что получил архипастырское благословение. Владимир Александрович был убит крестьянами в лесу на охоте. Сын – Александр (14.10.1902, Калуга – †?). Крещён 7 ноября 1902 г. в калужской Покровской церкви на рву священником Михаилом Угорским с псаломщиком Василием Страховым. Восприемниками при крещении были: действительный статский советник Юлиан Юлианович Рафаилинский и жена действительного тайного советника Ольга Николаевна Селиванова [5].

ведший работу в городе и уездах. Комитет имел секции для работы среди рабочих, железнодорожников, солдат и боевую дружину для подготовки к вооружённой борьбе, осуществлял подготовку к восстанию. Организацией боевой дружины занимались С. Д. Митин («Мохов») и М. И. Образцов («Воробей»), штаб её располагался в техническом училище. Финансирование осуществлялось за счёт пожертвований от рабочих, учащихся и интеллигенции, а также отчислений от рабочих железнодорожного района. В распоряжении боевой дружины имелось около 60 револьверов, винтовки, берданки и охотничьи ружья. Револьверы хранились в различных местах, в том числе в магазине на Никитской улице. Предложение П. П. Суханова о создании централизованного арсенала было отклонено комитетом и впоследствии использовано для обвинения его в провокации. Обучение стрельбе проводилось за городом.

Подготовка к вооружённому восстанию не обходилась без трагических случайностей. Во время одной из тренировок боевой дружины произошёл несчастный случай: из-за неосторожного обращения с оружием погиб член организации Иван Тулин. В состоянии паники дружинники решили скрыть факт гибели, написав анонимное заявление Калужскому уездному исправнику Н. Э. Мантейфелю. После консультации на конспиративной квартире на Дровяной площади (ныне – пл. Победы в Калуге), трое дружинников явились с повинной к прокурору калужского окружного суда И. С. Данилову и после допроса были отпущены [2, с. 85–86].

Осенью 1907 г. К. Д. Введенский был арестован. В группу ареста входили: пристав 1-й полицейской части губернский секретарь П. И. Мещерский, жандармские унтер-офицеры во главе с вахмистром С. Е. Гореловым и городовые. Вот как он вспоминал о проведённом у него обыске и аресте сам К. Д. Введенский: «Дело было 11 октября... в 6 часов утра. В мою комнату входит пристав Мещерский. Сзади маячит высокая фигура жандармского вахмистра Горелова, один жандарм¹⁴, городовые и двое штатских» [2, с. 91].

Причиной ареста становится хранение прокламаций «К новобранцам». В воспоминаниях Введенский признал свою неосторожность в хранении прокламации на видном

месте, что облегчило задачу полиции. «И рука пристава протягивается к пакету на подоконнике». Во время обыска возник один прецедент. «Одевшись, я выхожу на кухню умыться. Сопровождающий жандарм останавливается возле двери. В кухне мать и две маленькие сестрёнки сидят и плачут. Умышленно долго умываюсь и не перестаю диктовать матери, куда должна пойти, что сделать, сказать и проч. Бедная плачет, но всё-таки обещает исполнить все, что прошу. Это меня немного успокаивает» [2, с. 91]. По мнению автора статьи, жандарм допустил серьёзную ошибку с профессиональной точки зрения. Он встал за закрытой дверью помещения, оставив задержанного без присмотра наедине с родственниками, через которых он мог передать сведения о своём аресте или иную информацию. Это была не единственная такого рода ошибка жандармов.

Из воспоминаний К. Д. Введенского: «В сенях один из жандармов роется в чуланчике, наклонившись над горшками и банками с провизией. В это время моя мать в валенках тихо подходит сзади и берет с полочки над головой жандарма коробочку с печатью Калужского Комитета, которая в тот же день по уходе жандармов была отослана по принадлежности...» [2, с. 92]. Жандарм, рывшийся в чуланчике с провизией, потерял бдительность и сосредоточился на поиске улик в одном конкретном месте, не контролируя окружающее пространство. Жандарм не обеспечил контроль за действиями матери Введенского, что позволило ей незаметно подойти и забрать важную улику. Проведение обыска требовало также контроля за действиями всех присутствующих в помещении лиц. Жандарм, очевидно, нарушил эти инструкции. Среди возможных причин непрофессионализма жандармского унтер-офицера можно указать недостаточную подготовку; усталость и невнимательность; отвлечение внимания – вид горшков и банок с провизией мог отвлечь жандарма от выполнения служебных обязанностей; самоуверенность – жандарм мог считать, что ситуация находится под контролем. Тем не менее, результатом обыска стало обнаружение тайной типографии. Из воспоминаний К. Д. Введенского: «В комнату втаскивают часть набора «Калужского Рабочего», немного рассыпанного шрифта и несколько пачек ружейных и

¹⁴ Предположительно, унтер-офицер (Прим. – автора статьи).

револьверных патронов» [2, с. 92]. Пристав П.И. Мещерский распорядился послать за экспертом в губернскую типографию и отправить экстренное сообщение начальнику КГЖУ полковнику В. П. Шлейферу.

Отдельного внимания заслуживает факт конвоирования Введенского в полицейскую часть. *«Выходим на улицу. Не желая путешествовать со всей полицейской ватагой, я заявляю приставу, чтобы распорядился дать извозчика. Напротив – здание городского училища, и ребята – самый чуткий элемент и необходимые спутники всяких шествий и происшествий уже столпились в ожидании «черной кареты». Я с удовольствием замечаю среди школьников Леню Смирнова, брата А.И. Смирнова. Значит А. И. немедленно будет знать о моем аресте и немедленно же известит, кого следует...»* [2, с. 92]. В этом случае следовало, по мнению автора статьи, предпринять меры для предотвращения контакта школьников с Введенским (например, отсечь толпу, не дать ему возможности их увидеть и только после этого вести задержанного в полицейскую часть. Действия полиции в описанной ситуации свидетельствуют о недостаточной оперативной работе, недооценке роли неформальных каналов связи и отсутствии комплексного подхода к борьбе с революционным подпольем. Полиция действовала шаблонно и формально, упуская возможности для пресечения распространения информации и задержания других участников организации. С профессиональной точки зрения действия полиции были неэффективными и позволили Введенскому передать информацию о своём аресте товарищам, что могло сорвать планы следствия и затруднить дальнейшую борьбу с революционным движением.

После ареста Введенский был доставлен в камеру предварительного заключения (далее – КПЗ) при 1-й полицейской части. За время отсидки в КПЗ на свидание к Введенскому приходил В. А. Грузевич-Нечай. Из воспоминаний К. Д. Введенского: *«Сейчас я (т. е. – Грузевич-Нечай) был у прокурора и у*

жандармского полковника (В. П. Шлейфера) ... Скажите, откуда у вас это все, и мы устроим ... Только сознайтесь! А я знаю, кого попросить, и вы скоро получите свободу...» [2, с. 93]. Автор статьи полагает, что под «благодетелями» В.А. Грузевич-Нечай имел в виду прокурора И. С. Данилова или начальника КГЖУ Шлейфера, а может быть и губернатора А. А. Офросимова. Но Введенский отклонил это предложение и через 5 дней был переведён в калужскую губернскую тюрьму, начальником которой тогда был Василий Иванович Загряжский¹⁵, бывший становой пристав Медынского уезда. К. Д. Введенский оставил о нём воспоминания как о человеке лицемерном, карьеристе и склонного к жестокости. Он вёл себя по-разному в зависимости от социального статуса собеседника: в церкви он был «благочестивым старостой», с дамами – обольстительным кавалером, перед начальством – раболепным чиновником, «интеллигентом» с политическими, а с уголовными заключёнными – грубым и жестоким тираном. Загряжский использовал различные методы для поддержания порядка и контроля в тюрьме: создание дистанции между разными группами заключённых, использование силы и грубости [2, с. 96–99]. Такую же характеристику Введенский дал и подчинённым Загряжского – тюремным надзирателям. В калужской губернской тюрьме надзиратели были «вымуштрованы начальником», вызывая заключённых в контору, никогда не сообщали о цели вызова. Это создавало атмосферу неопределённости и напряжения, поскольку заключённые не знали, что их ждёт: допрос, свидание или что-то другое [2, с. 100]. Из тюрьмы К. Д. Введенского водили на допрос к жандармскому ротмистру М. Н. Ершову, которой вёл дело Введенского. Допросы проводились как к зданию тюрьмы, так и на Дворянской улице (ныне – ул. Суворова) в доме Алтынникова (с колоннами, на углу ул. Мироносицкой), где находилась канцелярия жандармского офицера. Допросы велись наедине целыми часами, на которых жандарм использовал по словам

¹⁵ Василий Иванович Загряжский происходил из семьи обер-офицерских детей, родился в 1876 г. и имел чин коллежского асессора. После окончания Медынского уездного училища в июле 1895 г. начал службу в должности надзирателя 2-го околотка г. Калуги. Впоследствии исполнял обязанности полицейского надзирателя в г. Тарусе и станового пристава в Тарусском, а затем и Медынском уездах. В августе 1906 г. был назначен на должность начальника Калужской

губернской тюрьмы. В октябре 1913 г. перемещён на должность начальника Вологодской губернской тюрьмы. За годы службы был удостоен орденов св. Станислава 2-й ст. и св. Анны 3-й ст., а также медалей Красного Креста в память участия в деятельности общества во время русско-японской войны 1904–1905 гг., светло-бронзовой медали в память 300-летия царствования Дома Романовых и медали в память столетия Отечественной войны 1812 г. [6].

Введенского «примитивные методы психологического давления, угрозы и попытки вербовки». Ершов во время допросов выкуривал десяток папирос, нервно шагал из угла в угол и «бесплодно гипнотизировал» его своими большими серыми глазами [2, с. 99].

Зимой 1908 г. началась эпидемия тифа. Для предотвращения распространения инфекции политических заключённых калужской губернской тюрьмы решили разослать по уездным тюрьмам. Введенского выслали в Мосальскую уездную тюрьму, условия содержания в которой резко отличались от условий в калужской губернской тюрьме. В мосальской тюрьме царил патриархальный уклад, заключённые свободно гуляли по двору, имели возможность зарабатывать деньги и часто встречаться с родными. Начальник тюрьмы Иван Степанович Брагин в воспоминаниях Введенского предстал как человек, сочетавший в себе доброту и любовь к арестантам с жадностью и скупостью. В мосальской тюрьме К. Д. Введенский активно занимался самообразованием: изучал стенографию, читал научную и художественную литературу. Поддержку ему оказывал священник Смирнов, снабжавший его свежей прессой и литературными изданиями [2, с. 103–105].

Однако в конце лета 1908 г. Введенскому было предъявлено обвинение по ч. 1 ст. 102 «Уложения о наказаниях», что грозило ему каторгой. Для защиты в суде он пригласил присяжного поверенного Сергея Ефремовича Лиона. Судебные слушания по делу К. Д. Введенского и 17 его товарищей начались 11 ноября 1908 г. Несмотря на закрытый характер процесса, зал суда был заполнен сочувствующей публикой. Председательствующий Горнштейн вёл заседание суда корректно и дипломатично. Прокурор Лопатин не старался отличиться и вёл процесс довольно вяло. Защита разведала слабые места обвинения и составила схему речей. Подсудимым было предложено воздержаться от последних слов и не обижаться на нелестные эпитеты в речах защиты. Целью защиты было переквалифицировать инкриминируемую подсудимым статью с 1-й части ст. 102 (подстрекательство к бунту) на более мягкую ст. 126 (принадлежность к тайному сообществу). Часть подсудимых доставлялась в суд под конвоем из тюрьмы, а другая часть явилась самостоятельно, находясь на свободе под подпиской о невыезде. Чтение обвинительного акта заняло около

часу времени. Никто из подсудимых не признал себя виновным. Товарищ прокурора Лопатин выступил с вялой речью, которая заняла не более 50 минут. Вступительная речь Лиона была направлена на создание исторического контекста и оправдание действий подсудимых условиями политической нестабильности и либерализации общественной жизни в 1905–1906 гг. Он подчеркивал, что революционные идеи были широко распространены в обществе, и даже старики считали хорошим тоном читать «красные» книги. Другие защитники делали акцент на молодости, неопытности, скудоумии и неразвитости подсудимых, призывая к смягчению наказания или освобождению от него. Заключительная речь видного калужского адвоката В. И. Агурова была произнесена шёпотом, возле судейского стола, спиной к публике, что создавало атмосферу интимности и доверия. Он обращался к судьям как к отцам, прося их пощадить «этих детей». Выступления адвокатов сыграли важную роль в смягчении приговора. Они смогли убедить суд в том, что действия подсудимых были обусловлены обстоятельствами времени, их молодостью и неопытностью. Поддержка публики и гуманный состав судебной Палаты также способствовали более мягкому исходу дела [2, с. 105–107].

Введенский был приговорён к году тюремного заключения. После вступления приговора в законную силу, он возбудил ходатайство перед Калужским губернским правлением о переводе в мосальскую тюрьму. Ходатайство было удовлетворено, и в январе 1909 г. Введенский снова прибыл в мосальскую тюрьму, где и отбыл оставшийся срок наказания сполна, выйдя 10 мая 1910 г. на свободу. Однако все попытки Введенского устроиться на гражданскую службу потерпели неудачи, и он обратился к калужскому губернатору с прошением о выдаче ему метрики, документов об образовании, формулярного списка. Но вместо этого ему выдали «аттестат» с информацией о политической судимости, которая не позволяла ему найти работу в Калуге. К. Д. Введенский был вынужден обратиться к начальнику КГЖУ полковнику А. С. Виноградову, который признался Введенскому, что политическая судимость будет с него снята только в случае прекращения всяческих контактов с деятелями калужского революционного движения. После освобождения К. Д. Введенского за ним было установлено

филёрское наблюдение, позже он уехал в Москву, где его застала Февральская революция [2, с. 108].

Анализ мемуаров К. Д. Введенского позволяет воссоздать картину противостояния политического подполья и правоохранительной системы в Калужской губернии в период с 1905 по 1908 годы. Формирование радикальных взглядов К. Д. Введенского происходило в условиях консервативной системы образования, что, как показывает его исключение из семинарии за чтение «неблагонадежных» книг, лишь подтолкнуло его к поиску альтернативных источников информации и активной революционной деятельности. Деятельность Калужского комитета РСДРП, несмотря на высокий уровень организации, страдала от недостаточной конспирации, что приводило к утечке информации и провалам, примером чему служит несчастный случай на тренировке боевой дружины, ставший известным полиции. Условия содержания в калужской губернской тюрьме, возглавляемой лицемерным и жестоким Загряжским, демонстрировали непрофессионализм, злоупотребление властью и нарушение прав заключенных. Так, личное рукоприкладство Загряжского по отношению к уголовным заключенным являлось прямым нарушением закона и должностных инструкций. Обыск в квартире Введенского, проведенный правоохранителями, выявил как их профессионализм, например, оперативное обнаружение прокламаций приставом Мещерским и находка типографии вахмистром Гореловым, так и упущения. В целом, действия жандармов во время обыска можно оценить как рутинные и формальные. Помимо Мещерского и Горелова, другие жандармы не проявили особой инициативы, ограничиваясь выполнением указаний, что свидетельствует о недостаточном уровне профессиональной подготовки и мотивации. Пример: жандарм, рывшийся в чуланчике, проявил непрофессиональную потерю бдительности, позволив матери Введенского вынести компрометирующую улику. Это указывает на необходимость более тщательного инструктажа и подготовки личного состава. Непрофессионализм правоохранительных органов также проявляется в попытке вербовки Введенского. Попытка прямолинейной вербовки Введенского предпринятая Грузевичем-Нечаем, членом партии «За царя и порядок», приобретает особое значение. Участие члена консервативной

организации в попытке склонить Введенского к сотрудничеству с властями в обмен на свободу подчёркивает стремление чиновника использовать все доступные ресурсы для борьбы с революционным движением, включая привлечение к этой борьбе представителей различных политических сил.

В то же время, методы допроса, применяемые ротмистром Ершовым, свидетельствуют о неэффективной работе жандармерии. Предложение Ершова Введенскому работать в охранке является прямолинейной и непродуманной попыткой вербовки, не учитывающей личные убеждения и мотивацию допрашиваемого. Действия полиции и жандармерии при обыске, характеризующиеся внезапностью и тщательностью, часто сопровождались пренебрежением к правам задержанного, примером чему служит отказ в еде и питье арестованному Введенскому. Управление Мосальской уездной тюрьмой, в отличие от губернской, сочетало в себе элементы гуманизма и... коррупции. Начальник Брагин, предоставляя Введенскому льготы в обмен на работу в конторе, злоупотреблял должностным положением, но в целом создавал относительно комфортные условия для заключённых. Судебный процесс над калужскими социал-демократами завершился успешно благодаря профессионализму адвокатов и гуманности суда. Речи адвокатов, апеллирующие к молодости и неопытности подсудимых, а также к обстоятельствам времени, оказали влияние на судей и способствовали переквалификации обвинения.

Трагическим эпизодом в биографии В.А. Грузевича-Нечая стала его насильственная смерть в 1914 году. Согласно публикации в газете «Калужский курьер» (№ 140), 16 декабря 1914 г. Грузевич-Нечай, занимавший должность земского начальника 3-го участка Калужского уезда, был убит М. В. Коротковым, крестьянином дер. Мешково Сергиевской волости. Убийство было совершено с использованием двуствольного ружья, двумя выстрелами, причинившими смертельные ранения в грудь и голову. Мотивом преступления явилась месть, обусловленная предшествовавшим наложением штрафа на Короткова в размере 25 руб. за ненадлежащее исполнение обязанностей сторожа. Коротков, осознавая содеянное, в тот же день явился во 2-ю полицейскую часть г. Калуги и добровольно

сообщил о совершённом убийстве дежурному околоточному надзирателю, после чего был задержан. Материалы предварительного дознания были переданы в Калужское уездное полицейское управление. О факте убийства были уведомлены судебный следователь по Калужскому уезду и прокурор Калужского окружного суда [9]. Погребение В. А. Грузевича-Нечая состоялось 19 декабря 1914 г. в его родовом имении Створожня. На траурной церемонии присутствовали представители губернской администрации: вице-губернатор В.А. Оленин, неперменный член губернского присутствия П. А. Муромцев, а также уездный исправник и коллеги Грузевича-Нечая – земские начальники Калужского уезда [7].

Председатель Калужского окружного суда И. С. Данилов в феврале 1914 г. в чине статского советника покинул Калужскую губернию в связи с назначением на должность члена Московской судебной палаты. Незадолго до отъезда к месту нового назначения представители калужского судебного ведомства устроили торжественные проводы Данилову в доме купеческого собрания на Плац-Парадной площади (Старый торг 9/10). В субботу 22 февраля 1914 г. И. С. Данилов давал ответный обед. Вместо Данилова прокурором Калужского окружного суда стал бывший

товарищ прокурора петербургского окружного суда Попов [8].

В. И. Загряжский руководил Калужской губернской тюрьмой до 1913 г. В октябре 1913 г. он стал начальником Вологодской тюрьмы. В 1914 г. по болезни был уволен в отставку, а 23 декабря 1916 г. вернулся на службу и был назначен полицмейстером в Челябинск. После Февральской революции 1917 г. был уволен в отставку, не успев вступить в должность [6].

Краткое замечание о расстреле вахмистра С. Е. Горелова содержится в воспоминаниях участника революционного движения Н. Г. Алмазова [1, с. 312].

Февральская революция застала Н. Э. Мантейфеля на должности Козельского уездного исправника. В 1918 г. бывший уездный исправник был расстрелян.

Февральская революция 1917 г. застала коллежского асессора П. И. Мещерского в должности уездного исправника Малоярославского уезда. 31 мая 1917 г. П. И. Мещерский был арестован по «Делу об увольнении бывших чинов полиции Калужской губернии со службы в отставку ввиду учреждения новых должностей милиции» согласно телеграмме МВД и исключению из списка службы по полиции». 28 июля 1917 г. дело Мещерского было прекращено [4, с. 12].

Список литературы:

1. Алмазов, Н. Г. Мои воспоминания / Н. Г. Алмазов // Из партийного прошлого: сборник воспоминаний о партийной работе в Калуге. В 2-х выпусках. Вып. 1. – Калуга: Госиздат, 1921. – С. 311–318.
2. Введенский, К. Д. Мои воспоминания о партработе и тюремной жизни / К. Д. Введенский // Из партийного прошлого: сборник воспоминаний о партийной работе в Калуге. В 2-х выпусках. Вып. 2. – Калуга: 2-я Гос. типография, 1923. – С. 82–107.
3. Власов, А. Е., Штепа, А. В. Полицейские и жандармы глазами участников социал-демократического движения в Калужской губернии в начале XX века / А. Е. Власов, А. В. Штепа // У истоков Российской государственности. Исследования и материалы. – Калуга: Изд-во «Эйдос». – 2020. – С. 344–356.
4. Грекова, Елена. Страницы достойной жизни / Елена Грекова // Православный христианин. – 2022. – № 6 (201). – С. 9–12.
5. Грузевич-Нечай Владимир Александрович // Синодик священнослужителей, церковных старост, учителей, благотворителей, благочестивых жителей приходов и их семей. Калужский уезд / сост.: В. Легостаев. URL: <https://textarchive.ru/c-2681503.html> (дата обращения 15.04.2025 г.).
6. Загряжский Василий Иванович // Главное управление МВД по Челябинской области: офиц. сайт. URL: <https://74.xn--b1aew.xn--p1ai/300/%D1%80%D1%83%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B4%D0%B8%D1%82%D0%B5%D0%BB%D0%B8-%D0%B4%D0%BE%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%BE%D0%BB%D1%8E%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D0%B9->

[%D1%80%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8/item/10869376](#) (дата обращения 15.04. 2025 г.)

7. Похороны Грузевича-Нечая. Ещё раз об убийстве Грузевича-Нечая // Калужский курьер. – 1914. – № 141. – 20 декабря.

8. Проводы прокурора // Калужский курьер. – 1914. – № 23. – 25 февраля.

9. Убийство земского начальника Грузевича-Нечая // Калужский курьер. – 1914. – № 140. – 16 декабря.

10. Херсонский, С. Б., Тихомиров, Б. М. Хроника событий в Калужской губернии в 1905 году / С. Б. Херсонский, Б. М. Тихомиров // Калужская губерния в 1905 году. Сборник статей и воспоминаний. – Калуга, 1925. – С. 411–441.

11. Шевцов, А. В. «За царя и порядок» / А. В. Шевцов // Непериодические издания русских либеральных и консервативных партий начала XX века. Библиографический указатель. – СПб.: Российская национальная библиотека, 2002. – 416 с.

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

УДК 94

*А. Н. Гольцов***НЕФТЯНАЯ ПОЛИТИКА ВЕЛИКОБРИТАНИИ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ
В НАЧАЛЕ XX ВЕКА: КОЛОНИАЛЬНЫЕ АМБИЦИИ И СТРАТЕГИЧЕСКИЕ
ИНТЕРЕСЫ**

Статья посвящена исследованию особенностей британской политики в области добычи и распределения нефти на Ближнем Востоке в первые десятилетия XX века. Автор рассматривает формирование колониальной стратегии Великобритании в данном регионе, акцентируя внимание на связи нефтяных ресурсов с укреплением политического влияния и экономической мощи империи. Анализируются механизмы установления британского контроля над ключевыми месторождениями нефти, роль дипломатии и военной силы в защите экономических интересов страны, а также значение нефтяных компаний в формировании политической линии Лондона. Исследование позволяет глубже понять мотивы действий британских властей и влияние нефтяного фактора на международные отношения начала прошлого столетия.

Ключевые слова: Британская империя; Великобритания; Ближний Восток; Первая мировая война; нефтяная политика; британская стратегия; соглашение Сайкса-Пико; колониальная политика; международные отношения.

*A. N. Goltsov***BRITAIN'S OIL POLICY IN THE MIDDLE EAST AT THE BEGINNING OF THE 20TH
CENTURY: COLONIAL AMBITIONS AND STRATEGIC INTERESTS**

This article is dedicated to the examination of the peculiarities of British policy regarding oil extraction and distribution in the Middle East during the early decades of the 20th century. The author explores the formation of Britain's colonial strategy in the region, emphasising the connection between oil resources and the strengthening of the political influence and economic power of the empire. The mechanisms of establishing British control over key oil fields, the role of diplomacy and military force in safeguarding the country's economic interests, as well as the significance of oil companies in shaping London's political agenda are analysed. This study allows for a deeper understanding of the motives behind the actions of British authorities and the impact of oil on international relations at the beginning of the last century.

Keywords: British Empire; Britain; Middle East; First World War; oil policy; British strategy; Sykes-Picot Agreement; colonial policy; international relations.

Важность приобретения британским правительством контрольного пакета акций Anglo-Persian Oil Company в 1914 г. часто недооценивается, поскольку это событие обычно рассматривается как изолированное действие с очевидными региональными последствиями. Однако ясность местных последствий может скрывать более глобальные структурные соображения. Они, конечно, менее прямые, но очень показательны для понимания эволюции имперских стремлений Великобритании и взаимосвязи между экономикой и стратегией в формировании этих стремлений. Было ли это действительно изолированным мероприятием или скорее радикальным поворотом, направленным на переопределение имперских приоритетов Лондона?

В рамках заявленной темы статьи её цель – исследовать насколько тезис о том, что покупка Anglo-Persian Oil Company была лишь первым элементом новой британской стратегии, которая постепенно утвердилась в период и после окончания Первой мировой войны. Однако, учитывая мировые обстоятельства, она перестала принимать форму экономического участия и проявилась больше на территориальном и политическом уровнях. Согласно этой интерпретации, покупка группы d'Arcy ознаменовала начало переходной эпохи, характеризующейся превосходством стратегического над экономическим. Приоритетом было успешное ведение военных и дипломатических действий в нефтедобывающих регионах, что позволило бы определять судьбу нефтяной промышленности,

зависящей от территориального господства Великобритании.

Для достижения поставленной цели сначала мы попытаемся продемонстрировать стремление Великобритании к стратегическому превосходству за счёт собственных союзников. Мы хотим показать, что, несмотря на воздержание правительства Его Величества от прямого контроля над другими нефтяными компаниями, новый источник энергии действительно стал приоритетом имперской стратегии Великобритании, если – не единственным приоритетом.

Во-вторых, мы проанализируем отношения между государством и нефтяной промышленностью, чтобы доказать, что естественная связь, которую нефть создавала между экономикой и стратегией, послужила основой для формирования государственной геоэкономики. По нашему мнению, это лучший пример нового баланса между экономикой и стратегией в Великобритании в период с 1914 по 1921 год и его влияния на концепцию имперского проекта и даже на роль Британии в мире.

Во время Первой мировой войны союзниками Лондона против центральных держав были в основном Париж и Петроград, к которым в 1915 г. присоединился Рим, а в 1917 г. – Вашингтон. Однако и другие силы, такие как арабское национальное движение и сионистская организация, находили в Великобритании объективного союзника, способного удовлетворить их стремления [20]. Сложность, с которой столкнулся Лондон, заключалась в противоречии интересов его различных союзников. Действительно, стремления всех упомянутых локальных и международных акторов, казалось, сходились в одной точке: на Ближнем Востоке. Перспектива раздела османских владений пробудила противоположные амбиции у союзников.

Но было необходимо учитывать все интересы, поскольку вызовы, поставленные европейской войной, придавали решающее значение вкладу каждой силы, противостоящей Тройственному союзу. Поэтому Лондон должен был управлять своими отношениями с различными союзниками согласно реальной политике, сочетающей военные действия и дипломатическое вмешательство, политике, призванной обеспечить ему решающее право арбитража в послевоенный период [22]. Военные действия на этом фронте действительно

начались, когда османский султан ввёл эмбарго на суда, перевозившие российскую нефть по Дарданелльскому пути. Таким образом, нефть стала причиной франко-британской кампании весной 1915 г., целью которой было форсирование проливов и обеспечение поставок нефти из Баку, завершившейся поражением при Галлиполи [25].

Таким образом, несмотря на французские колебания, карта арабского национализма утвердилась [16]. Британская дипломатия действительно считала, что внутреннее восстание было лучшим способом покончить с «больным человеком» (Османской империей). Британский резидент в Каире, сэр Генри Макмахон, получил разрешение вести от имени короны переговоры с шерифом Хусейном ибн Али, хашимитским эмиром Мекки и самопровозглашённым лидером арабов, с целью спровоцировать восстание против Константинополя. Взамен Лондон обязался поддержать создание большого арабского государства, простирающегося от Анатолии до Персии и от Индийского океана до Красного моря и Средиземноморья.

Восстание вспыхнуло в 1916 году [24]. Иными словами, Великобритания заручилась незаменимой военной помощью арабских сил под символическим командованием шерифа Хусейна ибн Али и под фактическим руководством Т. Э. Лоуренса, пообещав арабам независимость и суверенитет. Переписка между Хусейном и Макмахоном служит неопровержимым доказательством этого британского обязательства [13].

Переговоры между британским резидентом в Каире и эмиром Мекки, хоть и были непростыми, в основном касались условий соглашения, таких как границы обещанного арабского государства и место Великобритании в новой институциональной структуре. Макмахон, например, считал, что Бейрут и Иерусалим нельзя считать арабскими городами из-за их глубокой космополитичности – аргумент, который отвергал шериф Хусейн, отказываясь проводить различие между «арабами» и «арабизированными». Принимая переговоры об условиях соглашения, Лондон, по видимости, соглашался с его сутью: независимостью и суверенитетом арабской нации.

На местах Лоуренс Аравийский уверял свои войска, что их усилия будут вознаграждены. Как он позже признавал в своих мемуарах, он полностью осознавал злоупотребление

доверием. «Я пошёл на риск обмана, убеждённый, что помощь арабов необходима для нашей быстрой и недорогой победы на Востоке, и что лучше выиграть, нарушив наши обещания, чем проиграть... Участие арабов было нашим главным рычагом для победы в восточной войне. Поэтому я уверял их, что Великобритания выполнит свои обязательства по букве и духу. С этими заверениями они совершали подвиги, но, конечно, вместо того чтобы гордиться нашими общими достижениями, я постоянно и горько стыдился» [19, р. 24].

Тем временем другие британские дипломаты вместе со своими французскими, русскими и итальянскими коллегами чертили линии на картах, обозначающих те же территории. 16 мая 1916 г., когда арабское восстание уже началось, были подписаны соглашения Сайкса-Пико [6]. Они предусматривали раздел османского наследия следующим образом: Франция получала сирийское и ливанское побережье с зоной влияния, охватывающей остальную часть Сирии и север Ирака, включая нефтяную область Мосула. Великобритания получила управление портами Акко и Хайфа, юг Месопотамии от Багдада до Персидского залива, а также обширную зону влияния от Палестины до Ирана. Царской России были переданы провинции Эрзурум и Трабзон на севере Анатолии, регион Ван и север долины Тигра. Это соглашение было дополнено в апреле 1917 г. соглашением в Сен-Жан-де-Морьен, которое предоставило итальянцам зону оккупации в западной Анатолии в районах Смирны, Коньи и Анталы [10].

Чтобы получить полное представление о мозаике противоречивых обещаний Лондона, необходимо упомянуть декларацию Бальфура 1917 года. В письме от 2 ноября 1917 г., адресованном лорду Уолтеру Ротшильду и через него – сионистской организации, британский министр иностранных дел объявил о намерении правительства Его Величества приложить все усилия для создания национального очага для еврейского народа в Палестине [26].

Британские обещания были направлены на использование всех сил, которые могли способствовать поражению Германии. Однако они также отражали радикальное изменение в британском понимании международных отношений. Лондон больше не полагался на свой «мягкий» подход. Противоречивость его

обещаний могла нанести ущерб имиджу «джентльменской» политики, основанной на обязательствах и чести, и непоправимо дискредитировать Лондон, что могло заставить его местных союзников, таких как арабские националисты, отказаться от сотрудничества и тем самым ограничить эффективность неформального империализма.

В ноябре 1917 г. сотрудниками советских органов власти были обнаружены в архивах царского министерства иностранных дел копии секретных соглашений Сайкса-Пико. Зная о важности концепции сотрудничества в британских имперских традициях, Москва поспешила предать гласности планы великих держав на Ближнем Востоке. В краткосрочной перспективе эта акция не имела решающего значения, поскольку арабское восстание уже началось, и отступление было невозможно. Однако в долгосрочной перспективе соглашения Сайкса-Пико ясно показали, что Лондон больше не рассчитывал на местное сотрудничество и намеревался напрямую определять геополитическую карту региона.

Действительно, этот документ предусматривал чрезмерные нефтяные и территориальные преимущества для Франции, которая должна была получить, например, контроль над нефтяной областью Мосула, а также нефтяные концессии, которыми тогда владела Deutsche Bank через Turkish Petroleum Gesellschaft [7]. Взамен Лондон добился согласия Франции на масштабное перемещение британских войск с европейского театра военных действий на Ближний Восток. Это положение, кажущееся незначительным, на самом деле имеет огромное значение. Оно демонстрирует глубину изменений в стратегическом видении Великобритании и отражает эволюцию внутренних структур. Ближний Восток мог со временем заменить Индию как центр тяжести Британской империи, которой руководила новая промышленная элита.

На практике, пока Франция и Германия были заняты европейскими операциями, Великобритания перебросила на Ближний Восток около полутора миллионов солдат, большинство из которых должны были остаться в регионе даже после окончания боевых действий в 1918 году. Такое военное присутствие обеспечивало Лондону значительное превосходство над всеми другими участниками, что должно было компенсировать уступки,

сделанные союзникам, особенно французам и арабам.

После окончания боевых действий неизбежно встал вопрос о Ближнем Востоке. Поскольку все противоречивые обязательства не могли быть выполнены, Лондон был вынужден перераспределить карты в соответствии со стратегическим весом различных участников игры. Слабым звеном оказались арабы. С окончанием войны Хашимиты потеряли свой единственный рычаг давления – роль необходимых союзников британцев против Константинополя [5]. Выполнение военных обещаний теперь полностью зависело от стратегии и интересов их бывших союзников, которые в одностороннее стали их новыми колонизаторами.

Что касается Франции, то после эйфории победы в Европе она слишком поздно обнаружила, что её позиции на Востоке, мягко говоря, поставлены под сомнение. Британцы занимали прочные военные позиции не только в своих зонах, обещанных по соглашениям Сайкса-Пико, но и в тех, которые были предоставлены Парижу. Более того, не обладая возможностью немедленно развернуть свои войска на Востоке, Франция не имела другого выбора, кроме как принять «предложение» британцев обеспечить военную охрану этих зон. Генерал Алленби, командующий египетскими экспедиционными силами, фактически стал военным диктатором всего арабского Ближнего Востока, включая французскую сферу влияния [14].

Дисбаланс соотношения сил стал настоящим арбитром при реализации соглашений мая 1916 года. Целью Лондона было явно присоединение Мосула к Ираку и, следовательно, к британской зоне. Чтобы избежать дипломатического конфликта с Парижем во время мирной конференции 1919 г., британский премьер-министр Ллойд Джордж обратился к своему французскому коллеге Жоржу Клемансо, председателю Совета, за месяц до начала Версальской конференции с просьбой согласиться на расширение британской зоны до региона Мосула. Взамен Франции было обещано удовлетворение её претензий на Великую Сирию и гарантии британской поддержки в Европе в послевоенный период. Ответ Клемансо: «Вы получите это, вам нужно что-то ещё?» – ознаменовал успех британской стратегии, тщательно подготовленной до 1918 г., направленной на обеспечение монополии

Лондона на известные в то время источники ближневосточной нефти [17].

В свете такой интерпретации трудно согласиться с идеей о том, что покупка Англо-персидской нефтяной компании в 1914 г. была изолированной мерой. По нашему мнению, это была первая стадия систематической политики, направленной на полный контроль нефтяных ресурсов Ближнего Востока. Само собой разумеется, что начало войны значительно изменило методы достижения этой цели. Геополитические средства были предпочтительнее, поскольку они лучше отвечали требованиям того времени.

Этот выбор должен был продолжиться после 1918 года. Действительно, возвращение к традиционному геоэкономическому империализму было в краткосрочной перспективе нелепо. Великобритания осознавала, что, несмотря на свою очевидную гегемонию, она потеряла значительную часть своей финансовой и коммерческой мощи в мире в пользу Соединённых Штатов. Поэтому необходимо было использовать своё территориальное и институциональное превосходство, достигнутое с помощью оружия или дипломатии. Ещё до окончания войны в 1918 г. правящая элита Лондона понимала, что отныне конкуренция за мировое господство будет идти с другого берега Атлантики [23].

Поэтому неудивительно, что дипломатическое противостояние между двумя сторонами произошло во время Версальской конференции в 1919 году. Либеральный план, предложенный президентом Вильсоном, показался европейцам идеалистическим не только в отношении его сомнений по поводу репараций, которые должна была выплатить Германия, но и из-за его враждебного отношения к колониальным предприятиям [4]. Принцип права народов на самоопределение был частично соблюден только в Европе, особенно в результате распада Австро-Венгерской империи. Что касается немецких колоний и османских владений, они были рассмотрены как военная добыча и, следовательно, должны были быть разделены между победителями, с явным преимуществом для Великобритании, что прекрасно продемонстрировал пример арабского мира.

Неудача Вильсона в Версале и последовавший за этим американский неомонополизм побудили Лондон ещё больше дистанцироваться от США. Управление нефтяным

вопросом стало катализатором этого стремления. Выход Америки из Лиги Наций позволил Великобритании и Франции официально утвердить границы, установленные соглашениями Сайкса-Пико, через мандаты, которые создали английские и французские протектораты в соответствующих зонах на Ближнем Востоке [9]. Воспользовавшись отсутствием США, Лондон организовал в 1920 г. конференцию в Сан-Ремо (Италия), главной целью которой был раздел нефтяных интересов, возникших после распада Османской империи.

Договор, известный как Сан-Ремский, предоставил Франции 25% акций английской нефтяной компании в Месопотамии. Таким образом, Франция получила долю немецкой Deutsche Bank в бывшей Turkish Petroleum Gesellschaft, приобретённую у Германии в качестве военных репараций. Остальными концессиями управляло британское правительство – напрямую через Anglo-Persian Oil Company или косвенно через Royal Dutch-Shell. Британцы также получили право вывозить нефть по трубопроводу, проходящему через территорию французского мандата в Сирии до берегов Средиземного моря, при этом освобождаясь от французских налогов [11,12].

На самом деле Лондон стремился исключить из ближневосточных нефтяных районов как компании, получившие до войны концессии от Османской империи на разведку и добычу «чёрного золота», так и новых участников, представлявших конкурирующие державы, главным образом США. Это был период, когда промышленные силы, приобретшие большое влияние на принятие политических решений на международном уровне, ещё могли заявлять о себе, требуя имперской стратегии закрытой двери.

В Иране Anglo-Persian Oil Company, владевшая концессией на разведку юга страны, воспользовалась ослаблением России после прихода к власти большевиков, чтобы получить исключительное право на разведку на севере, в провинциях Гилан, Мазандеран и Астрабад. Так была создана North Persia Oil Company. Для американцев это было нарушением свободной конкуренции. Вашингтон резко протестовал против англо-иранского соглашения от 9 августа 1919 г., которое предоставляло Великобритании «привилегированное положение» в Персии [15].

В Ираке, который быстро стал одним из крупнейших производителей нефти на

Ближнем Востоке, Лондон отказался признавать нефтяные права, заключённые американскими компаниями в прошлом через посредство бывших османских концессий. Он также сопротивлялся требованиям США об экономической открытости. Официальный аргумент, по словам лорда Керзона, тогдашнего британского министра иностранных дел, заключался в том, что «ресурсы Ирака ни в коем случае не будут принадлежать Великобритании, а будущему государству, которое там будет создано» [17, р. 138].

Однако британская стратегия вскоре столкнулась с растущим давлением как извне, так и изнутри. С одной стороны, британская гегемония на Востоке всё больше раздражала американские финансовые круги, которые видели в этом попытку навязать британский монополизм на стратегический продукт. С другой стороны, британские либеральные традиции постепенно восстанавливали своё влияние в процессе принятия политических решений под давлением финансовой элиты, всё более решительно настроенной восстановить ортодоксальный порядок. Противостояние между протекционистскими и либеральными тенденциями в Великобритании привело к экономическим колебаниям и стратегической неопределённости в управлении ближневосточными вопросами.

На экономическом уровне далеко не все были едины во мнении о необходимости ведения нефтяной борьбы против американцев. Политика закрытых дверей с начала 1920-х гг. сталкивалась с серьёзными трудностями в привлечении влиятельных частных игроков, даже в нефтяном секторе. Некоторые деловые люди, включая Галуста Саркиса Гюльбенкяна, высокопоставленного руководителя Turkish Petroleum, считали, что такая конкуренция была губительна для цены на нефть. Было особенно важно положить ей конец, поскольку США сложно было считать врагами Великобритании [21].

На стратегическом уровне британская политика на Ближнем Востоке разрывалась между старым принципом имперского приоритета Индии и новым колониальным вопросом – нефтью. Эта нерешительность вылилась в своеобразную борьбу между британскими ведомствами, проявившуюся в соперничестве между колониальной администрацией Индии и администрацией Каира. Это было прямым

следствием противоречивых британских обещаний, данных во время войны.

Действительно, в период 1914–1918 гг. Каир стал ключевым центром британской ближневосточной политики, что противоречило интересам английской администрации Индии. Последняя традиционно отвечала за защиту Персидского залива и Адена и стремилась сохранить своё доминирующее положение в регионе. После захвата Багдада британские войска, офицеры и администраторы которых в основном принадлежали к администрации Британской Индии, внедрили свои методы управления. Целью было прямое управление Ираком, что означало полное игнорирование стремлений арабского населения и прямое отрицание британских обещаний. Из-за активного участия в британской победе индийцы должны были получить привилегии. Для этого Ирак мог стать полноправной территорией Индии, чтобы служить выходом для индийской торговли и предприятий. Он также мог стать местом приёма для безземельных индийских крестьян. Другими словами, Ираку навязывалась прямая колонизация со стороны Британской империи в Индии [8].

В то же время в Каире британские дипломаты вели параллельные рассуждения, которые приводили к совершенно противоположным выводам. По их мнению, арабы, которые значительно способствовали британской победе на Востоке, должны были получить преимущества. Напомнив, что Османская империя ещё не рухнула, эти руководители выступали за продолжение сотрудничества с Хашимитами, поэтому Лондон должен был выполнить, по крайней мере частично, свои обязательства и, во всяком случае, предотвратить колонизацию Ирака администрацией Индии [18].

Как видно из этого спора, нефть оставалась в стороне. Однако она, безусловно, была одним из мотивов, если не единственным, этой большой ссоры. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить институциональную ситуацию в Ираке. Недавно завоёванная страна была лишена администрации, способной управлять государственным аппаратом. Поэтому необходимо было выбрать наиболее подходящий колониальный статус для её управления.

На первый взгляд, прямая колонизация казалась более подходящей из-за отсутствия настоящего государства, способного

подписать соглашение о протекторате с правительством Его Величества. На этот аргумент команда из Каира отвечала, что, учитывая финансовые трудности Великобритании, прямая колонизация могла оказаться большой ошибкой и вызвать народные волнения, препятствующие текущим нефтяным проектам. Этот аргумент освещает реальные цели двух полюсов Британской империи, каждый из которых стремился расширить свою зону влияния на Месопотамию и её нефтяные месторождения.

Нерешительность Лондона в выборе одной из сторон демонстрировала, что британский имперский опыт находился на перепутье, и направление, которое следовало выбрать, ещё не было очевидным. Отсутствие реального влияния команды из Каира на местах оставило простор для чиновников администрации Индии. Держа Ирак железной рукой, последние надеялись обойти полемику и управлять будущим этой области по-своему.

Ответ местного населения последовал в виде народного восстания в 1920 году. Весь Ирак был охвачен волнениями. Некоторые обширные регионы даже смогли избавиться от британского контроля. Однако Великобритания не была готова терпеть последствия длительной нестабильности в регионе. Британская авиация обрушилась на население, и восстание было подавлено кровью. Тем не менее сторонники прямой колонизации проиграли в этой борьбе: баланс между основными экономическими силами в Великобритании в 1920-х гг. был достигнут через систему налогообложения и бюджетирования, ограничивающую военные расходы.

В марте 1921 г. был создан Восточный департамент Министерства по делам колоний для управления ближневосточными подмандатными территориями после конференции с участием главных политических деятелей региона под руководством Уинстона Черчилля, недавно назначенного министром по делам колоний. На встречу был приглашён Т. Э. Лоуренс. На этом собрании были определены условия британского господства в Ираке. В соответствии с условиями мандата, ранее предоставленного Великобритании новой Лигой Наций, было создано государство под британским протекторатом во главе с хашимитским королём Фейсалом ибн Хусейном ибн Али.

Подводя итоги исследования важно отметить, что:

– Во-первых, британское присутствие на Ближнем Востоке с 1914 по 1920-е гг. носило преимущественно геополитический характер. Лондон стремился получить контроль над нефтяными ресурсами региона и задействовал для этого все доступные военные и дипломатические средства.

– Во-вторых, британская политика на Ближнем Востоке была в основном направлена против своих военных союзников, что подтверждало возвращение к стратегическому мышлению в Великобритании. Напомним, что одним из принципов британской внешней политики в XIX веке, до геоэкономического сдвига, был конъюнктурный характер всех её союзов. Великобритания часто выступала против победителей, чтобы обеспечить устойчивость баланса сил.

– В-третьих, последовательность британской стратегии на Ближнем Востоке с трудом сохранялась, сталкиваясь с инстинктивным стремлением вернуться к довоенной нормальности. С одной стороны, учитывая британские либеральные традиции, было естественно наблюдать, как ряд влиятельных экономических сил выступал против принципа закрытой двери в управлении нефтяными вопросами. С другой стороны, несмотря на важность арабского мира в новой имперской карте Великобритании, британская администрация Индии продолжала рассматривать этот регион как простой проход на пути к бывшей жемчужине Королевской короны. Временная нерешительность Лондона в решении этого вопроса выражала его дискомфорт, если не внутренний раскол, в понимании имперского проекта и его будущего.

Список литературы:

1. Валиахметова, Г. Н. Материалы по нефтяной проблематике Ближнего Востока первой половины XX века в фондах национальных архивов Великобритании / Г. Н. Валиахметова // Восточный архив. – 2015. – №1 (31). – С. 66–71.
2. Калмыкова, М.В. Политика Великобритании в борьбе великих держав за нефтяные источники Ближнего и Среднего Востока в период с 1901 по 1920-е годы: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / М. В. Калмыкова. – Владимир, 2006. – 186 с.
3. Валиахметова, Г. Н. Англо-французское соперничество на Ближнем Востоке и строительство иракского нефтепровода (1928–1934) / Г. Н. Валиахметова // Известия Уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2006. – Т. 47. – № 12. – С. 305–321.
4. Aldcroft, Derek H. From Versailles to Wall Street 1919–1929 / Derek H. From Aldcroft. – London: Allen Lane, 1977. – 372 p.
5. Antonius, George. The Arab Awakening: The Story of the Arab National Movement / George Antonius. – London: Hamilton, 1945. – 471 p.
6. Baron, Xavier. Les Palestiniens, Genèse d'une nation / Xavier Baron. – Paris: Seuil, 2000. – 813 p.
7. Biger, Gideon. The Boundaries of Modern Palestine, 1840–1947 / Gideon Biger. – London: Routledge, 2004. – p. 173.
8. Busch, Briton C. Britain, India and the Arabs, 1914–1921 / Briton C. Busch. – Berkeley: University of California Press, 1971. – pp. 15–23.
9. Darwin, John. Britain, Egypt and the Middle East imperial policy in the aftermath of war, 1918–1922 / John Darwin. – London: Macmillan, 1981. – 333 p.
10. Documents on British Foreign Policy, 1919–1939. – London: Her Majesty's Stationery Office, 1947–1972, First Series, – Vol. 4. – pp. 245–247.
11. Documents on British Foreign Policy 1919–1939 / Edited by E. L. Woodward, M.A., F. B. A. Professor of Modern History in the University of Oxford and Rohan Butler, M. A. Fellow of All Souls College, Oxford. First series. – Volume IV. 1919. Chapter 2 and 4. – London: Her Majesty's Stationery Office, 1952. – 1278 p.
12. Documents on British Foreign Policy 1919–1939 / Edited by Rohan Butler, M.A. Fellow of All Souls College, Oxford and J. P. T. Bury, M.A. Fellow of Corpus Christi College, Cambridge first series. – Volume VII. 1920. Chapter 1. London: Her Majesty's Stationery Office, 1958. – 744 p.

13. Friedman, Isaiah. The Hussein-McMahon correspondence and the question of Palestine / Isaiah Friedman // *Journal of Contemporary History*. – 1970. – vol. 5. – № 2. – pp. 83–122.
14. Hughes, Matthew. Allenby and British Strategy in the Middle East, 1917–1919 / Matthew Hughes. – London: Frank Cass, 1999. – 224 p.
15. Katouziana, Homa. The Campaign against the Anglo-Iranian Agreement of 1919 / Homa Katouziana // *British Journal of Middle Eastern Studies*. – 1998. – vol. 25. – № 1. – May. – pp. 5–46.
16. Khalidi, Rashid. British Policy in Syria and Palestine, 1906–1914. / Rashid Khalidi. – Oxford: Ithaca Press, – 1980. – 412 p.
17. Khalidi, Rashid. L’Empire aveuglé: les Etats-Unis et le Moyen-Orient, trad. de l’américain par Christophe Marchand-Kiss / Rashid Khalidi. – Paris: Actes Sud, 2004. – pp. 109–156.
18. Khalidi, Rashid. The Iron Cage: The Story of the Palestinian Struggle for Statehood / Rashid Khalidi. – Boston: Beacon Press, 2006. – 328 p.
19. Lawrence, T. E. Seven Pillars of Wisdom: A Triumph / T. E. Lawrence. – London: Jonathan Cape, 1935. – 672 p.
20. Nevakivi, Jukka. Britain, France and the Arab Middle East: 1914–1920 / Jukka Nevakivi. – London: Athlone Press, 1969. – 284 p.
21. Nouschi, André. Luttres pétrolières au Proche Orient / André Nouschi. – Paris: Flammarion, 1970. – 142 p.
22. Olson, William J. Britain’s Elusive Empire in the Middle East, 1900–1921: An Annotated Bibliography / William J. Olson. – London: Garland, – 1982. – 404 p.
23. Soutou, Georges H. L’Or et le Sang: les buts de guerre économique de la Première Guerre mondiale / Georges H. Soutou. – Paris: Fayard, 1989. – 963 p.
24. Susser, Asher, Shmuelelevitz, Aryeh. The Hashemites in the Modern Arab World / Ashe Susser, Aryeh Shmuelelevitz. – London: Frank Cass, 1995. – 246 p.
25. Tyquin, Michael B. Gallipoli: The Medical War / Michael B. Tyquin. – Kensington: University of New South Wales Press, 1993. – 277 p.
26. Wilson, Derek. Rothschild: A Story of Wealth and Power / Derek Wilson. – London: Mandarin, 1989. – 341 p.

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

УДК 94

*А. Н. Гольцов, Е. И. Дедиу***«КУЛЬТУРА ВОЙНЫ»: РОЛЬ ПРЕССЫ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЦЕНЗУРЫ
В ФОРМИРОВАНИИ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА СТРАН ЕВРОПЫ
И АМЕРИКИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

Статья посвящена исследованию роли прессы и государственной цензуры в формировании информационного пространства стран Европы и Америки в годы Первой мировой войны. Авторы рассматривают механизмы влияния СМИ на общественное сознание, пропаганду патриотизма и формирование образа врага. Анализируются методы цензурного контроля, применяемые правительствами различных государств для ограничения распространения нежелательной информации. Особое внимание уделяется сравнительному анализу подходов к освещению военных действий в ведущих газетах и журналах Великобритании, Франции, Германии, США и Канады. Исследование позволяет выявить общие тенденции и национальные особенности формирования информационной среды в условиях военного конфликта начала XX века.

Ключевые слова: Великобритания, Франция, Соединённые Штаты Америки, Канада, Первая мировая война, Министерство иностранных дел, Министерство обороны, информационное пространство, государственная цензура, военная пропаганда, общественное мнение, журналисты.

*A. N. Goltsov, E. I. Dediu***«CULTURE OF WAR»: THE ROLE OF THE PRESS AND STATE CENSORSHIP IN
SHAPING THE INFORMATION SPACE OF EUROPE AND AMERICA DURING THE FIRST
WORLD WAR**

The article is devoted to the study of the role of the press and state censorship in the formation of the information space in Europe and America during the First World War. The authors consider the mechanisms of media influence on public consciousness, the promotion of patriotism and the formation of the image of the enemy. The methods of censorship control used by governments of various states to limit the dissemination of undesirable information are analyzed. Special attention is paid to the comparative analysis of approaches to the coverage of military operations in the leading newspapers and magazines of Great Britain, France, Germany, the USA and Canada. The study allows us to identify general trends and national peculiarities of the formation of the information environment in the context of the military conflict of the early twentieth century.

Keywords: Great Britain; France; United States of America; Canada; World War I; Ministry of Foreign Affairs; Ministry of Defense; information space; state censorship; military propaganda; public opinion; journalists.

В 1914–1918 гг. мир погрузился в войну, перевернувшую все ожидания и перспективы для мирного урегулирования вопросов по распределению сфер влияния. Участниками войны стали не только военные, но и гражданские лица, которым пресса внушала мысль о том, что они являются частью гигантского тыла, колыбели цивилизации, отправившейся «крестовым походом» против варварства. Эхо войны, звучащее в привлекательных заголовках и броских статьях, казалось лаконичным после прохождения через сложный информационный механизм, возникший в тот период. Информация, которой ежедневно питались читатели, имела различные формы выражения (статьи, пресс-релизы, интервью) и поступала из различных источников

(военные и гражданские структуры, официальные органы пропаганды, фронтовые корреспонденты), проходя через посреднические инстанции (информационные бюро, агентства новостей) и различные каналы связи (телефон, телеграф, газеты).

Но какую роль играли журналисты в рамках этой системы? Являлись ли они пассивными объектами войны или активными субъектами? Иначе говоря, были ли они использованы властью или добровольно соглашались служить ей?

Начиная с 1914 г. возникали последовательные фильтры информации, представлявшие спонтанными, которые радикально усложняли и трансформировали журналистские практики написания статей. Таким образом, хотя иногда журналисты

становились жертвами, в целом они добровольно и активно участвовали в реализации проектов в соответствии с новыми принципами цензуры, установленных с начала враждебных действий военными или гражданскими властями. Но помимо цензуры важно обратить внимание, что журналисты, поддерживавшие участие своей страны в конфликте, также стали незаменимыми актёрами в организации пропаганды. Тесно связывая информацию, цензуру и пропаганду, они внесли вклад в создание того, что историки называли «культурой войны», характерной именно для 1914–1918 гг. [27, р. 252].

Для достижения поставленной цели по исследованию роли прессы и государственной цензуры в формировании информационного пространства стран Европы и Америки в годы Первой мировой войны важно рассмотреть практику и способы участия журналистов в разных системах производства и контроля информации, существовавших во Франции, Великобритании, Соединённых Штатах и Канаде в годы Первой мировой войны.

Через несколько дней после начала войны Г. Асквит получил тревожные сведения из Соединённых Штатов. Ему доложили, что немецкие агенты, действуя в тайне до объявления войны, создали местное пропагандистское агентство – «Германское информационное бюро» (German Foreign Office). Его целью была публикация благоприятных для имиджа Германии историй непосредственно в газетах США и других нейтральных стран. Кроме того, немецкий МИД создал и финансировал «Центральное бюро иностранных служб» (Zentral Stelle für Auslands Dienst) под руководством Маттиаса Эрцбергера, члена католической партии «Центр» и члена рейхстага. Эти пропагандистские организации были созданы при непосредственном содействии рейхсканцлера Германии Т. Бетмана-Гольвега [4, с. 95].

В сложившейся обстановке французское правительство выразило желание избежать ошибок 1870 г., когда пресса негативно повлияла на ведение операций. Уже 30 июля 1914 г. телеграммы начали подвергаться цензуре, а использование телефона для сообщения между городами запрещалось. 2 августа было введено осадное положение, позволяющее военным властям временно или окончательно приостановить любую публикацию, признанную опасной. На следующий день в Министерстве обороны было создано пресс-бюро, которое должно было проверять всю военную и дипломатическую информацию перед её передачей в газеты [22, р. 136]. 5 августа 1914 г. был принят закон, предусматривающий контроль и запрет на компрометирующие публикации во время войны, согласно

которому любые сведения о мобилизации, перемещении войск, численности бойцов, изменениях и назначениях, а также любая информация или статья, комментирующая военные или дипломатические операции, способные содействовать врагу или оказать неблагоприятное влияние на дух армии и населения, будут находиться исключительно в ведении гражданских или военных властей. Тогда прессе было строго запрещено публиковать какую-либо информацию, кроме той, которую предоставляли правительство или военное командование [20, р. 64]. Таким образом были заложены основы цензуры во Франции.

Одновременно французское правительство пыталось привлечь представителей прессы, призывая их соблюдать новые условия и поощряя сдержанную политику по публикации какой-либо информации о войне без предварительного одобрения вновь созданного пресс-бюро. Оно апеллировало к чувству ответственности и патриотизму издателей, стремясь добиться полного сотрудничества. На встрече в Елисейском дворце, при обсуждении вопросов освещения предпосылок войны, её хода, участия сторон в боевых действиях, потерях на фронтах и т.д., редакторы газет не стали возражать против государственного контроля и принимали предложенные принципы цензуры [23, р. 36]. Отныне военная информация зависела исключительно от отчётов, предоставляемых Информационным отделом Генерального штаба французской армии в годы Первой мировой войны (Grand Quartier Général (GQG)), который передавал прессе всю информацию о боях, а также рассказы о повседневной жизни солдат на фронте. Журналистам отводилась важная роль в функционировании службы, как в руководстве, так и в написании хроник. Бюро военной информации, ответственное за официальные комментарии, дополняло организацию контроля сведений, установленную Министерством обороны. Эти ведомства стремились представить нечто похожее на информацию газетам, которые, в свою очередь, прилагали усилия, чтобы эта информация дошла до читателя [5, р. 78].

Параллельно, чтобы удовлетворить потребности жаждущих новостей СМИ, Министерство иностранных дел организовало в конце августа 1914 г. собственное пресс-бюро, рассматривающее прессу как инструмент дипломатического противостояния и предоставляющее всю информацию, которая могла бы послужить интересам Франции в нейтральных странах. Это новое применение контроля информации ещё трудно было назвать полноценной пропагандой, оставаясь пока в руках частных организаций, имеющих зарубежные

представительства (Французские союзы, Торгово-промышленные палаты, Лионский кредит) [22, р. 136–137].

В 1915 г. появился первый полуофициальный орган – Управление пропаганды, а затем, под влиянием французского правительства, всё больше осознающего важность пропаганды в военное время, была учреждена организация по координации деятельности существующих служб (частных и государственных) – Дом печати. Организация объединяла журналистов, писателей и учёных и была разделена на четыре секции. Первая, дипломатическая, в свою очередь, подразделялась на четыре направления (приём французских и зарубежных журналистов, телефонный и телеграфный отдел, исследовательская служба и отдел анализа прессы, занимающийся составлением телеграмм, распространяемых по всему миру) [22, р. 138]. Вторая секция, военная, выполняющая примерно схожие функции, получала от Генерального штаба подлежащую опубликованию военную информацию и занималась организацией посещений фронта журналистами. В 1915 г. во Франции были созданы фотографический отдел армии (SPA) и кинематографический отдел армии (SCA). В 1917 г. эти отделы объединились в Фотографическую и кинематографическую секцию войск (SPCA), обеспечивающую распространение снимков и фильмов сначала с тыловых зон, потом и непосредственно с линии фронта [22, р. 139]. Третья секция курировала саму пропаганду и работала согласно географическим зонам охвата, распределяя пропагандистские материалы (книги, листовки, плакаты, брошюры, статьи). Кроме того, она распространяла среди союзников и нейтралитетов окопные газеты, созданные самими солдатами на фронте, открыто заявляя о намерении сформировать «гордый образ французского боевого духа» [19, р. 23, 26]. Четвёртая секция занималась переводом и анализом иностранной прессы, предоставляя необходимые материалы и документальную основу остальным секциям [22, р. 139]. Такая сложная структура, предлагающая журналистам эффективные и современные рабочие условия, а также координирующая деятельность различных подразделений, позволила преобразовать исходящую информацию в мощный пропагандистский материал.

В марте 1917 г. Дом печати претерпел первые изменения: 4 секции были объединены в две – информационную и пропагандистскую [22, р. 136]. Его деятельность была достаточно эффективной, и в декабре того же года большая часть официальных коммюнике проходила через его структуры.

В мае 1918 г. была создана новая союзная пропагандистская организация – «Centre d'action de

propagande contre l'ennemie», которой подчинялась и «Служба воздушной пропаганды». Союзная пропаганда предполагала:

1. Определение чёткой пропагандистской политики союзников по отношению к врагу;
2. Официальное утверждение этой политики;
3. Изучение технических возможностей её доведения до противника [Цит. по: 3, с. 66].

На протяжении всего конфликта французские журналисты подчинялись гражданским и военным властям и испытывали недостаток информации о реальной ситуации на фронтах. Дефицит сведений усугублялся в первые годы войны запретом корреспондентам посещать линию огня. Лишь результаты битвы на Сомме в 1916 г. позволили военным властям разрешить присутствие журналистов, правда лишь на британском фронте. С наступлением кризиса морального состояния Франции в 1917 г. генерал Робер Нивель попытался воспользоваться услугами прессы, разрешив нескольким французским репортёрам присоединиться к своим иностранным коллегам во время визитов на фронт. Впоследствии Миссия французских журналистов, созданная по приказу Филиппа Петена, взяла на себя обязанность пристального наблюдения за деятельностью корреспондентов на полях сражений [13, р. 317]. Такой дефицит информации вкупе с постоянными механизмами цензуры вынуждали журналистов проявлять изобретательность в своей ежедневной работе. Лишённые «аппетитных» материалов для подачи публике, эти мастера пера прибегали к санкционированному и одобренному властями приёму: патристическому обману [18, р. 211–221]. Распространение слухов и ложных новостей становилось обыденностью, чтобы поддерживать энтузиазм в союзных странах и обосновывать продолжение войны. В таком контексте французские журналисты выступали в роли пропагандистов, настоящих модераторов на информационном поле войны.

Правительство Великобритании в августе 1914 г. оказалось столь же неподготовленным, как и Франция, к организации пропаганды. Оно экстренно инициирует создание подразделения, призванного удовлетворить устойчивый спрос на информацию о боевых действиях, поступающий от представителей британской и иностранной прессы, находящихся в Лондоне. Так создается Департамент новостей – первая организация, которая в начале конфликта больше занималась распространением информации за границу [28, р. 36–37] и поддержанием связей между английской и зарубежной прессой, нежели производством пропагандистских материалов.

Чтобы заполнить этот пробел, премьер-министр Герберт Генри Асквит уже в сентябре 1914 г. способствует созданию, в обстановке полной секретности, новой правительственной структуры руководителем которой был назначен Чарльз Мастерман.

Эта структура должна была бороться с немецкой пропагандистской угрозой. Штаб-квартирой новой организации «Бюро военной пропаганды» (British War Propaganda Bureau) выбрали Веллингтон Хаус (Wellington House) в Лондоне, надлежащим образом замаскированный под национальное бюро страхования. Вскоре он стал известен тем немногим, кто знал о его существовании под именем «Веллингтон Хаус» [Цит. по: 4, с. 98].

Работа в Бюро распределялась по национально-лингвистическому принципу: одна секция занималась со Скандинавскими странами, другая с Голландией, третья с Италией и Швейцарией, четвёртая с Испанией, Португалией и Южной Америкой. Для работы с США была создана специальная национальная секция, в которую входили: литературные агенты и советники, офицеры связи с разведывательными отделами Адмиралтейства и военного ведомства, чья особая задача заключалась в исследовании немецкой прессы в США [Цит. по: 4, с. 98].

Методы работы Бюро также были определены из классификации материалов, которую проводил сам Ч. Мастерман. Небольшая часть из того материала, который выдавало Бюро, была «чёрная» пропаганда (прямая дезинформация и ложь), большая часть – «белой» (официально подтверждённые новости и информация из проверенных источников) и ещё одним видом была – «серая» пропаганда – такую информацию Бюро распространяло, не афишируя свою причастность к ним.

Однако, помимо Веллингтон Хаус, за годы войны была сформирована целая система британской военной пропаганды. Пропагандистская работа велась правительством, прессой и частными патриотическими организациями по трём основным «секторам»: пропаганда в Великобритании, пропаганда за границей (в некоторых случаях она делилась на иностранные государства и доминионы) и работа в области цензуры [Цит. по: 4, с. 98].

Важно обратить внимание, что с «заграницей» работали ещё две организации: Комитет прессы нейтральных государств и Департамент новостей. Задача Комитета прессы нейтральных государств, заключалась в предоставлении информации, касающейся войны за рубежом. Департамент новостей имел функции, аналогичные функциям комитета Г. Маира. Он предоставлял зарубежной прессе все

заявления, касающиеся внешней политики Великобритании. Поэтому иностранные журналисты, работавшие в департаменте, были подконтрольны Форин офис [Цит. по: 4, с. 98].

Практика работы обоих учреждений прекрасно отражала концепцию пропаганды, преобладающую в первые годы войны в Великобритании. Ответственные чиновники, недостаточно опытные в вопросах влияния на общественное мнение, действительно считали, что для того, чтобы быть достоверными и эффективными, пропагандистские послания должны были передаваться аудитории косвенно, сохраняя тайну происхождения. В этом контексте печать играла первостепенную роль в передаче посланий, становясь необходимым звеном между производителями и «селекционерами» новостей и публикой. Именно поэтому Комитет прессы нейтральных государств и Департамент новостей стремились тесно сотрудничать с представителями прессы, включая журналистов и владельцев газет.

Параллельно несколько министерств создали собственные службы пропаганды. В начале 1915 г. под эгидой Министерства иностранных дел было образовано подразделение M07 (с 1916 г. – M17) под командованием подполковника В. Дейвиса до декабря 1916 г., а впоследствии майора Д. Фишера. Оно работало по четырём основным направлениям: 1) цензура всех военных материалов в прессе и фильмах, что предполагало тесное сотрудничество с Пресс Бюро; 2) общая пропаганда в прессе; сбор и публикация технической военной информации; военная пропаганда на территории доминионов; распространение пропагандистских материалов с помощью воздухоплавательных средств; проводная и беспроводная военная пропаганда, это направление было наиболее важным; 3) организация визитов на фронт; 4) краткая информация о содержании иностранной прессы [Цит. по: 4, с. 98].

Однако умножение числа служб пропаганды привело к таким столкновениям полномочий между различными ведомствами, что Ллойд Джордж вынужден был инициировать создание в январе 1917 г. Департамента информации [21], возглавляемого Джоном Бакеном. Новый департамент теоретически независимый, стремился стать центральным органом пропаганды, состоящим из четырёх отделов (литературного и художественного, прессы и кино, разведки, администрации). Военная пропаганда оставалась в руках M17 Министерства обороны. Эта реорганизация была дополнена летом 1917 г. созданием Национальный комитет по военным делам («National War Aims Committee») и назначением сэра Эдварда Карсона, Первого лорда Адмиралтейства, ответственным за надзор за этими различными

органами пропаганды, государственными и независимыми (хотя бы формально) в Великобритании [28, p. 268].

Джон Бакен совершил инновационный шаг, создав в своём новом Департаменте информации консультативный совет («advisory committee») экспертов в области публичности и журналистов, включавший Роберта Дональда, редактора «Daily Chronicle», лорда Бернхэма, владельца «Daily Telegraph», и лорда Норклиффа, владельца «The Times», «Daily Mail» и «Evening News» [21]. Однако этот совет, созданный для предоставления рекомендаций департаменту по вопросам политики и методов пропаганды, редко консультировался с самим Бакеном, предпочитаям обращаться прямо в Министерство иностранных дел. Однако представители прессы периодически высказывали критику в адрес консультативного комитета, обвиняя Бакена в том, что он выступает лишь пешкой в британской пропагандистской машине, управляемой, в конечном итоге, Министерством иностранных дел. Джон Бакен поздно понял, что процесс, запущенный Ллойдом Джорджем, имел конечной целью передать полный контроль над пропагандой представителям прессы [28, p. 72].

Этот заключительный этап был реализован в феврале 1918 г. с созданием Министерства информации, отражающего кардинальные перемены в британском подходе к пропаганде, которая должна была стать менее скрытной, более наступательной и ориентированной на население вражеских стран. Премьер-министр решил поручить проведение пропаганды экспертам в формировании общественного мнения, которыми являлись представители прессы. Лорду Бивербруку досталась должность первого министра информации британского правительства [30, p. 892–896]. Полномочия нового министерства (установлены 4 марта 1918 г.) были весьма обширны, поскольку оно охватывало различные формы подачи информации (газетные статьи, литературу) и цели пропаганды (внутренняя аудитория, иностранные страны, военные зоны). В феврале 1918 г. британская пропагандистская машина пополнилась новым элементом – Управлением пропаганды в неприятельских странах (Германия, Австро-Венгрия, Болгария), возглавляемым магнатом прессы лордом Нортклиффом. Перед ним стояла двойная задача: убедить народы враждебных государств в неспособности их элит управлять страной и повлиять на них так, чтобы заставить правительства этих государств восстановить мир или заменить на правительства, которые удовлетворяют требования союзников [30, p. 895].

Организация официальной британской пропаганды оказалась медленным и сложным процессом, в котором, очевидно, прослеживалась роль журналистов и владельцев газет. Напротив, контроль над информацией приобретал особое значение в Британии с самого начала войны. Закон «О защите королевства» (DORA) 1914 года предусматривал запрет на публикацию новостей, полезных врагам (перемещения войск, описания вооружения), а также любых других, истинных или ложных, которые могли нанести ущерб как гражданским, так и военным лицам [8, p. 86].

Со своей стороны, журналисты не были обязаны представлять все свои статьи в бюро, но авторы могли обратиться туда в случае сомнений. Эта добровольная система контроля публикуемой прессой информации превращала журналистов в подлинных цензорских партнеров того, что некоторые называли «бюро подавления».

Однако участие журналистов не мешало правительству признать в 1915 г., что потенциал прессы как инструмента пропаганды оставался практически неиспользованным. В связи с этим правительство решило ослабить контроль: пресса стала единственной ответственной стороной за собственные материалы, а запрет на посещение фронта журналистами отменялся. Несмотря на суровую дисциплину, которой они вынуждены были следовать, находясь вдали от горячих точек боя [14, p. 194–195], корреспонденты были осведомлёнными об ужасах войны и трудностях, с которыми сталкивались союзные войска. Они принимали наложенные войной ограничения и стремились достичь двух главных целей британской пропаганды: избежать раскрытия информации, которая могла оказаться полезной врагам, и поддерживать моральное состояние гражданского населения путём распространения, а порой и создания новостей, подчёркивающих достижения британских и союзных солдат, успехи, которых распространялись и за Атлантический океан [17, p. 92].

Механизмы контроля и производства информации, введённые правительствами Франции и Великобритании с 1914 г., в которых участвовали сами журналисты, несомненно оказывали влияние на информацию, поступающую в редакции и канадских газет. Действительно, эта информация проходила через ряд фильтров (органы цензуры и пропаганды), придающих ей определённый оттенок ещё до прибытия в Канаду. Тем не менее, канадские газеты могли черпать значительную долю информации из близлежащих геополитически источников, чьи главные редакторы канадских изданий, похоже, предпочитали [6, p. 27–41; 24, p. 12] – американские

газеты. Американская пресса служила впечатляющим резервуаром информации для канадских журналистов. Но как американская пресса была затронута цензурой в период конфликта? Какова была её роль в распространении британской пропагандистской продукции? Какие, наконец, новости она способна была предложить канадской прессе?

Начало боевых действий накладывало на прессу нейтральных государств, как и на прессу участников конфликта, новые условия освещения событий. Уже 5 августа 1914 г. Великобритания, обладающая монополией на управление трансатлантическими кабельными линиями, разорвало пути связи, соединяющие Германию с Соединёнными Штатами [29, р. 6]. Подобно своим британским коллегам, американские газеты оказались под строгой цензурой, организованной Великобританией. Строгий надзор распространялся и на американских корреспондентов на фронте, к которым французское и британское правительства относились аналогично собственным корреспондентам. Им запрещалось посещать позиции союзников, кроме случаев, когда посещения были организованы и жёстко регламентированы британскими офицерами [17, р. 104, 109]. Вскоре американские корреспонденты восстали против этой цензурной системы, нарушающей свободу выражения и ставящей под угрозу, провозглашённую ими нейтральность. При таком подходе многие из них просто возвращались домой из Европы.

Неудовлетворительные условия труда заставляли американских журналистов искать альтернативные источники информации. Одним из них оказалось немецкое правительство, разработавшее в начале конфликта успешную стратегию взаимодействия с иностранными СМИ. Немецкое правительство предлагало американским корреспондентам лучшие условия работы на своих позициях и значительно большую свободу в подаче информации. В этот период корреспонденты нейтральных стран могли предлагать своим читателям достаточно точные отчёты о развитии боёв. Постепенно, однако, с затягиванием войны немцы вынуждены были принять аналогичные меры цензуры, применяемые союзниками.

Тем не менее, существовали и другие пути коммуникации, позволяющие Германии удовлетворять потребность американцев в новостях. Осознавая неудобства, вызванные закрытием трансатлантических кабелей, немцы разработали уже в сентябре 1914 г. беспроводную связь между передающей станцией «Науэн» и станцией «Сейвилл», расположенной неподалёку от Нью-Йорка, предоставляя нью-йоркским газетам богатый и постоянный

поток новостей об участниках войны и самой Германии [24, р. 12]. Параллельно продолжали поступать новости, доставляемые через Южную Америку. Эти сообщения, представленные как полученные от независимых корреспондентов, позволяли немецкому правительству распространять свою пропагандистскую продукцию на территории Северной Америки [24, р. 193].

Однако германская пропаганда в Америке оказалась малоэффективной по сравнению с действиями Wellington House, которое уже в первый месяц войны создало специальный отдел, предназначенный исключительно для пропаганды в США. Руководитель отдела сэр Гилберт Паркер составлял список влиятельных лиц (учёных, адвокатов, бизнесменов, политиков) и групп (организаций, газет), которым рассылались пропагандистские материалы. Список был достаточно впечатляющим: в 1917 г. он включал около 170 тыс. адресатов, содержащих 260 тыс. записей [29, р. 7]. Действуя якобы самостоятельно, Паркер пытался убедить американских журналистов в правомерности действий Великобритании в данном конфликте рассылкой пропагандистских материалов в 555 американских газет [28, р. 171]. Эта передача информации, листовок, выступлений вместе с почти монопольным владением британцами коммуникационными каналами способствовала возникновению кумулятивного эффекта, которому германская пропаганда не могла противостоять, создавая впечатление, будто немецкие новости полностью исчезли из американской прессы [28, р. 171].

Организация и ресурсы, выделяемые британской пропаганде, дополнялись систематическим использованием конкретных событий с целью создания резко отрицательного образа Германии. Вторжение в Бельгию и Францию, потопление лайнера «Лузитания» (7 мая 1915 г.) [26, р. 6.], казнь Эдит Кавелл (октябрь 1915 г.) – вот лишь несколько примеров событий, используемых для демонстрации немецкой жестокости. Перед лицом многочисленных атак союзнической пропаганды скудные контрмеры, проникающие в США и пытающиеся подчеркнуть правильность и законность немецкого дела, быстро утонули в волне пропаганды после вступления дяди Сэма в войну в апреле 1917 года.

Хотя американская пресса не подвергалась цензуре со стороны собственного правительства, она вынуждена была адаптироваться к новым средствам производства и контроля информации, противоречащим её концепции журналистской практики. Вот почему некоторые американские газеты, судя по всему, пытались в первые месяцы конфликта сохранить определённую степень нейтральности в

освещении фактов [17, р. 108]. Однако эта этическая установка не выдерживала новых условий информационного пространства, вызванных состоянием войны. Постепенно американская пресса начала сосредотачивать внимание на критике Германии за совершённые «преступления», а не Великобритании за ограничения, наложенные на журналистов.

Вступление США в войну 6 апреля 1917 г. существенно сократило свободу, предоставленную до сих пор американской прессе правительством. Поскольку страна вступила в военный конфликт, правительство обязано было обзавестись средствами контроля информации, подобно Франции и Великобритании. По поручению президента Вудро Вильсона 14 апреля был основан Комитет общественной информации, главой которого он назначил своего друга-журналиста Джорджа Крила. Для этого специалиста по рекламе война представлялась продуктом, который он намеревался продать американскому народу [9, р. 68–69]. Он инициировал кинодивизию, иллюстративную службу публичной информации (Pictorial Publicity Division), практику коротких и чётких пропагандистских выступлений длительностью около 4–5 минут, произносимых приблизительно 75 тыс. докладчиков в публичных местах [29, р. 11]. Он также запустил официальный еженедельный бюллетень, который раздавал примерно 12 тыс. газет по всей стране. Таким образом, пресса и журналисты рассматривались как инструменты пропаганды, естественно, подлежащие строгому контролю. Следовательно, Комитет общественной информации, первое официальное бюро пропаганды в США, стало также первым официальным бюро цензуры прессы [20, pp. 61–62].

Комитет Крила установил жёсткие нормы регулирования деятельности американских военных корреспондентов. Чтобы получить аккредитацию при американском экспедиционном корпусе, журналисты должны были пройти настоящее испытание: подать заявку в Военное министерство, письменное заявление с подробным резюме, внести тысячу долларов из бюджета своего издания для покрытия расходов в Европе и залог в размере десяти тысяч долларов, гарантирующий их «хорошее поведение» на фронте. После преодоления этих препятствий корреспонденты сталкивались на линиях фронта с мерами цензуры, применявшимися командованием американской армии [17, pp. 112–114]. Таким образом, объявление войны между США и Германией привело к воспроизведению в США аппарата цензуры, контроля и манипуляций новостями, существующего в других воюющих странах. Похоже, что этот аппарат был принят американскими журналистами, которые способствовали

распространению в Северной Америке, подобно своим европейским коллегам, славного образа позиционной войны. Таким образом, они вносили вклад в создание культуры войны, которую передавали через свои заголовки, статьи, фотографии и иллюстрации, культурные объекты, часто заимствуемые канадской прессой.

В условиях вступления Канады в Первую мировую войну её пресса столкнулась с теми же ограничениями, что и в странах-союзниках. Сразу стало очевидно, что военные власти должны были обеспечить сотрудничество газет, чтобы предотвратить публикацию потенциально опасных для союзников сведений. После встречи с представителем канцелярии помощника главного цензора Канады, ответственного за цензуру прессы, многие редакторы и директора газет взяли обязательство оказывать полное содействие контролю информации при условии сохранения полной свободы публикации нейтральных новостей и обсуждения вопросов политического характера.

Служба внутренней циркулярной заметки о долге прессы в военное время, распространённая среди членов прессы, определяла типы разрешённых к публикации военных новостей. Несколько мер дополняли негласный договор между военными властями и канадской прессой, способствуя выработке первой формулировки понятий цензурируемой информации. Так, 22 августа 1914 г. был принят Закон о военных мерах, который, среди прочего, расширял полномочия губернатора Совета на конкретные сферы, такие как «цензура, контроль и уничтожение публикаций, документов, карт, планов, фотографий, коммуникаций и средств связи» [15, р. 65]. 12 сентября последовало распоряжение, целью которого было регулирование всех сообщений, связанных с передвижением или любыми мероприятиями вооружённых сил Британской империи и союзников. Последующие распоряжения уточняли, что отныне запрещена публикация в Канаде любых статей, содержащих информацию, полезную врагу или несоответствующую действительности.

В первые месяцы войны цензура прессы, осуществляемая в соответствии с дефинициями цензуруемых материалов, изложенными в указанных декретах и возложенная на службу помощника главного цензора, носила чисто консультационный характер и основана была целиком на добровольном сотрудничестве прессы.

Однако отдельные инциденты заставили военно-морские власти осознать необходимость введения более строгой системы цензуры в Канаде. Дело в том, что газеты быстро поняли, что война приносит значительные финансовые выгоды

благодаря огромному спросу публики на новости [2, р. 198]. Некоторые издания, несмотря на установленные правила цензуры, публиковали стратегически важные сведения и фотографии. Примером является случай, когда газета «Toronto Globe» напечатала снимки канадских кораблей с деталями, такими как тоннаж, количество и калибры оружия, максимальная скорость и число аналогичных судов Королевского флота. Тогда военные власти потребовали от правительства ввести действенную систему контроля информации в Канаде, охватывающую как правдивые, так и ложные новости. 10 июня 1915 г. правительство приняло декрет, регулирующий цензуру канадской прессы по очень чётким критериям и приведший 15 июля к назначению Эрнеста Джона Чемберса, бывшего журналиста «Montreal Daily Star», на пост главного цензора канадской прессы.

Чемберс стремился учесть интересы основных заинтересованных сторон – директоров и редакторов канадских газет – при формировании Бюро цензуры прессы. Важнейшие представители прессы были приглашены на конференцию, организованную государственным секретарём 15 июля 1915 г., где они подтвердили своё согласие на контроль информации и снова заявили о желании сотрудничать с системой. Было достигнуто соглашение, которое дало более точное определение цензуруемого материала. Отныне подлежали изъятию следующие категории информации:

1. Новости, касающиеся военных и морских операций, которые могли быть полезны врагу прямым или косвенным образом.
2. Заявления, способные породить разочарование среди нейтральных и союзных стран относительно исхода союзнического дела.
3. Заявления, способные вызывать недовольство внутри страны или наносить ущерб набору рекрутов и военной дисциплине.
4. Сообщения, способные вызвать беспокойство, тревогу или горе.
5. Утверждения, рискующие быть использованными для стимулирования сопротивления в странах-противниках [12, pp. 196–197].

Определения цензурируемого материала постепенно расширялись в течение войны путём принятия новых декретов. Так, в январе 1917 г. новое распоряжение добавило в перечень цензурируемых театральные пьесы, изображения и фильмы, содержание которых могло бы «повредить успеху союзнических сил или процессу набора, подготовки, дисциплины или управлению войсками союзников, либо выполнению закона или постановления, касающегося Национальной службы» [12, р. 191]. Декрет от 16 апреля 1918 г. запрещал публикацию

любого заявления, критичного или неблагоприятного в отношении причин войны или намерений, с которыми Союзники вступили в войну и продолжали её вести, и которое могло бы спровоцировать враждебные чувства, создавая беспокойство или нарушая общественное мнение. Этот декрет также внёс в список правонарушений:

- Критическое или негативное утверждение относительно участия союзной нации в войне;
- Ложное сообщение или недостоверный отчёт о действиях какого-либо департамента, ветви власти или государственного служащего, которые были направлены на препятствование деятельности правительства Канады и наносили ущерб вооружённым силам и флоту в процессе ведения войны;
- Любое утверждение, ведущее к умалению или недооцениванию совместных усилий Канады в ведении войны [12, р. 192].

Последний декрет, разработанный для прекращения «предосудительной и вероломной критики», опубликованный в некоторых газетах, усилил полномочия главного цензора канадской прессы.

Кроме того, Бюро цензуры канадской прессы должно было учитывать наличие ряда посредников, участвующих как в отборе, так и в передаче новостей в газеты. Оно развивало тесные взаимоотношения с агентствами новостей, через которые проходили депеши, предназначенные для прессы. Главным партнёром бюро являлось агентство «Canadian Press Limited», работающее на кооперативной основе [11, р. 187; 16, р. 160]. Сотрудничество выразилось через постоянный обмен данными: канадское агентство отправляло в бюро цензуры копию депеш, передаваемых канадским изданиям, тогда как бюро направляло агентству военную информацию, получаемую от милиции и различных канадских военных инстанций, а также сведения, относящиеся к требованиям цензуры. Данный порядок работы позволял включить руководителей и главредов «Canadian Press Limited» в процесс контроля информации, позволяя им самим выступать в качестве цензоров прессы.

Новости поступали в агентства напрямую из Европы или через Соединённые Штаты, откуда далее отправлялись в газеты по телеграфным линиям, покрывающим территорию Канады. Бюро цензуры в этих условиях должно было обеспечивать сотрудничество компаний телеграфной связи, действующих в Канаде («Canadian Pacific Railway Telegraph», «Great North Western Telegraph», «Grand Trunk Pacific Telegraph Company», «Dominion Telegraph Company»). Два декрета от сентября 1914 г. и января 1915 г. установили, что наблюдение за проводами

компаний телеграфа и телефона относится к компетенции министра юстиции и управляется руководством предприятий. Через несколько месяцев после учреждения службы цензуры были внесены поправки в режим работы. 14 августа 1915 г. правительство приказало каждой компании, участвующей в передаче информации, передавать цензору прессы, по его запросу, все полученные телеграммы и депеши. Компании также обязаны были задерживать или приостанавливать передачу определённой информации, если это сочтено необходимым Эрнестом Дж. Чемберсом. Фактически данная мера означала, что руководство службой цензуры телеграфа и телефонии полностью возлагается на главного цензора канадской прессы, что снимает ответственность с плеч руководителей компаний, на которых ранее лежала тяжёлая нагрузка.

Эрнест Дж. Чемберс предпринял все возможные шаги, чтобы сделать сотрудничество, желаемого всеми сторонами, максимально эффективным: совместно с руководителями он разработал серию правил, распространяемых среди сотрудников телеграфа и телефонов, что позволило осуществлять мониторинг коммуникаций, соответствующих критериям канадской цензуры прессы.

Новостные сообщения, поступающие в канадские газеты, имели достаточно широкие источники: возможности и передавались разными путями связи. Помимо этого, газеты обладали собственными методами информирования читателей, унаследованными порой от долгой журналистской традиции [11, р. 170–171] или основанными на современных, для того времени, технологиях (станциях приёма телеграмм и каблогамм), которыми уже располагали некоторые издания [11, р. 166]. Однако отсутствие собственных канадских корреспондентов на фронте приводило к тому, что единственным источником новостей для канадцев становились депеши Эрнеста Суинтона, официального британского свидетеля, и сообщения, поступающие из британского Генштаба. Только в 1915 г. канадцам предложили отправить представителя собственной прессы на фронт. Однако в марте того же года, не сумев договориться о кандидатуре специального корреспондента [15, р. 324], правительство Канады само выбрало Уильяма Макса Эйкенса в качестве официального канадского наблюдателя. Предоставленная Эйкенсом информация, впрочем, не устраивала членов канадской прессы, критикующих его за недостаточную подготовку в сфере журналистики. Эта ситуация привела к назначению в марте 1917 г. первого официального канадского военного корреспондента [15, р. 34]. Однако и этот корреспондент столкнулся с теми же ограничениями, что и

остальные аккредитованные журналисты, принуждая его присоединяться к языку эвфемизмов, господствовавшему в то время.

Разнообразие путей связи обеспечивало распространение огромного количества новостей из различных источников, вовлекая большое число посредников, работу которых сложно было контролировать. По этой причине редакторы и руководители газет были вынуждены самостоятельно цензурировать тексты, которые хотели опубликовать. Если возникали сомнения, они могли обратиться в бюро цензуры, которое предоставляло необходимые разъяснения относительно требований военных, морских и правительственных властей по вопросам цензуры. Добровольный характер работы цензуры привёл к тому, что наименее тщательные редакторы позволяли себе публиковать новости, теоретически подлежащие цензуре. Более того, карательные возможности цензора настолько были ограничены, что он мог лишь вежливо и оперативно обратить внимание виновного редактора на допущенное нарушение [12, р. 204]. Очень немногие газеты столкнулись с угрозой запрета публикации вследствие таких нарушений. Чемберс, отлично осознавая недостатки установленной системы, пришёл к выводу в своём докладе, что «совершенно невозможно установить такую совершенную систему цензуры в военное время, при которой вообще не происходило бы никаких утечек информации» [12, р. 204].

Таким образом, канадские журналисты активно были вовлечены в систему контроля информации. Корреспонденты, постепенно получившие разрешение находиться на фронте, не имели иного выбора, кроме как исполнять обязанности цензоров, как и их коллеги из Франции, Великобритании и США. Кроме того, концепция контроля информации в Канаде, основанная на принятии цензуры членами прессы, заставляли Чемберса рассматривать журналистов как лиц, «добровольно принявших роль цензоров прессы под общим руководством главного цензора» [12, р. 203].

Помимо этого, с началом боевых действий роль цензора совмещалась с функцией пропагандиста. Правительство отказывалось инвестировать деньги и создавать структуру для организации пропаганды как на местном, так и имперском уровнях [25, р. 95]. Набор военнослужащих осуществлялся только усилиями офицеров, назначенных в каждом округе. Такое государственное понимание пропаганды проявилось преимущественно в первых годах конфликта как принятие обязанностей по проведению пропаганды частными ассоциациями, духовенством, элитами и прессой. Например, кампания по

организации франко-канадского батальона в Квебеке, проведённая главным образом газетой «La Presse», завершилась формированием 22-го батальона. В этих обстоятельствах пропаганда формировалась не сверху вниз, исходя из решений правительства, а горизонтальным способом, включающим широкий круг участников, включая представителей прессы [7, р. 289, 291].

Однако в течение 1917 г., ввиду снижения уровня призыва и внедрения последующих экономических и военных ограничений, правительство постепенно вынуждено было активнее участвовать в национальных рекламных кампаниях. Цель заключалась теперь не только в том, чтобы население принимало принимаемые меры, такие как обязательная военная служба, но и в дальнейшем участии в военном усилии Канады в условиях социального мира. В этой перспективе правительство создало ряд служб, направленных на пропаганду, включая официально учрежденный 9 ноября 1917 г. Департамент общественной информации, предоставляющий прессе новости о событиях за пределами страны и внутренней политике [15, р. 50].

Когда новости, наконец, попадали в редакции канадских ежедневных газет, они уже проходили через множество фильтров, которые формировали их содержание. Независимо от формата (заголовки, депеши, пресс-релизы, статьи, письма), эти сведения подвергались новой и последней трансформации, учитывая интересы редакторов, нужды канадской публики и различные определения цензурируемого материала, передаваемые в газеты.

Следовательно, сталкиваясь с необычными условиями работы, но глубоко интегрированные в сложную систему контроля и производства информации военного времени, журналисты – будь то французские, британские, американские или канадские специалисты письменной коммуникации,

чувствительные к государственному интересу и нуждам своей аудитории, – в большинстве своём [10] приняли активное участие в настоящем заговоре молчания в течение Первой мировой войны. Эти хранители информации, будучи одновременно цензорами и пропагандистами, превратились в эффективных и надежных «солдат перьев». Интенсивно бомбардируя читателей патриотическими сообщениями, они внесли значительный вклад в создание культуры войны. Термин «культура» неслучаен, поскольку представления, транслируемые в период конфликта, были в значительной степени стандартизированы, однородны и вращались вокруг ограниченной основы из синонимичных ключевых слов, характеризующих «войну четырнадцатого года».

Отражая настроения политических кругов и интеллигенции, газеты и журналы писали о войне, что она является оборонительной, ведётся в защиту поправленных прав, против милитаризма, за мир во всём мире и т.п. Участвуя в военной пропаганде, создании образа врага, они призывали к единению общества во имя победы, рассуждая о моральном оздоровлении общества и расцвете культуры после войны. О самой войне из-за цензуры в прессе публиковались лишь общие рассуждения, рисующие её в неправдоподобном свете. Но такая пропаганда могла работать только очень недолгое время. Для участников и очевидцев войны её ложь стала очевидна после первых же крупных сражений, когда они прочли в газетах совсем не то, что видели сами на поле боя. Для тех же, кто находился от войны далеко, ключевым фактором изменения их отношения к ней стал факт затягивания военных действий на неопределённое время, совпавший с развитием внутреннего кризиса в стране, что было особенно характерно для России [1, с. 16].

Список литературы:

1. Агапов, В. Л. Первая мировая война и печать. Часть 1: опыт Англии, Германии, Франции и европейской России / В. Л. Агапов // Известия Восточного института. – 2019. – №1 (41). – С. 6–20.
2. Волковский, Н. Л. История информационных войн. В 2 ч. Ч. 2. / Н. Л. Волковский. – СПб.: ООО «Издательство «Полигон», 2003. – 736 с.
3. Гончаров, Е. В. Французские организации официальной пропаганды в 1914–1918 гг. / Е. В. Гончаров // Вестник БГУ. – 2022. – №1 (51). – С. 58–68.
4. Селиверстов, Д. М. Антигерманская пропаганда в Великобритании накануне и в годы Первой Мировой войны: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / Д. М. Селиверстов. – Брянск, – 2016. – 262 с.
5. Albert, Pierre. Histoire de la presse / Pierre Albert. – Paris: Presses universitaires de France, 1970. – 127 p.
6. Armand, Jean. Clément-Arthur Dansereau (de La Presse) et la guerre 1914–1918: exploitation d'un corpus documentaire et des éditoriaux, mémoire de maîtrise / Jean Armand. – Québec: Université Laval, 1989. – 186 p.
7. Becker, Jean Jacques, Winter, Jay, Krumeich, Gerd / Jean-Jacques Becker, Jay Winter, Gerd Krumeich (dir.). Guerres et culture 1914–1918. – Paris: Armand Colin, 1994. – 445 p.

8. Bruntz, George G. Allied propaganda and the collapse of the German Empire in 1918 / George G. Bruntz. – New York: Arno Press, 1972. – 246 p.
9. Buitenhuis, Peter. The Great War of Words: British, American, and Canadian Propaganda and Fiction, 1914–1933 / Peter Buitenhuis. – Vancouver: University of British Columbia Press, 1987. – 240 p.
10. Coutard, Jérôme. Des valeurs en guerre. Presse, propagande et culture de guerre au Québec, 1914–1918. thèse de Ph.D / Jérôme Coutard. Université Laval, 1999. – P. 409–476.
11. De Bonville, Jean. La presse québécoise de 1884 à 1914. Genèse d'un média de masse / Jean de Bonville. – Québec: Les Presses de l'Université Laval, 1988. – 416 p.
12. Ernest, J. Chambers and Information Control in Canada, 1914–1919 // Canadian Historical Review / J. Ernest. – 1992. – № 3. – P. 315–343.
13. Frédéricx, Pierre. Un siècle de chasse aux nouvelles. De l'agence d'information Havas à l'agence France-press (1835 – 1957) / Préf. de André Siegfried / Pierre Frédéricx. – Paris: Flammarion, 1959. – 444 p.
14. Hiley, Nicholas. La Bataille de la Somme et les médias de Londres / Nicholas Hiley // Guerre et cultures 1914–1918; dir. Jean-Jacques Becker, Jay M. Winter, Gerd Krumeich, Annette Becker, Stéphane Audoin-Rouzeau. – Paris: Armand Colin, 1994. – P. 193–206.
15. Keshen, Jeffrey A. Propaganda and Censorship During Canada's Great War / Jeffrey A. Keshen. – Edmonton: University of Alberta Press, 1996. – 333 p.
16. Kesterton, Wilfred H. A history of journalism in Canada / Wilfrid H. Kesterton. – Toronto: McClelland and Stewart, 1967. – 304 p.
17. Knightley, Philip. Le correspondant de guerre / Phillip Knightley. – Paris: Flammarion, 1976. – 381 p.
18. Kupferman, Fred. Rumeurs, bobards et propaganda / Fred Kupferman // L'Histoire 1914–1918: Mourir pour la patrie. – Paris: Seuil, 1992. – P. 211–221.
19. Lethève, Jacques. La Caricature et la presse sous la IIIe République / Jacques Lethève. – Paris: Armand Colin, 1961. – 271 p.
20. Mattelart, Armand. La communication-monde: Histoire des idées et des stratégies (Textes à l'appui) (French Edition) / Armand Mattelart. – Paris: La Découverte, 1992. – 356 p.
21. Marquis, Alice Goldfarb. Words as Weapon: Propaganda in Britain and Germany during the First World War / Alice Goldfarb Marquis // Journal of Contemporary History. – 1978. – vol. 13. – № 3. – P. 467–498.
22. Montant, Jean-Claude. L'organisation centrale des services d'informations et de propaganda du Quai d'Orsay pendant la Grande guerre // Les sociétés européennes et la guerre de 1914–1918 / Jean-Claude Montant. – Paris: Hachette Littératures, 1990. – P. 135–143.
23. Navet, Françoise. Des journaux sanctionnés pour des dessins non échoppés (1914–1919) // Guerres Mondiales et Conflits Contemporains / Françoise Navet. – 1994. – № 173. – P. 35–51.
24. O'Keefe, Kevin A. Thousand Deadlines: The New York City Press and American Neutrality, 1914–1917 / K.J. O'Keefe. – Nijhoff: Springer, 1972. – 206 p.
25. Pinsonneault, Gérard. La propagande de recrutement militaire au Canada, 1914–1917: Essai en histoire des mentalités. Mémoire de M. A. (histoire) / Gérard Pinsonneault. – Sherbrooke: Université de Sherbrooke, 1981. – 183p.
26. Read, James Morgan. Atrocity Propaganda 1914–1919 / James Morgan Read. – New York: Arno Press, 1972. – 319 p.
27. Rioux, Jean-Pierre et Sirinelli, Jean-François. Pour une histoire Culturelle / Jean-Pierre Rioux и Jean-François Sirinelli. – Paris: Seuil, 1997. – 455 p.
28. Sanders, Michael L., Taylor, Philip M. British Propaganda during the First World War, 1914–1918 / M. L. Sanders and Philip M. Taylor. – London: Macmillan Press Ltd., 1982. – 320 p.
29. Sproule, J. Michael. Propaganda and Democracy. The American Experience of Media and Mass Persuasion / J. Michael Sproule. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997. – 344 p.
30. Taylor, Philip M. The Foreign Office and British Propaganda during the First World War / Philip M. Taylor // The Historical Journal. – 1980. – Vol. 23. – №. 4. – P. 875–898.

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

УДК 94; 82-221

*Е. П. Комкова**Научный руководитель – кандидат филологических наук Д. В. Парамонов***ОТРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК ЭПОХИ
В ПРОИЗВЕДЕНИИ У. ШЕКСПИРА «ВЕНЕЦИАНСКИЙ КУПЕЦ»**

В статье проанализированы особенности отражения социально-политических реалий Англии конца XVI века в произведении Уильяма Шекспира «Венецианский купец». В работе на материале источника рассматривается явление антисемитизма и прослеживается его специфика в английском обществе.

Ключевые слова: Шекспир; антисемитизм; «Венецианский купец»; английская литература; Елизавета I.

*Е. P. Komkova**Scientific supervisor – Candidate of Sciences in Philology D. V. Paramonov***REFLECTION OF SOCIAL AND POLITICAL CHARACTERISTICS OF THE EPOCH
IN W. SHAKESPEARE'S WORK "THE MERCHANT OF VENICE"**

The article analyzes the features of reflection of the socio-political realities of England at the end of the 16th century in the play of William Shakespeare «The Merchant of Venice». In the work, based on the source material, the phenomenon of anti-Semitism is considered and its specificity in English society is traced.

Keywords: Shakespeare; anti-Semitism; The Merchant of Venice; English literature; Elizabeth I.

Использование художественного произведения в качестве исторического источника зачастую сопряжено с рядом трудностей, обусловленных спецификой материала. Преследуя в основе своей, цель донести до читателя авторский замысел посредством образа, художественное литературное произведение имеет существенные ограничения, выступая в качестве исторического источника. Однако, автор художественного произведения не существует отдельно от общества, являясь неотъемлемой его частью, а значит не может быть свободен от тех норм, тенденций и ценностей, что в данном обществе существуют. Это первая из трёх стадий жизненного цикла художественного произведения согласно концепции Г.-Г. Гадамера. На этой стадии в произведение закладывается «изначальный универсум смыслов» в интерпретации У. Н. Турышевой. Эта изначальная совокупность смыслов может присутствовать в произведении не только в эксплицитной форме, но и имплицитно, порой вне зависимости от осознанной воли автора. Эта особенность и позволяет обращаться к литературным памятникам как к историческим источникам. Кроме того, в художественном

произведении неизбежно отражается культура эпохи создания, что подтверждается словами источникововеда С. О. Шмидта, указывавшего на особую ценность художественных произведений как источников о событиях и людях отдалённых эпох и о каждодневной жизни того времени. Похожие взгляды можно встретить и у Д. С. Лихачева, согласно которым литература выступает проводником к контексту исторической эпохи.

Английский театр XVI века переживал свой расцвет. Ушли в небытие исключительно религиозные спектакли передвижных бездомных актеров, им на смену пришли светские произведения, одобрение королевы Елизаветы I и постройка великого театра «Глобус». В своём творчестве Уильям Шекспир отразил эпоху, в которой жил, во всём её многообразии и противоречиях. Его тексты содержат важные реалии, которые выводят исследователя на широкий историко-культурный контекст и нуждаются в более подробном рассмотрении. Так что целью данной статьи является изучение вопроса: какие культурно-исторические особенности и социально-

политические процессы той эпохи отразились в пьесе великого драматурга?

В качестве источника была выбрана пьеса «Венецианский купец», написанная Уильямом Шекспиром в 1596 году. Творчество У. Шекспира часто попадает в фокус изучения учёными из различных областей знания. Так, Шон Мерфи и Дон Арчер являются авторами исследования социально-исторического контекста в пьесах Шекспира. Доктор исторических наук М. А. Барг в своей книге «Шекспир и история» раскрыл трактовку Шекспиром различных исторических сюжетов и его воззрения на исторический процесс в целом.

В результате анализа пьесы «Венецианский купец» были выявлены несколько сюжетов, обусловленных контекстом эпохи. Так, в сюжетное обрамление, заимствованное из итальянской новеллы XIV века «Пекороне» Сэра Джованни Флорентийца, вторгается английская социальная проблематика. В пьесе содержится портрет мстительного ростовщика-еврея Шейлока, в котором отразились расовые предрассудки англичан елизаветинской эпохи. Сюжет заключается в том, что главный герой, честный христианин Антонио по доброте душевной занимает деньги для своего друга Бассанио, которому они нужны, чтобы ухаживать за богатой девушкой Порцией. Шейлок одалживает ему деньги на своих условиях: если тот не вернёт долг, он заберёт из тела Антонио фунт мяса. Они с трудом заключают договор, потому что всё время скандалят. Так, Шейлок обвиняет его: «*В среду на меня вы плюнули, такого-то числа пинком попотчевали, псом назвали*» [3, с. 152]. На что Антонио ему отвечает: «*И снова так я назову, и пну ногой, и плюну*» [3, с. 152].

Когда Антонио всё-таки не выплачивает долг, все персонажи занимают сторону главного героя и осуждают Шейлока в лицо: «*Такой непрошибаемой собаки ещё не видел свет*» [3, с. 182]. Антонио присоединяется к ним: «*Это каменейшее на свете жидовское ты сердце не смягчишь*» [3, с. 188]. В конце концов Порция становится на защиту Антонио в суде и побеждает Шейлока. Его обвиняют в заговоре против гражданина Венеции, и его состояние конфискуют, вынуждая при этом обратиться в христианскую веру.

Как видно из этого краткого описания пьесы, в произведении явно присутствуют антисемитские элементы. Остаётся вопрос, можно ли проследить здесь личные взгляды

автора или это проявление тенденций социального окружения.

К XVI веку евреям уже почти три столетия было запрещено жить в Англии. В 1290 г. английский король Эдуард I издал Эдикт и официально запретил любые еврейские поселения в своём королевстве, изгнал всех евреев, большинство которых покинуло страну добровольно. Тем не менее, в нескольких городах Англии еврейские общины продолжали тайно существовать. Профессор Джеймс Шапиро из Колумбийского университета, изучая английские документы шекспировских времён, нашёл немало упоминаний о евреях. Так, в 1540 г. одна семья была привлечена к суду в Лондоне по обвинению в тайном сохранении своей «еврейской и еретической веры».

Что ещё более показательно: одновременно с Шекспиром в Лондоне жил тайный еврей по имени Родриго Лопес, врач королевы Елизаветы I. В 1594 г. Лопес был арестован и обвинён в государственной измене и заговоре с целью убийства королевы. Судебный процесс над ним охватил весь Лондон, и Шекспир, вероятно, был среди наблюдавших за судом, который стал определяющим событием эпохи. Вскоре после этих событий драматург написал и поставил пьесу «Венецианский купец», в которой можно углядеть несколько намёков на процесс Лопеса. Многие шекспироведы полагают, что доктор Лопес стал прототипом для шекспировского Шейлока.

Возможно, Шекспир, как и большинство англичан в то время, употребляя слово «еврей» или «жид», имел в виду не настоящих людей, а абстрактную отрицательную характеристику. В доказательство этой позиции можно привести два убедительных аргумента: сочувственное отношение Шекспира к Шейлоку и его насмешки над христианскими персонажами. Например, сразу после заключения договора с Антонио Шейлок справедливо ругается: «*Что эти христиане за народ! Сами творят жестокие дела и потому других подозревают в жестоких замыслах*» [3, с. 153].

Кроме того, неслучайно именно еврейскому персонажу в пьесе отведена самая чело- вечная речь: «*А что еврей – не глазами, что ли, смотрит? Не те же, что ли, руки у еврея, органы и соразмерности тела, не те же чувства, влечения, страсти? Не той же пищей он сыт, не тем же оружием раним, не теми ли хворями мучим, не те же ли его лекарства исцеляют, не так же греет его лето и студит*

зима, как и христианина? Уколите нас – и разве не потечет кровь? Пощекочите – разве мы не засмеемся? Если отправите – не умираем разве? И когда причините нам зло, то разве не должны мы мстить? Уж раз мы сходны с вами в остальном, то и в этом будем сходствовать. Если еврей обидит христианина, то христианин что? Смиренно терпит? Христианин мстит» [3, с. 172].

Поэтому образ Шейлока — злобного антихристианского ростовщика, готового на самые подлые дела, но в то же время обличающего «добрых» христиан — в некоторой степени революционен.

Но существует и противоположное мнение. Пьесу можно рассматривать с точки зрения противостояния религий, а не национальностей. Так, шекспировед Ю. Ф. Шведов считает, что в «Венецианском купце» можно заметить ряд косвенных намёков, направленных против пуританизма. Пуритане — это английские протестанты, не признававшие авторитета официальной церкви в XVI–XVII веках. Они хотели очистить английскую церковь от ненужной роскоши и от лишних обрядов, свойственных римскому католицизму, но такой же морали они придерживались и в быту. В основном пуритане происходили из буржуазии, отличались аскетичностью, одевались скромно, ограничивали потребности и не одобряли развлечений — таких, например, как танцы или театр.

Шекспир, возможно, и вовсе не стремился сосредоточить внимание аудитории на национальном вопросе. В образе Шейлока бросаются в глаза черты, сближающие его с современными Шекспиру пуританами. Подобно им, Шейлок прикрывает свои замыслы цитатами из Священного Писания, а не аргументами специфически иудаистскими, опирающимися на талмуд. Это доказывает и речь самого Шейлока, и комментарий к ней Антонио: *«Как ловко процитировать Писанье умеет дьявол»* [3, с. 151].

К тому же, ненависть Шейлока к празднествам и маскарадам также не более характерна для еврея, чем для пуританина шекспировских времён. По словам шекспироведа Юрия Шведова, само столкновение Шейлока и Антонио — это не столько конфликт между представителями двух национальностей, сколько проявление ненависти ростовщика к «паршивому барану в стаде» — купцу, ссужающему деньги без процентов и тем самым

сбивающему ростовщическую ставку в Венеции [2, с. 85].

Стоит также отметить, что само место действия пьесы перенесено в Венецию, которая построила всё свое могущество на торговле: первые банки появляются там ещё в XIII веке, умение выгодно продавать и покупать позволило городу процветать. Причём Венеция не чинила препятствий иностранцам, в том числе и еврейским ростовщикам. Само слово «гетто» пошло из Венеции, и там оно обозначало район, где специально селились евреи, к которым венецианские власти относились сильно лояльнее, так как отдавали себе отчёт в важности ростовщичества. Так что и описанные события, весьма вероятно, могли случиться там в самом деле, в отличие от более консервативной в то время Англии.

В-четвёртых, можно задаться вопросом: случайно ли так называемый «злодей» еврей Шейлок был представлен именно в виде ростовщика? Совсем нет. Среди ростовщиков было много евреев, и вовсе не из-за жадности еврейского народа, как любили подчёркивать персонажи этой пьесы, а потому что христианам это было запрещено церковью. В Библии ростовщичество предлагается лишь ограничить, но, например, богослов Иоанн Златоуст и многие другие священнослужители считали, что «ничего нет постыднее и жестокосерднее, как брать рост здесь на земле». В Средневековье ростовщичество пытались искоренить, например, Первым (Никейским) Вселенским собором в двадцати канонах был принят запрет на ростовщичество. Но полностью уничтожить этот вид деятельности не получилось.

Давать деньги в рост позволил англичанам только Генрих VIII. Тем не менее, эта деятельность ещё долго была не в чести у некоторых слоёв английского общества. У философа Фрэнсиса Бэкона среди его эссе есть очерк о ростовщичестве, опубликованный впервые в 1625 г. в сборнике «Опыты, или Наставления нравственные и политические». В нём Бэкон анализирует вредные и полезные для общества черты ростовщичества — он призывает искоренять или, по крайней мере, строго ограничивать такие хищнические дела, как ростовщичество [1, с. 65].

Так, в пьесе Шейлок обвиняет Антонио: *Синьор Антонио, много раз на бирже ругали вы меня за то, что я ссужаю деньги, получаю пользу. А я лишь молча пожимал плечами*

(Ведь наш народ давно привык терпеть)» [3, с. 151].

В качестве заключения следует подчеркнуть, что в творчестве У. Шекспира ярко прослеживается исторический контекст эпохи. Шекспировское произведение

«Венецианский купец» – феномен культуры, а культура, в свою очередь, понимается как сфера создания произведений, влияющая на составляющие художественное произведение элементы.

Список литературы:

1. Барг, М. А. Шекспир и история / М. А. Барг. – М.: Наука, 1976. – 199 с.
2. Бэкон, Ф. Новая Атлантида. Опыты и наставления нравственные и политические / Ф. Бэкон. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1962. – 241 с.
3. Гадамер, Г.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики / Г.-Г. Гадамер. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.
4. Лихачев, Д. С. Письма о добром и прекрасном / Д. С. Лихачев. – М.: АСТ, 2021. – 192 с.
5. Турышева, О. Н. Теория и методика зарубежного литературоведения / О. Н. Турышева. – М.: Флинта: Наука, 2012. – 160 с.
6. Шведов, Ю. Ф. Вильям Шекспир. Исследования / Ю. Ф. Шведов; под ред. Я. Н. Засурского. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977. – 394 с.
7. Шекспир, У. Комедии и трагедии / У. Шекспир; пер. с англ. О. Сороки. – М.: «Аграф», 2001. – 861 с.
8. Шмидт, С. О. Памятники художественной литературы как источник исторических знаний / С. О. Шмидт // Отечественная история. – 2002. – № 1. – С. 40–49.

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

УДК 908

В. М. Кукушкин

*Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент А.В. Штепа***МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ КАЛУГИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ.
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И. К. ЦИПУЛИНА**

Изучение истории калужского местного самоуправления невозможно без анализа деятельности выдающихся личностей, оставивших значительный след в развитии города. Среди них особое место занимает Иван Козьмич Ципулин, четырежды избираемый городским головой Калуги (1825–1901). Его деятельность, охватывающая период значительных социально-экономических преобразований, представляет собой важный аспект изучения истории местного самоуправления в России на рубеже XIX–XX веков. Данная работа, опираясь на анализ различных групп источников (делопроизводственной документации, публикаций в периодической печати того периода) [2–6] и литературы (работы краеведческого характера, современные публикации в различных Интернет-ресурсах и СМИ, посвященные данному вопросу) [1; 7–20] стремится воссоздать целостный образ И. К. Ципулина, показать его деятельность с разных сторон: как эффективного управленца и мецената, оценить его вклад в развитие Калуги и выявить особенности его управленческого стиля.

Ключевые слова: местное самоуправление; лидеры местного самоуправления; городская управа; Калужская губерния; Рязанская губерния; И.К. Ципулин; речное судоходство; пути сообщения.

V. M. Kukushkin

*Scientific supervisor – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor A.V. Shtepa***LOCAL SELF-GOVERNMENT OF KALUGA AT THE TURN
OF THE XIX–XX CENTURY. ACTIVITY OF I. K. TSIPULIN**

The study of the history of Kaluga local self-government is impossible without analyzing the activities of outstanding personalities who left a significant trace in the development of the city. Ivan Kozmich Tsipulin, four times elected mayor of Kaluga (1825–1901), occupies a special place among them. His activities, covering the period of significant socio-economic transformations, represent an important aspect of the study of the history of local self-government in Russia at the turn of the XIX–XX centuries. This work, based on the analysis of various groups of sources (office records, publications in the periodical press of that period), is based on the analysis of the history of local government in Russia at the turn of the XIX–XX centuries [2–6] and literature (works of local lore, modern journalistic publications in various Internet resources and mass media devoted to this issue) [1; 7–20] seeks to recreate a complete image of I.K. Tsipulin, to show his activities from different sides: as an effective manager and philanthropist, to assess his contribution to the development of Kaluga and to identify the features of his managerial style.

Keywords: local government; local government leaders; city government; Kaluga province; Ryazan province; I.K. Tsipulin; river navigation; communication routes.

Биографические сведения Иване Козьмиче Ципулине, к сожалению, крайне фрагментарны, но всё же позволяют составить представление о его значительном вкладе в развитие города Калуги в частности, и Калужской губернии в целом. По своему происхождению Ципулин не был купцом или мещанином, родился он в Рязанской губернии в селе Ловцы Зарайского уезда в обычной крестьянской семье. Примечательно, что в писцовых

книгах XVII века с. Ловцы именуется «селом дворцовым», жители которого занимались рыбной ловлей для царского двора на реке Оке. Получив хорошее домашнее образование, Ципулин рано начал трудовую деятельность, проявив незаурядные деловые качества и предприимчивость.

История судоходства на Верхней Оке неразрывно связана с именем Ивана Козьмича – выдающегося представителя местного

самоуправления г. Калуги, предпринимателя и общественного деятеля. Его путь в судоходстве начался с работы управляющим торговыми перевозками по Оке. К середине XIX века он уже владел обширной паровой пристанью в Калуге, протяжённостью около трёх верст, заполненной многочисленными судами и лесом, который тут же перерабатывался на расположенных поблизости лесопильнях. Это свидетельствует о масштабах его деятельности и её влиянии на экономику города. К последней четверти XIX века Иван Кузьмич сумел организовать регулярные рейсы по Оке между Калугой и Серпуховом. В этот период времени он активно использовал суда «Проворный» и «Ока», которые принадлежали полковнику Щербачёву. Весной 1873 г. Ципулин расширяет географию маршрутов как буксирного, так и пассажирского пароводства (запуск маршрута Калуга – Серпухов – Кашира), где привлекает уже собственные суда. По маршруту до Серпухова эксплуатировались два парохода – «Дмитрий Донской» и «Иван Ципулин», по маршруту до Каширы – «Владимир» и «Екатерина» [17]. Когда уровень воды был достаточно высок (как правило, это происходило в период половодья), по Оке открывался маршрут до Белёва, который проходил через такие населённые пункты, как Перемышль и Лихвин (в настоящее время – г. Чекалин Тульской области). К тому времени как

Ципулин был избран городских головой, он стал ещё и единоличным владельцем Калужского пароводства, его суда совершали регулярные рейсы по Оке, осуществляя пассажирские и грузовые перевозки по различным маршрутам (Калуга – Серпухов, Серпухов – Кашира, Алексин – Таруса) [10; 17]. Активная экономическая деятельность Ивана Кузьмича способствовала улучшению экономических связей города Калуги с другими населёнными пунктами как внутри губернии, так и за её пределами. Помимо этого, данный опыт, несомненно, стал фундаментом для его успешной карьеры как Городского Головы.

В 1883 г. Ципулин был избран гласным Городской Думы, а в 1885 г. – Городским Головой, занимая этот пост до самой смерти. При нём в Калуге появилось Управление Сызрано-Вяземской железной дороги [10], была открыта городская публичная библиотека, построено здание военного лазарета и открыт водопровод. За заслуги перед городом Ципулин был удостоен звания потомственного почётного гражданина г. Калуги и награждён многочисленными орденами и медалями. Его правление стало периодом значительного роста и развития Калуги, превратившейся из небольшого городка в крупный губернский центр, отвечающий последним требованиям времени [10; 17].

Рисунок 1 - Иван Кузьмич Ципулин. Фотография конца XIX – начала XX века

Одной из наиболее значимых вех в деятельности Ципулина как Городского Головы становится открытие водопровода. Проблема с водоснабжением, несмотря на близость Оки и несколько родниковых источников, преследовала наш город долгий период времени [11]. И удалось её решить только при Иване Ципулине.

Организация водоснабжения города предусматривала использование источников в районе Зелёного Круща. Проведённые изыскания подтвердили качество ключевой воды, пригодной для употребления без дополнительной очистки [2]. Проектом оговаривалась установка труб из огнеупорных и устойчивых к коррозии материалов, обеспечение подачи воды на все этажи зданий и усиление напора в случае пожаров. Однако дебит ключевых источников оказался недостаточным, что потребовало подключения дополнительного ресурса – воды из Оки, с обязательным условием разделения двух водных потоков.

Контракт с подрядчиком детально регламентировал сроки строительства (3 года), качество материалов, финансовые обязательства сторон и меры ответственности за нарушения [3]. Для финансирования проекта городская управа, испытывавшая дефицит средств, по высочайшему разрешению выпустила облигации на 100 тыс. руб. под 6% годовых. Значительную часть облигаций Ципулин оставил за собой, а оставшуюся сумму (10 тыс. руб.) взял на себя подрядчик, что ускорило старт работ [4].

Из семи претендентов выбор пал на М.И. Алтухова, заключившего контракт 3 мая 1886 г. Примечательно, что все материалы – от чугунных деталей, отлитых на заводе Л. Е. Журомского в Калуге, до крепёжных элементов – были отечественного производства [11].

Результаты превзошли ожидания: испытания показали превышение расчётных параметров напора и скорости подачи воды при тушении пожаров. Экономическая эффективность проекта также оказалась выше запланированной [6].

Торжественное открытие калужского водопровода состоялось 6 января 1887 г., хотя пущен он был в эксплуатацию ещё 14 декабря 1886 года. Проект водопровода разработал инженер К. К. Дилль, получивший за свою работу 1500 рублей. Строительство осуществлялось силами нескольких предпринимателей: Барга, Бромлея, Когана, Дилля, Алтухова,

товарищества Мальцева и Зимина. Контракт с М. И. Алтуховым, назначенным руководителем строительства, предусматривал трёхлетний срок ответственности за качество выполненных работ. Несмотря на затяжные дожди, водопровод был готов к началу декабря 1886 г. [6; 14; 1, с. 38]. Система водоснабжения включала водозаборную галерею на левом берегу Оки (в 128 метрах от берега), построенную по проекту А. Г. Малеванного для сбора ключевой воды и предотвращения смешения её с речной водой во время половодья. Вода подавалась по восьмидюймовой трубе, а на берегу располагалась водокачка с двумя паровыми насосами и котлами [1, с. 38]. В городе была установлена водонапорная башня, которая находилась в самом его центре – на ул. Садовой (ныне – ул. Кирова), недалеко от Базарной площади (в настоящее время пл. Театральная). Городская Управа разработала «Правила пользования водопроводом», регламентирующие подключение частных домовладений, в том числе удалённых от магистральных линий, и порядок эксплуатации водомеров.

Городской голова Иван Козьмич Ципулин в период строительства водопровода отказался от годового жалования в 2000 руб., продемонстрировав редкое сочетание гражданской ответственности и деловой хватки [11], а после его открытия лично контролировал процесс подключения домов к водопроводу, следя за доступностью цен на необходимые материалы («железные луженые трубы, запорные вентили, медные краны»). Городские власти всячески поощряли устройство домашнего водопровода, так как имеющихся общественных водоёмов (всего пять в 1860 году) было недостаточно для всего города. Благодарные жители города в память о событии подарили Ивану Козьмичу маленькую серебряную водонапорную башню. Последующие усовершенствования водопроводной сети лишь подтвердили значимость этого первого шага.

Меценатская деятельность Ивана Козьмича заслуживает отдельного упоминания. Ципулин жертвовал значительные суммы на нужды Калуги: финансировал ремонт церквей и содержание сельского прихода, оказывал помощь малоимущим слоям населения (в первую очередь сиротам и беднякам), наряду с другими представителями калужского общества финансировал строительство Работного дома (открыт в 1895 году) [12; 13]. Ярким примером его деятельности стало добровольная

передача собственного дома, который на тот момент оценивался в сумму 70 тыс. руб., для открытия в нём технического училища. Иван Козьмич активно жертвовал средства и на другие благотворительные проекты: строительство храма в военном лагере, создания Общества страхования имущества от пожаров, ремонт и переустройство Николаевской мужской гимназии. Во многом благодаря Ципулину в 1894 г. было построено отдельное здание больницы недалеко от Епархиального женского училища [12; 13].

12 мая 1901 г. стало для калужан настоящей трагедией – в этот день умер Иван Козьмич Ципулин [10; 19]. Проводить Ивана Козьмича в последний путь собралось практически всё население Калуги. Как ещё при жизни завещал Ципулин, его тело по реке отправили на малую родину и похоронили в семейном склепе в селе Ловцы, который, к сожалению, был разрушен в советский период [17]. Однако память о нём жива: в Ловцах, в школе, построенной при его участии, обучалось не одно поколение сельских детей. В наши дни в селе Ловцы установлен памятник И. К. Ципулину, а место его захоронения благоустроено [17].

В заключение можно отметить несколько фактов. Иван Козьмич Ципулин – несомненно яркий пример эффективного и ответственного городского управления на рубеже XIX–XX веков. Его четыре срока на посту городского головы стали периодом значительных преобразований в г. Калуге. Он оставил после себя не только благоустроенный город, но и пример для последующих поколений руководителей.

Избрание Ивана Козьмича Ципулина городским головой в 1886 г. стало знаковым событием в истории Калуги [18]. Его четыре последовательных срока на этом посту (до самой смерти в 1901 году) свидетельствуют о высоком уровне доверия со стороны горожан и его исключительных управленческих способностях.

Период его правления ознаменовался значительными преобразованиями в различных сферах городской жизни. Можно выделить следующие аспекты его деятельности на посту главы местного самоуправления г. Калуги.

1. Развитие инфраструктуры: под руководством Ципулина велось активное строительство и ремонт дорог, мостов, улучшалась

система городского освещения [15]. Это способствовало повышению уровня комфорта и безопасности жизни горожан. Конечно, помимо освещения, важным аспектом стало открытие водопровода на территории города, что в значительной степени улучшило быт горожан.

2. Благоустройство: Ципулин уделял значительное внимание благоустройству города. При нём были разбиты новые парки и скверы, повысилась внимание к чистоте и порядку на улицах.

3. Социальная сфера: Иван Козьмич активно поддерживал развитие образования и здравоохранения. При его участии строились новые больницы и учебные заведения, что способствовало улучшению качества жизни горожан. Одним из ярких примеров его благотворительности стало финансирование строительства здания военного лазарета.

Управленческий стиль Ивана Козьмича Ципулина характеризовался прагматизмом, эффективностью и вниманием к деталям. Он умело координировал работу городского хозяйства, добиваясь ощутимых результатов в различных сферах. Его инициативность и умение находить компромиссы способствовали успешной реализации масштабных проектов. Он умел учитывать мнение горожан, что способствовало его высокой популярности. Он оставил после себя заметное наследие, включающее современную инфраструктуру, благоустроенный город и развитую социальную сферу.

Заслуги Ивана Козьмича Ципулина перед Калугой были отмечены высокими государственными наградами ещё при его жизни: тремя золотыми и двумя серебряными медалями, орденами Святой Анны II и III степеней, Святого Станислава II степени и Святого Владимира I степени. За выдающийся вклад в развитие города он был удостоен почётного звания потомственного почётного гражданина Калуги.

Рисунок 2 – Губернатор Калужской области Владислав Шапша и Городской Голова г. Калуги Дмитрий Денисов открывают памятник Городскому Голове Ивану Ципулину в г. Калуге. Апрель 2022 года [7].

О его деятельности не забывают и потомки: в 2022 году, напротив дома И. К. Ципулина, в котором до революции располагалась контора его пароходства [16, с. 210], был открыт памятник знаменитому городскому голове [8; 9]. Что самое удивительное, можно говорить о том, что этот памятник не был первым: открытый после Октябрьской революции 1917 г. памятник Марксу в г. Калуге из-за внешней схожести с обликом прославленного

городского головы многими калужанами воспринимался как памятник Ципулину [19; 20]. «Вот, новая власть, поставили Ивану Козмичу памятник» – проходили мимо него прохожие и кланялись. Так в народной памяти сохранялся образ Ивана Ципулина: человека, который на долгие годы запомнился калужанам как один из лучших «управляющих» города за всю его историю.

Список литературы:

1. Вусович, Ю. А. Медико-топографическое описание Калуги / Ю. А. Вусович. – Калуга: Изд-во Окрздравотдела, 1929. – 201 с.
2. Государственный архив Калужской области (далее – ГАКО). Ф. 87. Оп. 1. Д. 46. Л. 20. Репорт господину городскому голове инженера-технолога Якова Гавриловича Владимирова о завершении исследования воды источника Зелёный Крупец от 28 января 1886 г.
3. ГАКО. Ф. 62. Оп. 17. Д. 1676. Л. 2–4. Копия договора между калужским городским головой купцом первой гильдии Иваном Козмичом Ципулиным на основании постановления городской думы и инженером-технологом Михаилом Ивановичем Алтуховым по делу об устройстве в Калуге водопровода от 29 апреля 1886 г.
4. ГАКО. Ф. 32. Оп. 6. Д. 1571. Л. 1–4. Отношение Городского головы Ципулина Калужскому губернатору по предмету ходатайства думы о совершении займа.
5. Описание устройства калужского городского водопровода / Сост. Гусев М. П. – Калуга: Типография Губернского Правления, 1890.
6. Калужские губернские ведомости. – 1887. – №70.
7. В Калуге открыли памятник Ивану Козмичу Ципулину // Электронный портал «Kaluga News»: сайт. URL: <https://kaluga-news.net/society/2024/04/22/168271.html> (дата обращения: 31.01.2025).
8. В Калуге открыли памятник Ивану Козмичу Ципулину – Городскому Голове с 1885 по 1901 годы // Официальный портал органов власти Калужской области. URL: <https://gov.admoblkaluga.ru/news/item-19827/> (дата обращения: 31.01.2025).
9. В Калуге установят памятник бывшему городскому голове Ивану Ципулину // Информационное агентство «РИА Новости»: сайт. URL: <https://ria.ru/20221029/pamyatnik-1827812466.html?ysclid=m6hqrp0hsg153059185> (дата обращения: 31.01.2025).

10. История старой фотографии. Городской Голова И. К. Ципулин // Интернет-библиотека «Librero»: сайт. URL: <https://www.librero.ru/author/cipulin> (дата обращения: 31.01.2025).
11. К 135-летию открытия водопровода в городе Калуге // Государственный архив Калужской области: официальный сайт. URL: <https://archive.admoblkaluga.ru/gako/object/193795706?ysclid=m6klyq7wkw752791125> (дата обращения: 31.01.2025).
12. Калужское купечество // Информационный портал «Viperson». URL: <https://viperson.ru/wind.php?ID=634475&soch=1> (дата обращения: 31.01.2025).
13. Калуга. Преображение. История Работного дома // Информационное агентство «Знамя»: сайт. URL: <https://znamkaluga.ru/2021/08/22/kaluga-preobrazhenie-56/?ysclid=m6kkrxl3zx808316620> (дата обращения: 31.01.2025).
14. Маркина, И. В. К вопросу о создании и расширении калужской городской водопроводной сети. 1860–1901 гг. (по материалам ГАКО) / И. В. Маркина // Материалы XVI Всероссийской научной конференции, посвященной 535-летию Великого Стояния на Угре и 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. Калуга, 5–7 апреля 2015 г. — Калуга, 2015. С. 156–161.
15. Маркина, И. В. К вопросу об освещении г. Калуги / И. В. Маркина // Седьмые Морозовские чтения: материалы краеведческой научно-практической конференции, посвященной библиографу, археографу, краеведу Генриетте Михайловне Морозовой, г. Калуга, 26–27 апреля 2016 года. — Калуга: Изд-во «Эйдос» (ИП Стрельцов И.А.), 2017. — С. 187–196.
16. Морозова, Г. М. Прогулки по старой Калуге / Г. М. Морозова. — Калуга: Золотая аллея, 1993. — 260 с.
17. Последняя воля Ивана Ципулина // Информационный портал «Весть»: сайт. URL: <https://www.vest-news.ru/article/160400?ysclid=m6hpzueqz5998478138> (дата обращения: 31.01.2025).
18. Развитие местного самоуправления // Городское самоуправление Калуги: офиц. сайт. URL: <https://www.kaluga-gov.ru/o-kaluge/ofitsialnaya-simvolika/razvitie-mestnogo-samoupravleniya.php> (дата обращения: 31.01.2025).
19. Ципулина калужане путали с Марксом // Информационный портал «Аргументы и факты». URL: <https://kaluga.aif.ru/society/details/samomu-imenitomu-v-kaluge-otkryli-pamyatnik-kupcu-mecenatu-ivanu-cipulinu?ysclid=m6hpzte4he502610788> (дата обращения: 31.01.2025).
20. Ципулина калужане путали с Марксом // Информационный портал «Калужский перекрёсток». URL: <https://www.kp40.ru/news/kp/13993/> (дата обращения: 31.01.2025).

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

УДК 327.54

В. В. Курков

**ИСТОРИЧЕСКИЙ ФИНАЛ АФГАНСКИХ ВОЙН СССР И США:
ВЫВОД ВОЙСК ИЗ АФГАНИСТАНА В 1989 И 2021 ГГ. – К ВОПРОСУ
О СРАВНИТЕЛЬНОМ АНАЛИЗЕ**

Статья посвящена сравнительному анализу процессов вывода советских войск из Афганистана в 1989 г. и американских сил в 2021 г. в качестве исторического финала афганских войн двух сверхдержав. В роли исторической предтечи данных процессов автором рассматривается негативный афганский опыт Британской империи, и на его основе анализируются причины, исторические особенности и последствия отступления указанных сверхдержав в итоге затяжных военных кампаний в Афганистане. Особое внимание уделяется сравнению мирных соглашений (в Женеве в 1988 г. и в Дохе в 2020 г.), определивших процесс вывода как советских, так и американских контингентов из Афганистана, а также тому влиянию, которое на эти финальные события афганских войн оказали политические лидеры двух стран.

Ключевые слова: СССР; США; афганские войны; Женевские соглашения 1988 г.; соглашение в Дохе 2020 г.; вывод войск из Афганистана.

V.V. Kurkov

**THE HISTORICAL FINALE OF THE AFGHAN WARS OF THE USSR AND THE USA:
WITHDRAWAL OF TROOPS FROM AFGHANISTAN IN 1989 AND 2021 – ON THE
ISSUE OF COMPARATIVE ANALYSIS**

The article is devoted to a comparative analysis of the processes of withdrawal of Soviet troops from Afghanistan in 1989 and American forces in 2021 as a historical finale of the Afghan wars of the two superpowers. The author considers the negative Afghan experience of the British Empire as a historical precursor to these processes, and on its basis analyzes the reasons, historical features and consequences of the retreat of these superpowers as a result of protracted military campaigns in Afghanistan. Particular attention is paid to the comparison of peace agreements (in Geneva in 1988 and in Doha in 2020), which determined the process of withdrawal of both Soviet and American contingents from Afghanistan, as well as the influence that the political leaders of the two countries had on these final events of the Afghan wars.

Keywords: USSR; USA; Afghan wars; Geneva agreements of 1988; Doha agreement of 2020; withdrawal of troops from Afghanistan.

Насыщенность войнами и нашествиями на протяжении веков являлась определяющим историческим фактором развития Афганистана. Данная негативная тенденция достигает своего апогея на рубеже XX–XXI вв., когда после Апрельской революции 1978 г. (а точнее – в результате переворота осуществленного НДПА [3, с. 413] и воспринятого поражённым геронтократией руководством СССР как революция) Афганистан более чем на четыре десятилетия погрузился в пучину гражданских войн и интервенций великих держав. Две сверхдержавы военным путём пытались реализовать свои политические (как впоследствии оказалось, к тому же, и утопические [5, с. 188–189]) планы на земле Афганистана: в 1979–1989 гг. СССР в полной изоляции вёл свою афганскую войну, а в 2001–2021 гг. США при поддержке мощной коалиции

(прежде всего из союзников по НАТО) пережили в горах Гиндукуша самую длительную войну в своей истории. Общим итогом данных военных кампаний двух сверхдержав стал вывод как советских, так и американских войск с территории Афганистана, диктующий необходимость сравнительного анализа повторения исторической ситуации когда на протяжении жизни одного и того же поколения крайне отсталая страна (однако заслуженно называемая «кладбищем империй») заставила отступать две сильнейшие армии мира.

Прежде всего в этом плане следует обратить внимание на негативный опыт Британской империи, которую три неудачные англо-афганские войны превращают в историческую предтечу вынужденного отступления из Афганистана для СССР и США. Англичане дважды с позором уходили с афганской земли.

Показательно, что сами британские колонизаторы сумели сделать правильные выводы из катастроф в горах Гиндукуша: после гибели английского экспедиционного корпуса при отступлении из Кабула в 1842 г. и позорного поражения от афганцев в битве при Майване в 1880 г., политика крупнейшей в истории человечества колониальной империи в отношении Афганистана претерпела гениальную трансформацию – вместо оккупации и завоевания страны был взят более разумный курс на установление контроля лишь за внешней политикой афганских монархов, дабы не допустить российского, а затем и советского влияния на подступах к Британской Индии. В итоге, с помощью ловкой дипломатии Великобритания добилась от афганцев больше, чем военным путём: линия Дюранда разрешила и разобщила воинственный пуштунский этнос, а сам Афганистан оказался в сфере влияния Британской империи [4, с. 8–9; 8; 9]. Поэтому в ходе третьей англо-афганской войны в 1919 г. вопрос об английском вторжении в Афганистан уже не был актуален, и соответственно не было и позорного отступления. Однако в целом опыт британской политики в отношении Афганистана был практически не востребован ни советским, ни американским руководством (см. Таблица 1). Американской элитой к тому же был проигнорирован и негативный опыт вывода армии США из Вьетнама – например, и во Вьетнаме, и в Афганистане уход американцев обернулся гуманитарной трагедией – неорганизованным, хаотичным потоком беженцев затронувшим целый слой проамерикански настроенного населения этих двух стран, фактически брошенного на произвол судьбы. При уходе советских войск из Афганистана ситуация была стабильной и подобных эксцессов не наблюдалось – геноцид для просоветски настроенных афганцев последует позже.

В качестве общей и главной детерминанты вывода и советских, и американских войск из Афганистана выступает запоздалое осознание правящей элитой обеих сверхдержав утопичности своих политических планов в отношении этой страны [5, с. 188–189] и как результат – понимание бесперспективности затяжной войны с афганскими партизанами. И для СССР сделавшего ставку на социалистические преобразования в Афганистане, и для США, стремившихся утвердить западную демократию в городах и кишлаках Гиндукуша, эта отсталая страна с крайне воинственным

населением, сплочённым по родоплеменному принципу и жившим согласно собственному летоисчислению по канонам XIV–XV вв., оказалась настоящим стратегическим капканом и понимание необходимости спасения из этой ловушки неизбежно нарастало вместе с ростом людских потерь и материальных затрат по ходу затянувшихся афганских военных кампаний. Чисто в теоретическом плане можно рассуждать о достижимости потенциальной военной победы СССР или США в Афганистане, но на практике ни одна из сверхдержав не была способна мобилизовать те огромные силы и ресурсы, которые были бы нужны для такой победы – потому что это действительно была бы настоящая «Пиррова победа»: не случайно Афганистан на Востоке сравнивают с ульем, в котором очень много злых пчёл, но вообще нет мёда – экономически и политически затраты на такую победу в Афганистане просто бы не окупились [7; 8, с. 149].

В этой связи следует подчеркнуть и решающее влияние именно внутривнутриполитических факторов на принятие высшим политическим руководством двух сверхдержав решения о выводе как советских, так и американских войск из Афганистана. Для СССР это проявлялось в противоречивых последствиях перестроечных реформ и неоднозначной политики М.С. Горбачева в целом – прежде всего в нарастании социально-экономических проблем (чему немало способствовала и разорительная афганская война), конфликтов в сфере национальных отношений, кризиса как самой КПСС, так и коммунистической идеологии, борьбы за власть (фактически тяжёлая болезнь великой державы уже переходила в стадию агонии) – вполне закономерно, что после ухода Советской Армии с афганской территории, СССР не просуществует и трёх лет. Ситуация для Америки была не столь катастрофической, но тоже достаточно сложной – на фоне подписания в Катаре Дохийского мирного соглашения между США и талибами, Америку и весь мир охватила пандемия коронавируса. Только в течение 2020 г. умерло 350 тысяч американцев (угроза исламского терроризма пугавшая граждан США после трагедии 11 сентября 2001 г. теперь померкла), крупнейшая экономика мира вступила в полосу тяжелейшего экономического кризиса со времени Великой депрессии – все средства американского бюджета были брошены на борьбу

с новой угрозой и афганская война в системе ценностей американского общества просто ушла на задний план – её надо было срочно завершать [4, с. 669–670].

Для понимания детерминант определивших вывод советских и американских войск из Афганистана не менее важны и кардинальные изменения во внешнеполитической стратегии сверхдержав, на фоне которых и разворачивался их уход с афганской территории. Так, для СССР решающее значение имела концепция «нового политического мышления» выдвинутая М.С. Горбачевым и предполагавшая политику разоружения и отказа от холодной войны (на деле эта очередная перестроечная утопия обернётся односторонними уступками перед западными державами), но, тем не менее, продолжение афганской войны в новый внешнеполитический курс Горбачева никак не вписывалось, что и обусловит отступление СССР из Афганистана. Для США такую же решающую роль сыграет собственная переоценка внешнеполитической стратегии – когда вместо борьбы с исламским экстремизмом на первый план будет выдвинута идея сдерживания по всем направлениям Китая и России, в политике которых в Вашингтоне увидели вызовы статусу Америки как единственной сверхдержаве [4, с. 676; 13, с. 135].

Определяющее влияние на процесс вывода войск из Афганистана как в 1989, так и в 2021 гг. оказали международные соглашения, заключённые воюющими сторонами и предполагавшие окончание афганского конфликта: для СССР это были Женевские соглашения 1988 г. [10], для США Дохийское соглашение 2020 г. [14]. В обоих случаях соглашения явились результатом доминирующего влияния политических лидеров, находившихся в тот момент у руля власти в СССР и США, и в результате оказались более выгодны не сверхдержавам, увязшим в афганской войне, а их противникам. Так, Женевские соглашения как результат четырёхсторонних переговоров (Советский Союз, просоветское правительство Афганистана, США и Пакистан) в итоге оказались слабо продуманы и подготовлены со стороны М.С. Горбачева и его окружения [1, с. 203]. К негативным сторонам данного комплекса соглашений, как показали последующие события, относится следующее:

– не допущенные к переговорам лидеры афганских моджахедов [3, с. 435], получили

полное право не признавать данные договоренности;

– ослеплённые утопической идеей Горбачева о приоритете общечеловеческих ценностей (в качестве главной составляющей «нового политического мышления») советские дипломаты были вынуждены согласиться на ничем не гарантированное обещание о прекращении военной помощи афганским моджахедам со стороны США и Пакистана в обмен на вывод советских войск из Афганистана.

Предполагавшее взаимовыгодный компромисс, Женевские соглашения на деле не обеспечивали паритета сторон в данном вопросе: нелицеприятную роль здесь сыграл и тогдашний министр иностранных дел СССР Э. А. Шеварнадзе, который отклонил предложение советских военных о равноценных уступках в Афганистане – поэтому не была реализована разумная идея: в обмен на ликвидацию 92 советских военных баз закрыть соответственно около 80 тренировочных лагерей моджахедов на территории Пакистана (которые в будущем кстати и станут основой для зарождения движения талибов) [1, с. 198–199].

В итоге, Женевские соглашения приобрели односторонний характер – выполнял их только СССР (пакистанский диктатор Зия-уль-Хак даже обозвал эти договоренности «фиговым листком»). Как результат, после ухода Советской Армии, война на афганской земле не прекратилась и моджахеды, пользуясь по-прежнему поддержкой США и Пакистана с новой силой атаковали режим Наджибуллы, вопрос о свержении которого в условиях нарастающего кризиса самого Советского Союза был лишь вопросом времени.

В свою очередь, для США в современных публикациях констатируется негативное влияние на процесс мирных переговоров с талибами и последующий вывод американских войск из Афганистана именно президента Д. Трампа – в период правления Обамы в 2014 г. был фактически лишь решительно подтверждён стратегический курс на выход Америки из этого конфликта (обозначенный ещё с 2011 г. [13, с. 134]) и началось масштабное сокращение войск, а уже Байден просто получил в наследство от Трампа катастрофическую ситуацию с невыгодными, но подписанными договорённостями, которые талибы не собирались выполнять и необходимостью позорной для сверхдержавы эвакуации из Кабула

остатков американского контингента [4, с. 526; 670–671]. Поэтому можно отметить характеристику Трампа как «самого отвратительного президента США» применительно к афганской проблеме: по мере того как приближались промежуточные выборы в ноябре 2018 г. он оказывал всё более мощное давление на американских дипломатов и военных, требуя форсировать мирные переговоры с талибами, которые в ходе восемнадцатимесячной дипломатической борьбы обещали очень мало, а дали американцам ещё меньше [4, с. 639, 665–667]. В итоге подписанное в Дохе в феврале 2020 г. мирное соглашение [14] оказалось идеальным для талибов и превратилось в смертный приговор для проамериканского режима в Кабуле – в то время как Трамп накануне президентских выборов сократил численность американских войск до минимального порога, талибы удвоили натиск на правительственные силы Афганистана, занимая один стратегический пункт за другим [4, с. 668].

Исторический опыт выхода США из затяжного афганского конфликта (при той ключевой роли, которую в данном процессе сыграл президент Трамп), достаточно актуален при оценке современных мирных посреднических усилий Д. Трампа в деле урегулирования военного конфликта вокруг Украины – исходя из его негативного влияния на подписание соглашения в Дохе (согласно оценке самих же американских авторов), в настоящее время миротворческие усилия Д. Трампа предпринимаются не ради Украины, и как это не покажется парадоксальным, не ради США – определяющей детерминантой являются политические интересы самого Трампа.

В феврале 1989 г. советские войска гордо ушли из Афганистана с развёрнутыми знаменами и в абсолютно стабильной обстановке – промосковский режим Наджибуллы ещё три года будет удерживать власть. Но афганская война продолжалась и фактически судьбу Афганистана решит крах самого Советского Союза – когда руководство России во главе с президентом Ельциным откажется от военной помощи афганскому союзнику: в сентябре 1991 г. госсекретарь США Дж. Бейкер и министр иностранных дел России Б. Панкин подпишут соглашение о прекращении поставок оружия воюющим сторонам афганского конфликта – это был окончательный приговор для Наджибуллы, который будет свергнут моджахедами в апреле 1992 г. [3, с. 444–445].

Уход США из Афганистана развивался по иному сценарию – начавшееся с 2014 г. поэтапное сокращение американских сил в этой стране привело к тому, что в 2021 г. оставшийся минимальный контингент США уже не мог остановить последнее и решающее наступление талибов, которые в нарушение дохийских договоренностей добивали проамериканское правительство Афганистана. Финальная эвакуация остатков американских сил разворачивалась на фоне вступления талибов в Кабул, краха режима Гани и паники среди всех, кто приветствовал в своё время приход западной коалиции. Для всего мира возникала картина явного поражения США в этой войне [4, с. 678–679].

Однако, следует подчеркнуть, что оценка ухода советских и американских войск из Афганистана как свидетельства поражения сверхдержав в афганских кампаниях сама по себе достаточно условна и противоречива. Так, отечественные исследователи нередко не признают факт военного поражения СССР в Афганистане, обоснованно утверждая, что за всё время войны моджахеда не провели ни одной крупной военной операции и не захватили ни одного крупного города [2, с. 185]. Но афганская оппозиция противопоставила Советской Армии именно тактику партизанской войны и подавить такое сопротивление советским силам не удалось, как и в целом СССР не смог обеспечить достижения целей своей политики в Афганистане (достаточно расплывчатых и утопических). На этом фоне более важно то, что афганская война стала катализатором распада самого СССР [2, с. 185; 5, с. 193]. И в этом контексте уже не столь значимым является факт трёхлетнего сопротивления режима Наджибуллы после ухода советских войск – так или иначе он был свергнут уже на фоне краха Советского Союза. Поэтому отступление советских войск за Амударью свидетельствует если не о военном, то о политическом и историческом поражении коммунистической сверхдержавы в Афганистане.

Похожая ситуация определяется и с последствиями ухода американских войск из Кабула. Внешне здесь вырисовывается картина достаточно позорного поражения на тот момент единственной в мире сверхдержавы, однако в ходе двадцатилетней войны (понесла гораздо меньшие потери чем советские войска за девять лет аналогичной кампании) США

добились официально провозглашенных целей: разгрома Аль Каиды, ликвидации Усама бен Ладена и предотвращения террористических атак на свою территорию [4, с. 678; 13, с. 136]. В то же самое время более амбициозные геополитические планы по установлению собственного доминирования на Среднем Востоке и в Центральной Азии явно

провалились, рано как и стратегия «гроху war» (т. е. «войны по доверенности») в лице исламских экстремистов ударившая рикошетом по самим США [6], не говоря уже об огромном ущербе для имиджа американской державы и её армии. Поэтому вывод как минимум о политическом и историческом поражении США здесь также вполне уместен.

Таблица 1

Сравнение исторических причин, особенностей и последствий вывода войск СССР и США из Афганистана в 1989 и 2021 гг. [4, 5, 6, 7, 10, 13, 14].

Критерии сравнения	СССР 1989 г.	США 2021 г.
Исторический опыт, проигнорированный при выводе войск	Проигнорирован негативный опыт Британской империи	Помимо британского опыта не учтен и опыт вывода американских войск из Вьетнама
Главные причины вывода войск	Утопичность советских планов социалистических преобразований в Афганистане, затяжная война с афганскими моджахедами	Утопичность американских планов по утверждению западной демократии в афганском социуме, затяжная война с афганскими талибами
Влияние внутривнутриполитических факторов на решение о выводе войск	Негативные последствия противоречивых перестроечных реформ М.С. Горбачева, нарастание кризиса СССР и КПСС	Негативные последствия пандемии коронавируса, прежде всего – кризис американской экономики
Изменения внешнеполитической стратегии, повлиявшие на решение о выводе войск	«Новое политическое мышление» М.С. Горбачева и сворачивание холодной войны, обернувшееся стратегическими уступками Западу	Новые стратегические приоритеты внешней политики США, обусловленные вызовами со стороны Китая и России
Влияние политического лидера на заключение международных соглашений обеспечивших вывод войск	Особенности политики М.С. Горбачева обусловили негативные стороны Женевских соглашений 1988 г., позволившие США, Пакистану и моджахедам их не соблюдать	Давление президента Д. Трампа, стремившегося как можно быстрее вывести страну из затяжной войны, обусловило что соглашение, подписанное в г. Доха в 2020 г. оказалось более выгодно для талибов, чем для США
Исторические особенности вывода войск	ОКСВА был полностью выведен в спокойной обстановке в феврале 1989 г.: с пропагандистской точки зрения ничто не позволяло говорить о поражении СССР	Поэтапный вывод американских сил начиная с 2011 г. и заключительный этап поспешной эвакуации остатков контингента на фоне финального наступления талибов, вступивших в Кабул, порождающий картину поражения США
Последствия вывода войск для Афганистана	Война в Афганистане продолжилась, просоветский режим Наджибуллы продержался в Афганистане ещё три года – до апреля 1992 г. – и был свергнут уже после краха самого СССР	Проамериканский режим в Кабуле в 2021 г. рухнул еще до окончательного вывода войск США, талибы вторично пришли к власти, военные действия в Афганистане прекратились
Последствия вывода войск для сверхдержав	Если не военное, то историческое поражение СССР, катализатор краха коммунистической сверхдержавы	Достижение официальных целей в борьбе с террористической угрозой и провал амбициозных геополитических планов, огромные имиджевые потери

Уход американцев из Афганистана породил определённый политический и экономический вакуум на Среднем Востоке,

который неизбежно должен быть заполнен другими державами. Прежде всего эта ситуация открывает перспективы для расширения

влияния ШОС и Китая в регионе [11; 12], особенно учитывая роль региональных транспортных артерий в развитии китайского проекта «Нового шёлкового пути». Новые возможности открываются и для России, для которой возвращение в качестве активного и ведущего игрока на афганское поле укладываясь в рамки и дипломатической традиции и

геополитических интересов, содержит, однако, на фоне пока ещё весьма смутных политических и экономических выгод столь же традиционные опасности и вызовы. В этом же ключе следует вероятно оценивать и дипломатическое признание режима талибов в Афганистане со стороны Российской Федерации.

Список литературы:

1. Авдеев, Г. П. Афганская война в историческом аспекте: размышления бывшего дипломата // 30 лет окончания войны в Афганистане. Материалы научно-практической конференции «Пермские военно-исторические чтения» / Г. П. Авдеев. – Пермь: ГАСПИ, 2019. – С. 196–204.
2. Дементьев, Б. П. Афганская война: итоги и уроки // 30 лет окончания войны в Афганистане. Материалы научно-практической конференции «Пермские военно-исторические чтения» / Б. П. Дементьев. – Пермь: ГАСПИ, 2019. С. 183–187.
3. Коргун, В. Г. История Афганистана. XX век / В. Г. Коргун. – М.: ИВ РАН: Крафт+, акад. наук. Ин-т востоковедения, 2004. – 528 с.
4. Кросс, Д. Чужая война. Америка в Афганистане / Д. Кросс. – М.: Издательство «Картина мира», 2025. – 694 с.
5. Курков, В. В. «Прежде чем войти, подумай, как будешь выходить»: общность негативного опыта афганских войн СССР и США // 30 лет окончания войны в Афганистане. Материалы научно-практической конференции «Пермские военно-исторические чтения» / В. В. Курков. – Пермь: ГАСПИ, 2019. – С. 188–196.
6. Курков, В. В. Уроки военного противостояния СССР и США в Афганистане: исторический рикошет «войны по доверенности» / В. В. Курков // Вестник Калужского университета. Серия 3. История. Политика. Право. – 2022. – № 1. – С. 29–33.
7. Курков, В. В., Климанова, В. Н. Исторические уроки войны в Афганистане: ограниченный контингент» как общий просчёт военной стратегии СССР и США / В. В. Курков, В. Н. Климанова // Исторический бюллетень. – 2023. – Т. 6. – №6. – С. 85–89.
8. Курков, В. В., Сильченко, Д. И. Исторические уроки англо-афганских войн в контексте военных операций СССР и США в Афганистане / В. В. Курков, Д. И. Сильченко // Исторический бюллетень. – 2023. – Т. 6. – № 6. – С. 147–152.
9. Лисицына, Н. Н. Вывод англо-индийских войск из Афганистана, или «Обещать – не значит уйти!» / Н. Н. Лисицына // Восточный архив. – 2018. – № 1 (37). – С. 33–35.
10. Организация Объединенных Наций. Совет безопасности. 15 февраля 1988 г. Осуществление соглашений об урегулировании положения, относящегося к Афганистану. Доклад миссии добрых услуг Организации Объединенных Наций в Афганистане и Пакистане. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/pro/gl0/247/56/pdf/gl024756.pdf> (дата обращения 10.07.2025).
11. Рауф, С. Трансграничное взаимодействие Афганистана и Шанхайской организации сотрудничества после вывода войск США из Афганистана / С. Рауф // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2024. – Т. 24. – № 2. – С. 252–263.
12. Сафронова, Е. И. Китай и Афганистан: состояние отношений после вывода войск США / Е.И. Сафронова // Проблемы Дальнего Востока. – 2022. – № 6. – С. 56–69.
13. Юрк, А. В. Значение войны в Афганистане для американского глобального лидерства: Вьетнам 2.0 или нечто большее? / А. В. Юрк // Вестник Томского государственного университета. История. – 2023. – № 85. – С. 132–139.
14. Agreement for Bringing Peace to Afghanistan between the Islamic Emirate of Afghanistan which is not recognized by the United States as a state and is known as the Taliban and the United States of America February 29, 2020. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/02/Agreement-For-Bringing-Peace-to-Afghanistan-02.29.20.pdf> (дата обращения 10.07.2025).

УДК 94 (100-87)

*В. В. Курков***РЕЙДЫ КРАСНОЙ АРМИИ НА ТЕРРИТОРИЮ АФГАНИСТАНА В 1929–1930 ГГ.:
НЕВОСТРЕБОВАННЫЕ УРОКИ ИСТОРИИ**

Статья посвящена исследованию исторических уроков первых афганских походов Красной Армии: в 1929 г. (под руководством В. М. Примакова) как попытки сохранить режим короля Амануллы в условиях успешного восстания Бачаи Сакао и в 1930 г. (рейд комбрига Я. М. Мелькумова) как операция по ликвидации материальной базы басмачества. Автором определены детерминанты и исторические особенности данных рейдов частей РККА и сделан вывод о не востребованности исторического опыта этих военных операций советским военным и политическим руководством при планировании и осуществлении боевой деятельности ОКСВА в 1979–1989 гг.

Ключевые слова: СССР; Афганистан; Аманулла-хан; восстание Бачаи Сакао; басмаческое движение; афганские походы РККА.

*V. V. Kurkov***RED ARMY RAIDS INTO AFGHANISTAN IN 1929-1930:
UNCLAIMED LESSONS OF HISTORY**

The article is devoted to the study of historical lessons of the first Afghan campaigns of the Red Army: in 1929 (under the leadership of V. M. Primakov) as an attempt to preserve the regime of King Amanullah in the conditions of the successful uprising of Bachai Sakao and in 1930 (raid of brigade commander Ya. M. Melkumva) as an operation to eliminate the material base of the Basmachi. The author defines the determinants and historical features of these raids of the Red Army units and concludes that the historical experience of these military operations was not in demand by the Soviet military and political leadership when planning and implementing the combat activities of the OKSVA in 1979-1989.

Keywords: USSR; Afghanistan; Amanullah Khan; Bachai Sakao uprising; Basmachi movement; Afghan campaigns of the Red Army.

Для новейшей истории Афганистана, в особенности применительно к проблеме болезненных аспектов взаимоотношений этой страны с великими державами, более чем актуальна идея известного канадского педагога Лоуренса Питера о том, что нежелание людей воспринимать опыт прошлого оборачивается вынужденным повторением старых ошибок. Так, за пятьдесят лет до того, как брежневское руководство СССР приняло роковое решение о вводе советских войск в Афганистан, страна Советов уже осуществляла военное вторжение на территорию южного соседа в 1929–1930 гг. Афганские походы РККА во многом предвосхищают проблематику военных действий ОКСВА в 1979–1989 гг. и в тоже время пока что не получили достойного освещения в отечественной историографии – например в фундаментальном обобщающем труде посвященном потерям России и СССР в войнах XX века, эти военные действия не затрагиваются [12].

В конце 1920-х гг. афганское общество потрясает вспышка гражданской войны, события которой ярко изложены в знаменитой «Книге упоминаний о мятеже» написанной придворным летописцем и официальным историографом афганской монархии – хазарейцем Мухаммадом Файзем (1862–1931 гг.), который сам являлся очевидцем и жертвой этой кровавой смуты [13]. Период прогрессивных, но непродуманных и поспешных реформ короля Амануллы-хана (1919–1929 гг.), сумевшего выстоять против британских войск в третьей англо-афганской войне, добиться реальной независимости для Афганистана и назо Лондону установить дружественные отношения с советской державой, вполне закономерно обернулся кризисом афганского общества и государства. Традиционный социум, например, не был готов принять неуважение к шариату, обязательную отмену многоженства и ношения чадры [5, с. 166; 11, с. 133]. Детонатором данного кризиса стали национальные

противоречия между правящим в стране пуштунским этносом и народами населяющими север страны: узбеками, туркменами, и, прежде всего – таджиками, традиционно обречёнными на подчинённое положение – проблема, которая будет взрывать афганский социум ещё неоднократно – вплоть до войн в начале XXI в. А в конце 1928 г. этот национальный конфликт вкупе с комплексом традиционных социальных бед породил восстание против короля Амануллы под руководством Бачаи Сакао. Этот легендарный предводитель повстанцев, этнический таджик – Хабибулла Калакани – вошедший в историю как «сын водоноса», превратился из обычного для афганских гор разбойника в местного Робин Гуда и народного героя [5, с. 167–168], который сумел создать настоящую повстанческую армию и принудил короля Аманулла в январе 1929 г. отречься от престола и бежать из столицы в г. Кандагар – в то время как в Кабул вступили отряды Бачаи Сакао [11, с. 140–141, 148]. Впервые в истории страны таджик и бывший бандит под именем эмира Хабибуллы занял афганский трон – это означало неизбежное продолжение гражданской войны так пуштунские племена не собирались отдавать власть другим этносам. Тем более, что Аманулла и его сторонники продолжали борьбу.

Одновременно, переворот совершённый Бачаи Сакао, порождал для Афганистана, бывшего геополитически буферной зоной между Британской империей и СССР, серьёзные внешнеполитические осложнения – смена власти в Кабуле поставила Москву перед серьёзным выбором, породившим разногласия в кремлевском руководстве. Коминтерн и ОГПУ, недовольные политикой Амануллы (для них король-реформатор был пройденным этапом) выступали за то, чтобы поддержать Бачаи Сакао, видя в восстании, прежде всего, народный и социальный характер и потенциал долгожданной крестьянской революции на Востоке (что явно было утопией), в то время как НКВД склонялся к продолжению курса на союзнические отношения с Амануллой, вполне справедливо полагая, что пуштунское большинство никогда не признает таджика королем Афганистана [1, с. 34; 5, с. 196].

В итоге ключевую роль в определении позиции советского руководства в отношении афганского конфликта сыграл фактор (скорее мнимой, нежели реальной) британской угрозы для этой страны и для южных рубежей СССР:

и советская пропаганда в лице газет «Правда» и «Известие» в 1928–1929 гг. (и В. М. Примаков, как главный участник событий со стороны СССР, и советские историки и публицисты впоследствии) единодушно подчеркивали, что все действия Бачаи Сакао предпринимались по указке Великобритании, дабы свергнуть прогрессивного афганского короля, осмелившегося первым признать молодое советское государство – более того восстание Хабибуллы рассматривалось в качестве удобного предлога для расширения британским империализмом границ Индии и подготовки нападения на СССР – справедливости ради надо отметить, что и в германской и французской прессе движение Бачаи Сакао также рассценивалось как результат британских интриг [4; 5, с. 181–182; 11, с. 30, 151]. Однако Великобритания уже давно отказалась от попыток завоевания Афганистана (уже в ходе третьей англо-афганской войны 1919 г. не последовало британского вторжения в эту страну), а восстание Хабибуллы Калакани современными исследователями трактуется как результат противоречий прежде всего внутри афганского социума.

В этом плане показательны слухи о появлении в приграничном с Афганистаном районе Британской Индии легендарного агента английской разведки Лоуренса Аравийского. Несмотря на кажущуюся очевидность причастности знаменитого британского разведчика к перевороту в Кабуле (и высказанную им в собственных письмах личную заинтересованность в этих событиях), тем не менее Т. Лоуренс служивший в британской авиации под фамилией рядового авиамеханика Шоу, во время рассматриваемых афганских событий фактически случайно оказался в англо-индийской армии и был немедленно отозван командованием из Индии, как только в прессе началась шумиха вокруг его имени [4; 5, с. 171–172; 8, с. 17; 9, с. 539–540]. Тем более что, будучи уникальным специалистом именно по арабскому Востоку, где он провел немалую часть жизни и где знание языка и обычаев позволяло ему буквально растворяться в местной среде, Лоуренс в Афганистане, в котором он никогда не был, уже не имел бы таких преимуществ – есть большая разница между реалиями Аравии и Афганистана. Однако само имя и образ «агента британского империализма» усиливали опасения советского руководства – не случайно этой фигуре огромное внимание в

своей книге «Афганистан в огне» уделяет руководитель афганского похода РККА В. М. Примаков [11, с. 134–138].

Фактически, противостояние с западным противником на южных рубежах СССР, по сути, выросло из геополитических традиций «Большой игры» имперской эпохи и получило мощную подпитку в виде классовой ненависти и утопических надежд на мировую революцию. В этом плане показательна книга советского военачальника Примакова, который открывает свою работу экскурсом в анализ противоречий России и Британской империи вокруг Афганистана, вспоминая об индийском походе донских казаков при Павле I на Британскую Индию и одновременно освещая многообещающие (по его мнению) перспективы революционного движения в Индии [11, с. 16–18, 44]. В итоге это противоборство превратилось в самостоятельный фактор внешней политики, который проявится спустя пятьдесят лет в условиях холодной войны – в качестве решающей детерминанты, определившей решение уже брежневского руководства СССР о вводе войск в Афганистан – в страхе перед утверждением теперь уже американского влияния на южном берегу Амударьи.

Ещё более значимым для советско-афганских отношений в конце 1920-х гг. был фактор, который краском Примаков предпочёл обойти в своей работе – это басмаческое движение, борьба с которым в горах и пустынях советского Туркестана растянулась на десятилетия. Отряды басмачей базировались прежде всего на территории Афганистана – король Аманулла, проводя курс на дружественные и союзнические отношения с советской державой, в то же время не мог отказать мусульманам-единоверцам, притесняемым в СССР, в убежище и поддержке и рассчитывал использовать басмаческие отряды в своих интересах [2, с. 91–92; 3, с. 49]. Однако эта двойственная политика обернулась против Амануллы – значительная часть курбаши и рядовых участников басмаческого движения были этническими таджиками – для них ближе оказался восставший против короля таджик Бачаи Сакао, а прогрессивные реформы и дружба с русскими превращали Аманулла в глазах басмачей в неверного, тем более что под давлением советской стороны король был вынужден ограничивать свободу действий басмаческих формирований. Поэтому воцарение на афганском троне таджика Хабибуллы

Калакани открывало новые широкие возможности для роста басмаческого движения и прежде всего – для ключевой фигуры среди его лидеров – Ибрагим-бека, отряды которого с территории Афганистана регулярно совершали вторжения в советскую Среднюю Азию, поэтому разгромить и ликвидировать этого кровавого курбаши, активно вступившего и в борьбу за власть в самом Кабуле, Красная Армия мола только на афганской земле [2, с. 93; 3, с. 49–50].

Кремлёвским лидерам нужно было तो ропиться, так как весной 1929 г. эмир Хабибулла, утвердившись на троне в Кабуле, организует встречу с Ибрагим-беком и другими руководителями басмаческого движения для утверждения плана совместного вторжения в советский Туркестан. Однако, вторжение не состоялось – Ибрагим-бек, вдохновлённый примером успешного захвата власти со стороны Бачаи Сакао, сам включился в внутривнутриполитический афганский конфликт, в то время как ГПУ усилило охрану границ советского Таджикистана, который в 1929 г. получил статус союзной республики СССР, дабы лишить Ибрагим-бека поддержки со стороны местного населения [5, с. 199–200]. Было ясно, что эти факторы лишь на время откладывали серьёзную угрозу южным рубежам советского государства.

Таким образом для Москвы победа Бачаи Сакао в Афганистане означало утверждение на беспокойной южной границе клерикального режима, действующего по указке британского империализма и поддерживающего антисоветское басмаческое движение. Отсюда и возникает парадоксальная историческая ситуация, когда советские лидеры, ещё недавно мечтавшие о мировой революции, решают поддержать в гражданской войне в Афганистане прогрессивного монарха против реакционного крестьянского вождя, на стороне которого, как предполагалось, будет выступать Британская империя.

Уже в декабре 1928 г. советскими руководителями было решено продать правительству Амануллы-хана большую партию винтовок с необходимым объёмом патронов и пулемёты, а также тысячу химических (!) артиллерийских снарядов (от поставки последней группы боеприпасов Кремль впоследствии все же разумно отказался). Афганская сторона должна была расплатиться за вооружение поставками шерсти, хлопка и каракуля. В

спешном порядке была создана партийная комиссия по данному вопросу, в которую вошли И. В. Сталин, А. И. Рыков (занимавший должность председателя Совнаркома), Г. К. Орджоникидзе и К. Е. Ворошилов (как военный нарком и основной координатор) [5, с. 196–197, 14, с. 35–36].

Стратегия кремлевского руководства в отношении афганского конфликта была окончательно оформлена 27 декабря 1928 г. в соответствующем решении Политбюро ЦК ВКП(б), исходя из чего были сформулированы новые задачи для Л. Старка – посла СССР в Кабуле. Для получения оперативной информации в начале 1929 г. Политбюро направило в лагерь Амануллы специального советского представителя В. Соловьева, полёт которого на самолете в Кандагар оказался крайне опасным, но позволил сформировать у советских лидеров чёткое представление о ситуации и определиться с афганскими союзниками. Главные надежды в деле восстановления на престоле прогрессивного короля Амануллы Москва связывала с наиболее влиятельным в его окружении кланом Чархи, в котором Гулам Джейлани занимал пост консула в г. Ташкенте, Гулам Сиддик являлся министром иностранных дел королевского правительства, а ключевая роль в советских планах будет уготована Гуламу Наби, занимавшему пост афганского посла в Советском Союзе [1, с. 31–32].

Именно он начинает формирование на территории СССР добровольческой афганской армии, призванной освободить страну от тирании Бачаи Сакао и вернуть трон Амануллы: из военных училищ СССР отзываются учившиеся там афганские офицеры, в районе расположенного на границе г. Термез и пограничном пункте Керки в отряды Гулама Наби активно вербуют афганских беженцев и отходников. При этом среди будущих бойцов афганской «освободительной армии» были и фанатичные амануллисты, и случайные политические попутчики. Один из советских дипломатов с горечью отмечал, что в «армию» Гулама Наби нередко принудительно набирался буквально «всякий афганский сброд», при этом не соблюдались никакие правила конспирации. Наоборот, в Москве о готовящемся вторжении в Афганистан знал лишь очень ограниченный круг лиц, в число которых не попал даже Г. Агабеков, возглавлявший на тот момент восточный отдел ГПУ. Современные

исследователи объясняют это тем, что именно эта советская спецслужба располагала объективной и достоверной информацией о реальной ситуации в Афганистане, формировавшей в их рядах негативную оценку Амануллы, в то же время именно среди чекистов и работников аппарата Коминтерна были наиболее распространены утопические настроения в пользу Бачаи Сакао, в котором они видели народного вождя и новую надежду революции на Востоке [1, с. 33–34].

20 марта 1929 г. советское Политбюро в целом выработало окончательный план военной операции объединённого советско-афганского отряда по свержению Бачаи Сакао и восстановлению власти Амануллы, согласованный Сталиным с королевским министром иностранных дел Гуламом Сиддиком [1, с. 33–34; 3, с. 51; 5, с. 200–202]:

- роль главной ударной силы должен был сыграть особый советский отряд под командованием В. М. Примакова, успевшего изучить условия страны за время пребывания на должности военного атташе в Кабуле – первоначальная численность отряда определялась в 800 красноармейцев, экспедиционные силы в необходимой мере оснащались пулемётами и горной артиллерией и могли рассчитывать на поддержку советской авиации;

- первоначальной целью вторжения был захват г. Мазари-Шариф, где планировалось развернуть опорную базу и армию сторонников Амануллы из афганцев, что должно было гарантировать последующий захват уже столицы Афганистана;

- предполагалось лишь временное участие в военной операции советского экспедиционного отряда: его основная часть должна быть отозвана назад в СССР по мере успешного развития вторжения (для помощи афганским союзникам предполагалось оставить только специалистов по обслуживанию пулемётов и артиллерии) – главная идея плана заключалась в том, что Афганистан должны освободить не советские войска, а свой же народ;

- поэтому большое внимание уделялось маскировке советского экспедиционного отряда, который должен был выглядеть как войско некоего афганского хана: поэтому Примаков лично отбирал солдат выбирая тех, кто знал восточные языки, советские солдаты были переодеты в традиционную афганскую

одежду, сам командир отряда действовал под именем турецкого офицера Рахим-бека.

Однако сам ход военной операции по вторжению в Афганистан очень быстро стал развиваться вопреки этому плану. После авиаударов и разрушительного артобстрела 22 апреля 1929 г. отряд Примакова, преодолев ожесточенное сопротивление противника, овладел городом Мазари-Шариф (кровавый штурм обернулся гибелью более трёх тысяч афганцев). По ходу боя политическая маскировка отряда рухнула – красноармейцы несмотря на запрет атаковали с традиционными русскими «ура» и бранью – советское вторжение стало очевидным. Население севера Афганистана (прежде всего этнические таджики и узбеки) были возмущены русским вмешательством и не горели желанием воевать за возвращение пуштунского короля, тем более что Гулам Наби и его сторонники в захваченном городе не провели никаких реформ в пользу народа, а наоборот начали репрессии против своих противников. Всё это позволило сторонникам эмира Хабибуллы, на помощь к которым подошли басмаческие отряды Ибрагим-бека, организовать мощное контрнаступление – афганцы упорно пытались отбить Мазари-Шариф – отряд Примакова и амануллисты Гулама Наби оказались в тяжёлом положении: город был окружён, прекратилась подача воды и продовольствия. Примаков запрашивал Москву о срочных подкреплениях – но попытка советских войск прорваться к Мазари-Шарифу в конце апреля 1929 г. провалилась [1, с. 34; 5, с. 202–203].

В этой критической ситуации советское командование организовало переброску самолетами в Мазари-Шариф новых партий пулемётов и артиллерийских снарядов. По сторонникам эмира Хабибуллы и басмачам были вновь нанесены авиаудары. И главное – в начале мая 1929 г. на территорию Афганистана вступил ещё один отряд Красной Армии (400 бойцов с пулемётами и горной артиллерией) под командованием И. Е. Петрова (действовавшего под именем Зелым-хана). К аманулистам стали переходить представители самого бесправного из афганских народов – хазарейцы. Всё это позволило выправить ход операции: контрнаступление противника на Мазари-Шариф было отбито и советский отряд при поддержке сил Гулама Наби продолжил наступление, готовясь к броску на Кабул – были заняты города Балх и Таш-Курган. К

тому времени сам Примаков был неожиданно вызван в СССР и отряд возглавил А. И. Черепанов. Однако уже 28 мая 1929 г. операция была свернута и советский отряд по приказу Сталина был возвращен в СССР – три фактора заставили Москву отступить на фоне, казалось бы, успешно вторжения [1, с. 35–36; 5, с. 204–205; 10, с. 210]:

– прежде всего, это пораженческий шаг самого короля Амануллы, который будучи подавленным политическими неудачами, неожиданно навсегда покинул страну, бросив своих сторонников, что лишало всякого смысла советскую операцию;

– несомненно Москву серьёзно обеспокоил и ультиматум британского правительства Макдональда: в случае если СССР не выведет свои войска из Афганистана, Великобритания угрожала ввести своих солдат в эту страну;

– и, конечно, это враждебное отношение населения северного Афганистана – этнических таджиков и узбеков – как к советскому вторжению, так и к планам амануллистов.

Людские потери советского отряда составили 120 человек убитыми и ранеными (с одной стороны это мизерная цифра на фоне трагедий Гражданской и Великой Отечественной войны, и всё же это больше чем потери СССР в ходе операции «Дунай» в 1968 г. и сопоставимо с потерями в ходе советско-китайского конфликта на о. Даманский), а для афганской стороны эта авантюра унесла несколько тысяч жизней [1, с. 36; 5, с. 205; 10, с. 211; 12, с. 560–561]. В конечном итоге вопрос о власти в Афганистане был решен самими афганцами: Бачаи Сакао был свергнут и казнён в октябре 1929 г. в результате выступления коалиции пуштунских племён под руководством Надир-хана, который и стал очередным королем. Тем не менее уже в следующем году СССР осуществил ещё одну военную операцию на территории южного соседа – в июне 1930 г. кавалерийская бригада комбрига Я. М. Мелькумова перешла Амударью и продвинувшись на 70 километров в глубь афганской территории, разгромив основные базы басмачей – при этом второй афганский поход Красной армии имел существенные отличия от предыдущего вторжения под руководством Примакова:

– на этот раз перед красноармейцами были поставлены вполне реальные и чёткие

задачи – разгром материальной базы басмаческого движения;

- операция проводилась с согласия афганского правительства короля Надир-шаха, которое самостоятельно не могло разоружить отряды Ибрагим-бека, вступившего в открытый конфликт с Кабулом;

- советскому отряду удалось избежать конфликтов с местным населением, которое не было затронуто военными действиями, тем более что операция проводилась на ограниченной территории и в сжатые сроки;

- советский отряд рассчитывал исключительно на свои силы и не зависел от ненадежных афганских союзников;

- главной целью рейда был разгром баз Ибрагим-бека, и хотя сам главарь басмаческого движения сумел скрыться в горах, материальная основа его движения равно как и его авторитет в качестве курбаши были серьёзно подорваны, что и предопределило его окончательное поражение в следующем году [2, с. 91–92; 3, с. 52–53].

В целом афганские походы Красной армии в 1929–1930 гг. во многом превосходили целый ряд проблем, с которыми СССР и ОКСВА столкнулись на территории Афганистана полвека спустя, при том, что опыт рейдов Примакова и Мелькумова фактически не был учтён советским военным и политическим руководством в 1979 г.:

- походы продемонстрировали лёгкость вторжения на территорию Афганистана – то, что впоследствии политологи назовут «эйфорией бодрого старта» – но с последующей неожиданной перспективой втягивания в тяжёлый и затяжной военный конфликт;

- уже тогда проявилась и крайне негативная реакция населения Афганистана на любое чужеземное вторжение на свою землю (какими бы лозунгами эта интервенция не

прикрывалась) и вытекающая отсюда перспектива народной и партизанской войны против иностранцев [6];

- неприятным сюрпризом стала и ненадёжность афганских союзников, готовых предать чужеземных покровителей в самый неожиданный момент, как яркий пример – бегство короля Амануллы из страны, похоронившее советский план интервенции [7];

- тогда же проявилась и явная непредсказуемость и парадоксальность поворотов политической ситуации в Афганистане: когда СССР поддержал прогрессивного монарха против вождя народного восстания (впоследствии такие парадоксы афганской политики будут возникать вновь и вновь – США приложив руку к появлению движения талибов затем втянутся в двадцатилетнюю войну с ними же, а РФ придёт к установлению дипломатических отношений с режимом талибов);

- вполне очевидной стала и решающая роль фактора национальных противоречий в любом афганском конфликте – поэтому утверждение Москвой в 1979 г. таджика Бабрака Кармаля во главе НДПА и Афганистана выглядит достаточно странным после трагической судьбы Бачаи Сакао.

В заключении следует подчеркнуть, что, возможно, главным уроком рассматриваемых событий 1929–1930 гг. явилось наличие прочных связей Афганистана с регионом Центральной Азии (в то время советской Средней Азии) – связей исторических, геополитических, национальных, религиозных и даже межличностных, которые вплоть до начала XXI столетия неизменно определяют ключевые дестабилизирующие факторы в развитии Среднего Востока в целом и, по-прежнему, остаются актуальным объектом исследования отечественной и зарубежной ориенталистики.

Список литературы:

1. Байко, В. С. Советско-афганская военная экспедиция в Афганистан 1929 года / В. С. Байко // *Азия и Африка сегодня*. – 2002. – №2. – С. 31–37.
2. Бармин, В. А. Басмаческое движение советского Туркестана в планах некоторых антибольшевистских сил (1918–1933 годы) / В. А. Бармин // *Новая и новейшая история*. – 2022. – №1. – С. 84–97.
3. Валишев, А. А. Рейд, не вошедший в историю. Как громили басмачество в 1929 году / А. А. Валишев // *Военно-исторический журнал*. – 1994. – № 8. – С. 48–53.
4. Дубинский, И. В. Примаков / И. В. Дубинский. – М.: «Молодая гвардия», 1968. – 175 с.
5. Коргун, В. Г. История Афганистана. XX век / В. Г. Коргун. – М.: ИВ РАН: Крафт+, акад. наук. Ин-т востоковедения, 2004. – 528 с.

6. Курков, В. В. Афганистан – природа и люди на пути привнесённой насильственной модернизации: общность британского, советского и американского опыта / В. В. Курков // Модернизация современного общества: проблемы, пути развития и перспективы: сборник материалов VII Международной научно-практической конференции. – Ставрополь: Логос, 2015. – С. 89–97.
7. Курков, В. В. Ненадёжность марионеточных режимов в условиях традиционного афганского социума как препятствие на пути привнесённой насильственной модернизации: общность британского, советского и американского опыта / В. В. Курков // Традиционные общества: неизвестное прошлое: материалы XII Междунар. науч.-практ. конф., 11–12 мая 2016 г. – Челябинск: Изд-во ООО «Пирс», 2016. – С. 129–135.
8. Курков, В. В., Окунев, Т. А. Лоуренс Аравийский и арабское восстание 1916–1918 гг.: исторические уроки в контексте военно-политических вызовов XXI века / В. В. Курков, Т. А. Окунев. // Исторический бюллетень. – 2025. – Т. 8. – №5. – С. 12–18.
9. Лиддел Гарт, Б. Полковник Лоуренс / Б. Лиддел Гарт // Лоуренс Аравийский: Сб. – М.: ООО «издательство АСТ»; СПб.: «Terra Fantastica», 2002. – С. 276–552.
10. Панин, С. Б. Советская Россия и Афганистан. 1919–1929 / С. Б. Панин. – М.: Иркутск, 1998. – 260 с.
11. Примаков, В. М. Афганистан в огне / В. М. Примаков. – Л.: Красная газета, 1929. – 154 с.
12. Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. – М.: Вече, 2010. – 624 с.
13. Файз, Мухаммад. Книга упоминаний о мятеже / Мухаммад Файз. – М.: Наука, 1988. – 283 с.
14. Шаяхметов, Ф. Ф., Кудашев, У. Н. Военно-техническое сотрудничество Советской России / СССР с Афганистаном (1919–1929 гг.) / Ф. Ф. Шаяхметов, У. Н. Кудашев // Проблемы востоковедения. – 2017. – № 4 (78). – С. 32–37.

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

УДК 94(47).084.8

А. А. Манин

*Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент А. В. Штепа***К ВОПРОСУ ОБ ОСВЕЩЕНИИ ВОЕННЫХ ПОТЕРЬ ВООРУЖЁННЫХ СИЛ СССР В
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1941 – 1945 ГГ. В ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКАХ
ИСТОРИИ**

Тема военных потерь Красной Армии в Великой Отечественной войне долгое время являлась неисследованной историками. Лишь начиная с конца 1980-х г., с провозглашением политики «гласности» ситуация начала меняться. За последние несколько десятилетий появился ряд крупных исторических исследований, посвящённых данной теме и проливающих на неё свет. Данные работы позволяют оценить как величину потерь, так и их динамику по ходу войны. Аналогичное исследование было проведено и в Германии, что позволяет соотнести потери вермахта с потерями Красной Армии в разные периоды конфликта. Однако авторы школьных учебников истории пренебрегают современными исследованиями, как правило ограничиваясь озвучиванием итоговой цифры потерь, взятой из исследования Министерства обороны РФ. Работы, конструктивно критикующие официальные цифры, вовсе игнорируются. Особенно удручает такой подход в «едином» учебнике истории 2023 года, где авторы имели все возможности расставить все точки над «i» в данном вопросе, но не воспользовались ею. Такой подход, на взгляд автора статьи, не позволяет достаточно объективно раскрыть вопрос военных потерь в рамках школьного курса истории.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; 1941–1945 гг.; Вооружённые силы; Советский Союз; Красная Армия; военные потери; вермахт; школьные учебники.

А. А. Manin

*Scientific supervisor – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor A.V. Shtepa***ON THE ISSUE OF COVERAGE OF MILITARY LOSSES OF THE ARMED FORCES
OF THE USSR IN THE GREAT PATRIOTIC WAR OF 1941–1945.
IN SCHOOL HISTORY TEXTBOOKS**

The topic of military losses of the Red Army in the Great Patriotic War has long been unexplored by historians. It was only since the late 1980s, with the proclamation of the Glasnost policy, that the situation began to change. Over the past few decades, a number of major historical studies have appeared on this topic and shed light on it. These studies make it possible to estimate both the magnitude of losses and their dynamics during the war. A similar study was conducted in Germany, which allows us to correlate the losses of the Wehrmacht with the losses of the Red Army in different periods of the conflict. However, the authors of school history textbooks neglect modern research, as a rule limiting themselves to voicing the final loss figures taken from a study by the Ministry of Defense of the Russian Federation. Works that constructively criticize official figures are completely ignored. This approach is especially depressing in the "unified" history textbook of 2023, where the authors had every opportunity to dot the "i" in this matter, but did not take advantage of it. This approach, in the opinion of the author of the article, does not allow a sufficiently objective disclosure of the issue of military losses in the framework of a school history course.

Keywords: The Great Patriotic War; 1941–1945; Armed Forces; Soviet Union; Red Army; military losses; Wehrmacht; school textbooks.

Распад СССР повлёк за собой деидеологизацию страны и общества. В Конституции новой ельцинской России было декларировано идеологическое многообразие и невозможность установления какой-либо

идеологии в качестве государственной [22]. Такое явление можно объяснить «обратной инерцией»: будучи в основной своей массе выходцами их партийного аппарата, члены нового правительства хорошо представляли все

издержки, которое влечёт за собой идеологическое давление на общество в таких сферах жизни, как та же наука или публичная политика. Новые веяния коснулись и образования: с середины 1990-х гг. школы получили право самостоятельно выбирать учебные программы и литературу по истории России из перечня рекомендованных или допущенных Министерством образования [7]. Следствием этого стало и радикальное возрастание количества учебников по сравнению с советским периодом: в отсутствие единого образовательного стандарта авторы предлагали новые концепции изучения отечественной истории. Появлению ряда таких учебных пособий активно способствовали иностранные фонды: так, фонд «Открытое общество» Джорджа Сороса в 1990-е гг. активно финансировал создание сразу нескольких учебников истории России [1, с. 28].

В научной среде последнее десятилетие XX века ознаменовалось, как известно, публикацией первого официального исследования, отражающего потери советских вооружённых сил и их противников в Великой Отечественной войне [4]. Результаты исследования проливали свет на тему безвозвратных потерь Красной Армии: приводилась цифра в 8,6 млн человек [4, с. 129]. Кроме того, авторами была дана разбивка потерь по периодам войны и даже большинству наступательных операций [4, с. 159–224]. Мимо столь важного вопроса нельзя было пройти в школьной учебной литературе, и авторы большинства пособий современной эпохи упоминают результаты данного исследования в своих работах. Однако одной работой Г. Ф. Кривошеева тема потерь не ограничивается. В 2000-е гг. военные историки С. Н. Михалёв и А. А. Шабаетов выпустили своё исследование [25]. В нём данные комиссии Г. Ф. Кривошеева подвергались серьёзной ревизии – итоговая оценка потерь Красной Армии была ими скорректирована в сторону увеличения – 10,9 млн чел. безвозвратных потерь [25, с. 34]. Также исследователи проанализировали потери вермахта и его союзников на Восточном фронте, получив итоговый результат в 4,1 млн чел. [25, с. 68]. Данный результат сопоставим с цифрами потерь из исследования немецкого историка Рюдигера Оверманса [26], посвящённого вопросу немецких потерь во Второй Мировой войне, по данным которого, до 31 декабря 1944 г. на советско-германском фронте Германия

потеряла 2,7 млн чел. [26, с. 279] и 1,2 млн чел. на всех фронтах за оставшийся период войны [26, с. 336], а также историческими изысканиями Л. Н. Лопуховского и Б. К. Кавалерчика, согласно которым безвозвратные потери союзников Германии в войне с СССР составили 400 тыс. чел. [24, с. 182]. Эти данные являются общепризнанными и широко используются в научном сообществе. Однако, как мы увидим в дальнейшем, авторы учебников предпочитают не пользоваться ими, в лучшем случае тяготея к цифрам из исследования Кривошеева.

Первым в фокусе нашего внимания оказывается учебник 1995 г., и в нём сразу же видна советская инерция: он в целом копирует структуру повествования учебных пособий периода 1970-х и начала 1980-х гг., в которых большое внимание уделяется военной экономике и жизни советского общества в период войны, а ключевыми сражениями выделяются битвы под Москвой, Сталинградом и Курском. Однако, продолжая сравнение с учебниками «застоя», нельзя не отметить, что изложение событий дополнено цифрами и статистикой. Например, в параграфе «Нападение гитлеровской Германии» дано соотношение немецких и советских дивизий на 22 июня (190 и 170 соответственно) [5, с. 297], а также впервые за всё время открыто говорится о количестве танков, имевшихся в приграничных военных округах на начало войны: 10 540 единиц [5, с. 303]. В советский период замалчивалось соотношение сил в военной технике на начало войны, причём нередко в ход шли совсем уж «шулерские» приёмы, когда с советской стороны вёлся только подсчёт «танков современного типа» (речь о Т-34 и КВ), а у немцев подсчитывались все танки, включая Т-1 и трофеи французской кампании. Теперь, когда идеологический отдел ЦК перестал существовать, появилась возможность говорить о соотношении сил прямо, без всяких недомолвок и подтасовок.

Также заслуживают внимания тезисы, которыми авторы объясняют провалы первого этапа войны. Здесь также впервые говорится о слабой выучке наших вооружённых сил: «Красная Армия не уступала врагу в численности боевой техники и современного оружия, но значительно отставала в умении распорядиться им» [5, с. 302]. Надо сказать, создатели учебника несколько перегибают палку: например, о таких самолётах, как бомбардировщик

Юнкерс Ju-88 или истребитель Мессершмитт Bf-109F Красной Армии летом 1941 г. приходилось только мечтать. Тем не менее, тезис достаточно верный и имеет право на жизнь. Помимо этого, неудачи объясняются стратегическими просчётами Сталина и репрессиями в отношении командного состава [5, с. 303]. Если просчёты Сталина использовались как объяснение ещё в эпоху «оттепели», то тема репрессий, безусловно, новая. Даже в перестройку она не «всплывала» среди причин поражений 1941 года. В этом же параграфе констатируется, что «начало войны было катастрофическим» [5, с. 304]. Параграфы, посвящённые Москве, Сталинграду и Курску, снабжены статистикой соотношения сил. Не так наглядно, как в ряде советских учебников 1980-х гг., однако всё же она позволяет судить о динамике этого показателя на протяжении войны.

Безвозвратные демографические потери Советского Союза представлены в учебнике традиционной цифрой в 27 млн человек [5, с. 386], причём сделано это уже в следующей главе, посвящённой послевоенному восстановлению страны. К теме военных потерь авторы подходят весьма оригинально: в приложениях к главе про Великую Отечественную они публикуют справку комиссии Г. Ф. Кривошеева [5, с. 383], где можно узнать официальные данные о потерях Красной Армии. Не самый лучший методический приём, поскольку школьникам тяжело работать с документами, которые перегружены цифрами. Учащиеся смогут разобраться в документе только при помощи учителя, и в данном случае многое зависит от него. Потери же по этапам войны и по упоминаемым по ходу повествования военным операциям авторы обходят стороной, не применяя данные из монографии коллектива Кривошеева.

Что касается нашумевших в своё время «учебников Сороса», то они отличаются крайней тенденциозностью повествования в отношении И. В. Сталина и искажением ряда фактов. Наиболее показателен пример учебника И. И. Долуцкого, в котором находит место распространённый Н. С. Хрущёвым миф о панике Сталина в первые дни войны [6, с. 13]. На него же автор возлагает вину в неудачном контрударе советских танковых армий летом 1942 года [6, с. 48]. Попытка возложить ответственность за оперативные неудачи на верховное командование выглядит смехотворно.

Тем не менее нельзя не отметить ряд положительных сторон пособия. Прежде всего, учебник силён хорошей подачей статистического материала: представлено большое количество таблиц, раскрывающих соотношение сторон на разных этапах войны, производство основных видов военной техники, показатели добычи ключевых ресурсов, необходимых для военной промышленности и т. д. Также заслуживает положительной оценки цитирование записей и выступлений ключевых фигур, причём по обе стороны фронта: в ходе повествования автор приводит выдержки из выступлений И. В. Сталина, приказов А. М. Василевского, дневниковых записей Ф. Гальдера.

Неоднозначной оценки заслуживает стиль изложения материала: по меркам отечественной учебной литературы он излишне публицистичный, прослеживается явный упор на сюжетность, есть вполне выраженный нарратив, в угоду которому принесена жертва в виде большого количества фактов, не укладываемых в канву повествования. Тем не менее, читается такой текст легко, а регулярные обращения автора к читателю по ходу повествования в стиле произведений В. Б. Рзуна оставляют по итогам прочитанного пищу для размышлений.

Теме военных потерь уделяется необычно много внимания, однако поданы они под нужным автору углом: советские потери даны с большим разбросом (от 10 до 17,5 млн чел.), а немецкие потери серьёзно занижены (2,5 млн. чел.) [6, с. 121]. Странные цифры, взятые из публикаций времён перестройки, которые уже давно утратили актуальность на момент издания учебника. Однако надо понимать, что автор, финансируемый из-за рубежа, отстаивает антисоветскую и антисталинскую концепцию – она для него краеугольный камень, на котором зиждется всё повествование. Поэтому к неудобным фактам он относится так, чтобы их не замечать.

Учебник А. А. Левандовского, Ю. А. Щетинова, изданный спустя год, и уже без привлечения средств западных фондов, заостряет внимание на создании индустриальной базы страны на Урале и Дальнем Востоке в предвоенные годы, благодаря которой в конце 1930-х гг. удалось наладить производство современных образцов вооружения и переиграть Германию в «войне экономик». Немало сказано и о подготовке самих вооружённых сил к войне. Сообщается, что в период 1940–1941

гг. численность Красной Армии «выросла втрое и достигла 5,3 млн человек» [19, с. 234].

Заслуживает отдельной похвалы упоминание о создании в Красой Армии механизированных корпусов: по замыслу руководства, эти подвижные соединения должны были стать главным инструментом в парировании танковых ударов вермахта. Можно говорить с большой долей уверенности, что, если бы у советского командования были полноценные подвижные соединения летом 1941 г., масштабы произошедшей катастрофы были бы не столь велики. Однако в учебнике даётся весьма слабое объяснение, почему мехкорпуса «не сыграли»: авторы сводят всё к недостаточному количеству современных танков в этих соединениях. Хотя, как известно, у современных историков иной взгляд на эту проблему. По их мнению, главными причинами низкой боеспособности советских танковых дивизий был недостаток вспомогательной техники и отсутствие подвижной тяжёлой артиллерии, а вовсе не танки устаревших моделей.

Отдельный абзац посвящён «обезглавливанию» армии в результате репрессий. Сообщается, что «из 733 человек высшего командного состава вооружённых сил (от комбрига до маршала) погибло 579» [19, с. 234]. Эти данные перекликаются с цифрами из исследования О. Ф. Сувенирова [23, с. 315.], вышедшего за несколько лет до издания учебника. Именно репрессии, по мнению авторов пособия, послужили основной причиной неправильной оценки планов Германии, поскольку новый командный состав был неопытен и малограмотен. Приводятся данные, что только 7% [19, с. 235] высших военачальников имели высшее военное образование. Первоисточник данной информации установить не удалось, однако следует отметить, что и командный состав «предрепресссионной» Красной Армии далеко не блистал образованностью. Так, по данным А. А. Смирнова, нормальную военную школу (военное училище, по терминологии того времени) закончили лишь 8,3% [20, с. 43] представителей высшего командного состава Украинского военного округа. Интересна критика концепции В. Б. Резуна-Суворова, приведённая в этой же главе. Авторы констатируют, что «реальный уровень боевой готовности Советских Вооружённых Сил не позволял им не только наступать, но и квалифицированно отразить фашистскую агрессию» [19, с. 235.]. Столь

пристальное внимание к британскому публицисту свидетельствует о его огромной популярности в начале 2000-х гг., особенно среди обывателей.

Учебник также интересен тем, что впервые среди всех изученных в ходе подготовки данного материала пособий затрагивает тему изменения пропагандистской риторики перед войной на «державно-патриотическую». Отмечается, что «с середины 1930-х гг. началась кампания по переосмыслению истории России» [19, с. 236], в ходе которой были «подняты на щит» такие имена, как Александр Невский, Пётр Великий, Александр Суворов, Михаил Кутузов и многие другие.

Ход Великой Отечественной войны описан по лекалам советского образца: Москва – Сталинград – Курск – кампания 1944 года – Берлин. Причём акцент делается на постепенном изменении соотношения сил в пользу Красной Армии, что тоже вполне типично ещё для советских учебных пособий. И, самое главное, заслуживает лестных оценок внимание к военным потерям обеих сторон в последнем параграфе, посвящённом теме. Они даны по Кривошееву: 11,4 млн с советской стороны и 8,6 млн с немецкой [19, с. 259]. Также констатируется, что на восточном фронте «вермахт потерял более 73% личного состава» [19, с. 259]. Однако нельзя не заметить, что данные Кривошеева по немецким потерям могли считаться достоверными только на 2001 год и после выхода исследования Оверманса, требуют корректировки.

К середине 2000-х гг. самым распространённым учебником для старших классов стал учебник А. А. Данилова, Л. Г. Косулиной и А. В. Пыжикова. Тема военных потерь в нём затронута вскользь, причём даны странные цифры: по 10 млн погибших с каждой стороны [12, с. 268]. Таких данных нет ни в одном исследовании. И если советские потери ещё можно «округлить» до 10 млн человек, то с немецкими проделать такой трюк никак не получается: даже завышенные данные комиссии Кривошеева сообщают о 8,6 млн безвозвратных военно-оперативных потерях вермахта и его союзников.

Также вызывает вопросы выдвинутый авторами тезис о потере Германией «более половины всех своих войск на Восточном фронте» [12, с. 256] летом-осенью 1943 г., после которого следует вывод, что «немецкая армия оказалась на грани военной катастрофы»

[12, с. 256]. Во-первых, по данным Оверманса, безвозвратные потери вермахта на востоке за III-й и IV-й кварталы 1943 г. составили 357 815 военнослужащих [26, с. 279]. Общая численность немецких войск на Восточном фронте летом 1943 г. оценивается в 3 933 000 чел. [3, с. 303]. Потери существенные, однако никак не половина, даже если прибавить к ним санитарные. Во-вторых, несмотря на стратегическое поражение в летне-осенней кампании, немцы всё же сумели сохранить в боеспособном состоянии свой наиболее ценный ресурс – танковые дивизии, которые активно использовались на протяжении всего 1944 г. в попытках парировать удары наступающей Красной Армии, а также для деблокаровки окружённых пехотных частей вермахта. Наиболее яркий пример – прорыв окружения под Черкассами в январе 1944 г., благодаря которому удалось деблокировать и спасти от полного уничтожения целых два армейских корпуса. Высказанный тезис о том, что вермахт находился на грани военной катастрофы, также является ложным и приводит к неправильному пониманию событий кампании 1944 г., поскольку создаёт впечатление, будто Красная Армия расправлялась с обескровленным противником. Напротив, в 1944 г. вермахт был по-прежнему силен, о чём свидетельствует статистика: безвозвратные потери наших вооружённых сил за этот год составили 1 412 335 чел. [4, с. 153]. Также нельзя забывать о стремительном наращивании военного производства в самой Германии: в 1944 г. немецкая промышленность выпустила 19 тыс. танков, существенно сократив отставание от СССР в этом показателе – 29 тыс. [2, с. 184]). Для сравнения: в 1943 г. Германия произвела только 12 тыс. [2, с. 184] танков. Не будем забывать, что танки, стоявшие на вооружении вермахта к 1944 г. («Тигр», «Пантера», Pz.Kpfw.IV Ausf.H), по своим боевым возможностям превосходили танки, которыми располагал Советский Союз. Исключение составлял только ИС-2, массово появившийся в войсках лишь во втором полугодии. О мощи вермахта также свидетельствуют события на фронтах, в частности контрудары, наносимые его танковыми частями. Помимо упомянутого выше прорыва под Черкассами, известен пример сражения под Радзимином в Польше, в ходе которого 2-я танковая армия генерала Радзиевского, по его же собственным сведениям, потеряла 234 танка [18, с. 211] в течение трёх суток. А

заканчивался год знаменитой «Вахтой на Рейне» – наступлением на Западном фронте в Арденнах, для которого немцами были сосредоточены целых две танковые армии [2, с. 165]. В 1944 г. противник ещё не был обескровлен, и нанести ему целую череду поражений Красная Армия смогла, прежде всего, благодаря возросшей выучке личного состава, оперативному мастерству и высокой штабной культуре военачальников.

В 2010 году увидел свет учебник, изданный под руководством Д. Д. Данилова. Интересно, что тема Великой Отечественной раскрывается в нём в главе под названием «СССР в 1939–1945 гг.», то есть в контексте Второй Мировой войны в целом. Такой подход имеет сильные стороны: если военная история Великой Отечественной войны должна рассматриваться исключительно отдельно, то политическую историю конфликта куда лучше раскрывает выбранная авторами концепция, благодаря которой наглядно иллюстрируется кризис Версальско-Вашингтонской системы и неотвратимость новой мировой схватки [14].

В пособии хорошо освещено Приграничное сражение: благодаря очень информативному иллюстративному материалу раскрывается соотношение сил, а перипетии самих боёв описаны достаточно подробно, с вниманием к деталям. Например, говорится, что для уничтожения Т-34 и КВ немцы использовали зенитные орудия (очевидно, имеется в виду 8,8-cm-Flugabwehrkanone) и авиацию [14, с. 216]. Таким образом, авторы развеивают популярный до сих пор миф о «неуязвимости» данных танков на поле боя в 1941 году. Даны и людские потери Красной Армии: 1 млн человек к 9 июля [14, с. 217]. Констатируются также и высокие потери в материальной части на примерах 8-го механизированного корпуса и 42-й танковой дивизии [14, с. 216].

В абзаце, посвящённом битве за Москву, акцентируется внимание на всем известных эпизодах с 4-й танковой бригадой М.Е. Катукова и 316-й стрелковой дивизией И.В. Панфилова. Подводя итоги 1941 г., авторы приводят советские потери: 3 млн погибших и 3 млн пленных [14, с. 226] – оценка, существенно разнящаяся с данными исследований Г.Ф. Кривошеева. По традиции, даны немецкие потери по Сталинграду [14, с. 236]. Правда, на ноябрь 1942 г., ещё до начала советского контрнаступления. Большое внимание уделяется политической истории в период

войны. Авторы подробно повествуют о работе «Большой тройки» на Тегеранской, Ялтинской и Потсдамской конференциях. Такой подход позволяет более точно понять послевоенную расстановку сил в условиях новой мировой системы.

Благоприятное впечатление «смазывает» абзац «Цена и итоги победы» [14, с. 260], где авторы приводят общее число демографических потерь Советского Союза, причём с неправильной формулировкой «погибли более 27 млн советских людей» [14, с. 260], но не приводят никаких цифр относительно военных потерь Красной Армии. Приведённая в приложении к главе беседа о соотношении потерь между С. Кудряшовым и А. Мерцаловым, где авторы пособия принимают точку зрения Мерцалова о соотношении 1 к 5 в пользу вермахта [14, с. 264], портит впечатление ещё сильнее. Особенно странным такой подход выглядит на фоне представленных в учебнике абсолютно безукоризненных данных о потерях в советско-финляндской войне 1939–1940 гг. [14, с. 207], которые давно приняты в научном сообществе.

В конце второго десятилетия в России стало возможным углубленное изучение предметов в рамках школьного обучения, для чего появился учебник истории под редакцией академика А. В. Торкунова [13]. Великая Отечественная война занимает в нём центральное место в повествовании – ей посвящено больше трети учебника. Значительная часть повествования уделена описанию обстановке накануне войны. В частности, затронут вопрос реорганизации Красной Армии в 1940–1941 гг. Авторы упоминают о решении сформировать 20 новых мехкорпусов в начале 1941 г. как ошибочном, лишившем советскую пехоту танковой поддержки [13, с. 8]. Договор о ненападении с Германией оценивается положительно: утверждается, что «благодаря последовательной и прагматичной внешней политике советскому руководству удалось почти на два года отсрочить вступление СССР в войну» [13, с. 10], что очень похоже на утверждения Сталина в речи от 3 июля 1941 г., которые к сегодняшнему дню уже не совсем неактуальны. Причины летних разгромов объясняются от мобилизованностью немецкой армии, что тоже перекликается с речью Сталина.

Военная история описана скудно. В параграфе про битву на Курской дуге рассказывается о танковом сражении под

Прохоровкой, которое авторы ошибочно нарекают крупнейшим танковым сражением в мировой истории: указывается общее число танков, участвовавших с обеих сторон – 1200 машин [13, с. 48]. Отметим, что эти данные цифры взяты из «Советской военной энциклопедии» [21, с. 863] и в настоящее время уже развенчаны. Исследователь истории Курской битвы В. Замулин, основываясь на советских и немецких документах, пришёл к выводу, что на направлении главного удара 5-й гвардейской танковой армии находилось суммарно около 500 танков (368 советских и 150 немецких) [8, с. 616]. Странно видеть в учебнике 2020 г., тем более предназначенном для углубленного изучения, отголоски советских мифов, рождённых в недрах ГлавПУРа с целью прославить П. А. Ротмистрова, ставшего в послевоенное время Главным маршалом бронетанковых войск.

О потерях упомянуто в последнем параграфе – даны традиционные 27 млн чел. демографических потерь, из которых число военных потерь авторами оценено как «примерно 10 млн. солдат и офицеров» [13, с. 65]. Цифры вновь округлены, не даётся никаких данных о структуре потерь наших вооружённых сил и их динамике по ходу войны. Можно смело сказать, что авторы пособия благополучно «заваливают» освещение одного из трудных вопросов отечественной истории. Что касается немецких потерь, то авторы констатируют, что вермахт понёс на Восточном фронте 80% безвозвратных людских потерь [13, с. 65], однако конкретных цифр не представляют.

Ещё в начале 2010-х гг. в России была поднята тема создания единого учебника истории для средней школы. Данный вопрос обсуждался в высших эшелонах власти, даже президент страны В. В. Путин заявлял о необходимости создания такого пособия [17]. Работа над концепцией нового учебника продолжалась несколько лет, и её результатом стал выход единого учебника истории России для 10–11 классов летом 2023 года [11]. Как и во многих других учебных пособиях, центральное место в нём занимает история Великой Отечественной войны.

Обзор учебника стоит начать с освещения в нём предвоенных событий. Акценты в нём расставлены по советским лекалам. В параграфе про раздел Чехословакии мы узнаём о политике умиротворения агрессора, проводимой Англией и Францией. И если данный

тезис не вызывает вопросов, то затем авторы повествуют в духе советского «агитпропа»: «Многие западные политики рассчитывали, что германскую агрессию удастся направить против СССР» [11, с. 162]. Какие конкретно политики рассчитывали, не сообщается. Вина в провале летних переговоров между СССР с одной стороны и Англии и Франции с другой возлагается на англичан: «Лондон, не желавший реального военного соглашения с Москвой, одновременно вёл тайные консультации с Берлином» [11, с. 164]. Договор о ненападении Германии и СССР также подан в традициях советской историографии: «СССР не дал втянуть себя в военный конфликт с Германией» [11, с. 165]. О последствиях данного соглашения, оставившего СССР наедине с находящейся в состоянии войны Германией и имеющей по этой причине отмобилизованную армию, авторы не говорят. Положительных оценок заслуживает оценка разведанных, ставших в Москву весной 1941 года. Авторы развенчивают миф о том, что «разведка доложила точно» и сообщают, что предоставляемая информация, в том числе и Рихардом Зорге, была противоречивой [11, с. 173]. Не совсем логично выглядит объяснение летних поражений. Среди перечисленных причин упоминается «огромный перевес противника на направлениях главных ударов» [11, с. 192]. Данный тезис может вызвать вопросы на фоне приведённого в учебнике соотношения немецких и советских дивизий: 190 и 170 соответственно. Авторы повторяют типичную ошибку многих пособий, подсчитывая общее количество советских дивизий в приграничных военных округах, забывая, что те были разорваны на три эшелона, из-за чего реальное соотношение на границе было вовсе не 190/170, а 100/40 [10, с. 73]. Если взглянуть на карту, становится понятно, что подавляющее превосходство в силах немцы имели не только на направлениях главных ударов, а по всей линии фронта.

Интересно появление параграфа под названием «Фронтная повседневность», где вскользь упомянуты реалии жизни советских солдат на войне со всеми её тяготами и лишениями. В 2010-е гг. в России наблюдался повышенный интерес к истории повседневности, фронтному быту советских вооружённых сил, что нашло своё отражение в учебнике.

Впервые в отечественных учебниках подробно раскрыта тема ленд-лиза. Авторы

приводят статистику поставок основных видов бронетехники, а также сырья, которое зачастую играло для советской оборонной промышленности ключевую роль. Особое внимание уделено поставкам автотранспорта, с производством которого у советской промышленности в ходе войны возникали проблемы, поскольку автозаводы были загружены производством лёгких танков и самоходной артиллерийской установки СУ-76. Именно поставки автомобилей из-за рубежа сыграли большую роль в механизации Красной Армии и существенно повысили её мобильность на завершающем этапе войны, что признавалось и «по ту сторону фронта». Так, известный военачальник Фридрих фон Меллентин, занимавший в ходе войны ряд высоких штабных должностей в немецких танковых войсках и написавший по её итогам несколько трудов, осмысливших опыт применения танковых соединений, подчёркивал, что поставки иностранных транспортных средств обеспечили Красной Армии «возможность повысить темп операций на фронте» [16, с. 205].

Основные сражения войны описаны типично для всех учебников. Однако повествование о событиях весны 1942 г. грешит умолчаниями. Так, майское наступление немцев на Керченском полуострове и разгром Крымского фронта вообще никак не описаны, сообщается, что «эвакуация советских войск из Керчи позволила немцам перебросить все силы под Севастополь» [11, с. 225]. Между тем, именно в восточном Крыму немцы нанесли нашим войскам одно из самых болезненных поражений 1942 года. Безвозвратные потери Крымского фронта составили 162 282 чел. [9, с. 284]. Также авторы ошибочно заявляют, что успех немецкого наступления на Сталинград и Кавказ «обеспечивался превосходством в силах» [11, с. 225]. Достаточно вспомнить мемуары М. И. Казакова, занимавшего летом 1942 г. должность начальника штаба Брянского фронта, где он приводит текст телеграммы Ставки, адресованной командующему фронтом Ф. И. Голикову: «Запомните хорошенько, у вас теперь на фронте более 1 000 танков, а у противника нет и 500 танков. Это первое. Второе – на фронте действия трёх танковых дивизий противника у вас собралось более 500 танков, а у противника 300–400 танков самое большее. Всё теперь зависит от вашего умения использовать эти

силы и управлять ими по-человечески» [15, с. 156].

Тема военных потерь по ходу повествования поднимается в параграфах, посвящённых Сталинграду и Курску, причём даны они в соотношении с немецкими потерями. Стоит отдать должное, авторы признают, что советские потери на Курской дуге превысили немецкие [11, с. 265]. Почему-то данная тенденция не продолжается, когда авторы рассматривают безвозвратные потери Красной Армии по итогам войны. В учебнике приводятся цифры в 8,6 млн. чел., обоснованных в труде под редакцией Г.Ф. Кривошеева безвозвратных потерь [11, с. 265], однако до сравнения этих данных с немецкими потерями авторы не снизошли.

Подводя итог, можно сказать, что вопросу военных потерь в Великой Отечественной войне в современных учебниках истории уделяется недостаточно внимания, несмотря на доступность множества исследований, в отличие от советского периода. Кроме этого, даже предоставляемые авторами данные о потерях Советского Союза разнятся от учебника к учебнику и зачастую не перекликаются ни с официальными данными о потерях, ни с альтернативными точками зрения, имеющими под собой академическую базу. Немецкие потери в большинстве учебников авторы предпочли вовсе обойти стороной, ограничиваясь констатацией факта, что на советско-

германском фронте было разгромлено большинство дивизий вермахта.

По-прежнему очень мало места отведено военной истории, что роднит современные отечественные учебники с советскими. Наследие не заканчивается одним невниманием к военным событиям. Авторы пособий нередко переносят в повествование многие штампы советского периода, которые утратили свою актуальность уже несколько десятилетий назад. При этом современные исследования продолжают упорно игнорироваться. Так, ни в одном учебнике нельзя встретить сведения о диспозиции советских войск в приграничных военных округах на 22 июня (те самые три оперативно не связанные между собой эшелона), или о проблемах советских войск со взламыванием немецкой обороны зимой 1942 года. Остаются без внимания и успехи военного строительства Красной Армии по ходу войны. Если в некоторых учебниках можно встретить информацию о формировании механизированных корпусов в предвоенное время, то о создании танковых армий, ставших во второй половине войны главной ударной силой советских войск и «наконечником копья» в наступательных операциях 1944 г., не говорится ни слова. Такой подход не позволяет понять, какие военные факторы легли в основу успехов наших вооружённых сил в войне с Германией и обеспечили Советскому Союзу статус военной сверхдержавы.

Список литературы:

1. Беляев, Д. Разруха в головах. Информационная война против России / Д. Беляев. – СПб.: Питер, 2014. – 170 с.
2. Бишоп, К. Немецкие бронетанковые войска Второй Мировой войны / К. Бишоп; пер. с англ. С. Дробязко. – М.: Эксмо, 2009. – 192 с.
3. Гланц, Д. М. Когда титаны схлестнулись: Как Красная армия остановила Гитлера / Д. М. Гланц. – М.: АСТ, 2015. – 364 с.
4. Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование / Под общ. ред. Г. Ф. Кривошеева. – М.: Воениздат 1993. – 415 с.
5. Дмитренко, В. П., Есаков, В. Д., Шестаков В. А. История Отечества. XX век. 11 кл.: Учеб. пособие для общеобразоват. школ / В. П. Дмитренко, В. Д. Есаков, В. А. Шестаков. – М.: Дрофа, 1995. – 640 с.
6. Долуцкий, И. И. Отечественная история. XX век. Учеб. для 10–11 класса общеобраз. учреждений. В 2-х частях. Ч. 2. – 3-е изд. / И. И. Долуцкий. – М.: Мнемозина, 2000. – 382 с.
7. Закон РФ «Об образовании» от 10.07.1992 № 3266-1 (последняя редакция от 12.11.2012 № 185-ФЗ) // Консультант Плюс: справочно-правовой портал. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1888/ (дата обращения 30.07.2025).
8. Замулин, В. Н. Прохоровка – неизвестное сражение великой войны / В. Н. Замулин. – М.: АСТ: Транзиткнига, 2005. – 734 с.

9. Исаев, А. Когда внезапности уже не было. История ВОВ, которую мы не знали / А. Исаев. – М.: Яуза, Эксмо, 2005. – 480с., ил.
10. История Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в одном томе / А. Исаев, А. Драбкин. – М.: Яуза-каталог, 2021. – 576 с.
11. История России, 1914–1945 годы: базовый уровень: учебник / А. В. Шубин, М. Ю. Мягков, Ю. А. Никифоров [и др.]; под общ. ред. В. Р. Мединского. – М.: Просвещение, 2023. – 272 с. ил., карты.
12. История России, XX – начало XXI века: Учеб. для 9 кл. общеобразоват. учреждений / А. А. Данилов, Л. Г. Косулина, А. В. Пыжиков. – 10-е изд. – М.: Просвещение, 2003. – 400 с.: ил., карт.
13. История России. 10 класс. Учеб. для общеобразоват. организаций. Базовый и углубл. уровни. В 3 ч. Ч. 2 / [М. М. Горинов и др.]; под ред. А. В. Торкунова. – 6-е изд. – М.: Просвещение, 2020. – 176 с.: ил., карт.
14. История России. XX – начало XXI века: Учебник для 9-го класса основной школы / Д. Д. Данилов, Д. В. Лисейцев, В. А. Клоков [и др.]. – Изд. 2-е, испр. – М.: Балаас, 2010. – 384 с.: ил.
15. Казаков, М. И. Над картой былых сражений / М. И. Казаков. – М.: Воениздат, 1971. – 288 с.
16. Меллентин, Ф. В. Танковые сражения. Боевое применение танков во Второй мировой войне / Ф. В. Меллентин. – М.: Центрполиграф, 2006. – 415 с.
17. Президент России В.В. Путин. «Учебники истории должны иметь единую концепцию» // Российская газета. – 2013. – 25 апреля. URL: <https://rg.ru/2013/04/25/uchebnik-anons.html> (дата обращения 04.08.2025).
18. Радзиевский, А. И. Танковый удар: танковая армия в наступательной операции фронта по опыту Великой Отечественной войны / А. И. Радзиевский. – М.: Воениздат, 1977. – 290 с.
19. Россия в XX веке: Учебник для 10–11 классов общеобразоват. учреждений / А. А. Левандовский, Ю. А. Щетинов. – 6-е изд. – М.: Просвещение, 2002. – 367 с.
20. Смирнов, А. А. РККА: роковые ошибки в строительстве армии. 1917–1937 / А. А. Смирнов. – М.: Вече, 2002. – 680 с.
21. Советская военная энциклопедия. Том 6. Объекты — Радиокompас. – М.: Воениздат, 1976. – 688 с.
22. Статья 13 Конституции Российской Федерации // Консультант Плюс: справочно-правовой портал. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/5b9338a7944b7701fbe63f48c943e8175be16462/ (дата обращения 30.07.2025).
23. Сувениров, О. Ф. Трагедия РККА. 1937–1938 / О. Ф. Сувениров. – М.: Терра. – 528 с.
24. «Умылись кровью»? Ложь и правда о потерях в Великой Отечественной войне. – М.: Эксмо, 2012. – 512 с.
25. Шабаев, А. А., Михалев, С. Н. Трагедия противостояния: Потери вооружённых сил СССР и Германии в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: (Историко-статистическое исследование) / А. А. Шабаев, С. Н. Михалев. – М.: Моск. гор. фонд «Ветеран Москвы», 2002. – 256 с.
26. Overmans, R. Deutsche militärische Verluste im Zweiten Weltkrieg. – München: Oldenbourg Verlag, 2000. – 367 p.

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

УДК 94(47).084.5; 908

*С. А. Тарасов***АЛГОРИТМ ДЕЙСТВИЙ ВКП(б) ПРИ СОЗДАНИИ ОБЩЕСТВЕННОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ И РУКОВОДСТВЕ ЕЁ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ
(НА ПРИМЕРЕ КАЛУЖСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ МОПР В 1923–1929 ГГ.)**

В статье рассматривается такой аспект советского авторитарного государства 1920-х гг., как меры, предпринятые ВКП(б), по созданию и руководству общественной организацией на примере Калужского губернского отделения МОПР в период существования Калужской губернии (до 1929 года). В частности, показан стереотип формирования организации в 1923 году: рассылка циркуляров партийных органов на предприятия и учреждения; активная агитация; коллективное членство с высокими членскими взносами (на начальном этапе). Также изучен аспект снижения популярности МОПР среди советских граждан с 1926 года, что, в частности, было вызвано ослаблением контроля и помощи со стороны ВКП(б).

Ключевые слова: ВКП(б); Коминтерн; МОПР; «Международная Красная Помощь»; Калужская губерния; общественная организация; отдел агитации и пропаганды.

*S. A. Tarasov***A COMMON SCHEME, USED CPSU(B), FOR ESTABLISHING AND DIRECTING A
PUBLIC ORGANIZATION (SUCH AS «MOPR» DEPARTMENT IN THE KALUGA PROVINCE
IN 1923–1929)**

The article analyses one of the political aspects of the authoritarian Soviet state in 1920-s: measures of the CPSU(B) for establishing and directing of a public organization. The point is the activities of the «International Red Aid» (Russian acronym – MOPR) in the Kaluga Province till 1929 (when the province was abolished). The typical steps of the CPSU(B) were following: the Communist Party Committees' instructions were sent to the enterprises and Soviet institutions; a preliminary active agitation by members of the CPSU(B); collective membership with high membership dues (during autumn of 1923). The aspect of the decline in popularity of the PRI among Soviet citizens since 1926 has also been studied, which, in particular, was caused by the weakening of control and assistance from the CPSU (b).

Keywords: CPSU(B); Comintern; MOPR; «International Red Aid»; Kaluga's region; public organization; Department of Propaganda and Agitation.

В период строительства советского государства, в первой половине 1920-х гг., создавались разнообразные общественные организации регионального и общесоюзного уровней. Самыми многочисленными из них стали Авиахим, ОДН (Общество «Долой неграмотность!») и МОПР. О том, как и почему это случилось с Международной организацией помощи борцам революции (МОПР) и пойдёт речь в данной статье (в документах 1920-х гг. акроним МОПР склоняется, например: МОПРа (род. падеж). И устойчивой традицией является склонение аббревиатуры в мужском роде, что перекочевало в научный оборот СССР и современной России. Мы также будем следовать этой традиции).

Нами использовались региональные документы, хранящиеся в Государственном архиве документов новейшей истории

Калужской области. Вместе с тем, значительный интерес представляют документы ЦК МОПР, хранящиеся в ГАРФ и в РГАСПИ. Однако на сегодняшний день опубликована весьма незначительная часть фондов из этих архивов.

Несколько слов об историографии. – Собственно, история Калужского отделения МОПР в 1920-е гг. рассматривалась в диссертации Н. Н. Павликова [23], но текст её, к сожалению, малодоступен. Поэтому в статье нам придётся упомянуть основные моменты создания и существования калужского МОПРа. Вопросы истории общесоюзной организации активно разрабатывались в советский период, – с начала 1960-х гг., – однако их научная ценность из-за идеологических установок, невысока. Среди этих работ можно отметить монографию А. И. Авруса [2]. Обзор

советской историографии был сделан А. И. Аврусом (1971 г.) и А. Н. Васильевой (1974 г.) [2, с. 9; 5].

Кстати, в этих работах прослеживается тенденция к изучению истории МОПРа в период с момента его создания, но только до 1934 года.

В постсоветский период стали появляться работы о региональных отделениях МОПРа (губернских, позднее – областных). И вновь, почти все из них посвящены 1920-м годам, не позднее [16; 17]. Вопросы контроля работы МОПРа со стороны ВКП(б) были затронуты в диссертации Н. Э. Вашкау (1984 г.) и в статье И. Б. Орлова [6; 22].

* * *

Решение о создании «Международной Красной помощи» (в советском варианте – Международной Организации Помощи Борцам Революции) было принято IV конгрессом Коммунистического Интернационала 30 ноября 1922 г., проходившем в Москве: «В связи с наступлением капитала, во всех буржуазных странах, увеличивается число сидящих в тюрьмах коммунистов и тех беспартийных рабочих, которые вступили на путь борьбы с капиталистическим строем. IV Конгресс призывает все коммунистические партии способствовать созданию организаций, ставящих своей целью материальную и моральную помощь сидящим в тюрьмах пленникам капитала и приветствует инициативу «Общества старых большевиков» стремящегося создать международное объединение этих организаций» [4, с. 3–4]. – Случайно ли, нет ли, но двое членов «Общества старых большевиков» – Ю. Ю. Мархлевский и П. Н. Лепешинский – впоследствии возглавляли МОПР [2, с. 26–27].

К слову, во многих европейских странах уже существовали такие организации, чаще всего именовавшиеся «Красная помощь»: «Red Aid» (англ.), «Rote Hilfe» (нем.). В документах Коминтерна общее их название – «Международная Красная Помощь» (International Red Aid), а аббревиатура «МОПР» использовалась исключительно на территории СССР (в ранних документах встречается акроним МОПБР). – Целью Коминтерна было объединение национальных организаций под своей эгидой, вывод их из-под влияния «Двухполовинного» Интернационала (с 1923 г. – Рабочего социалистического Интернационала).

В резолюции I-й Международной конференции МОПР 1924 г. (по организационному вопросу) указывалось, что «МОПР в организационном отношении является *независимой организацией*» (курсив наш – С. Т.). В своей работе он опирается на собственные членские организации, а также на все революционные классовые организации трудящихся» [1, с. 29]. – Это звучало несколько наивно в государстве с однопартийной системой и нарождающимся авторитаризмом. А «независимый» характер МОПРа противоречит фразе из первого, опубликованного в 1922 г., воззвания организации: «В РСФСР при поддержке Коминтерна и ЦК РКП создана Международная организация помощи борцам революции (МОПР)» [1, с. 9]. – Действительно, как отметил на заседании партийной фракции Пленума МОПР 25.01.1926 г. Председатель ЦК МОПР П. Н. Лепешинский: «МОПР не мог и не должен представлять самостоятельной политической силы» [22, с. 95].

В пользу «независимости» МОПРа может говорить лишь тот факт, что он являлся единственной общественной организацией в СССР, не получавшей государственных дотаций [20, с. 40–41].

Следует отметить ещё одну особенность МОПРа: он, фактически, выполнял функции Красного Креста, но только в отношении категорий населения, «угнетённых капиталом» в других странах [2, с. 40]. Для советских же граждан был воссоздан РОКК (Российское отделение Красного Креста), кстати, развивавшийся крайне медленно ещё в период 1930-х годов.

* * *

В Калужской губернии информация о деятельности МОПР появилась в «Известиях Калужского Губкома ВКП(б)» весной 1923 года. Условно к ней можно отнести методические рекомендации по празднованию Дня Парижской Коммуны и, – безусловно, – ознакомительную статью Б. Троицкого о МОПР [18, с. 29–30; 19, с. 18–19].

Но в целом по стране, Калужская губерния по времени формирования структур МОПРа (осенью 1923 г.) оказалась в «середняках». – В других губерниях отделения создавались уже с марта 1923 г., а во всех регионах процесс был завершён к началу 1925 года. Причем, за счёт административного ресурса, рост рядов отделений был стремительным, например, в Краснопресненском районе

Москвы число членов МОПРа с марта по сентябрь 1924 г. выросло с 200 чел. до 55 тыс человек [2, с. 32]. – То есть, с момента создания центральных органов МОПР прошёл почти год, поэтому руководящие указания ЦК МОПР, полученные из Москвы 22 сентября, калужскими партияцами исполнялись в спешке и некоем сумбуре.

Действительно, в губернии предлагалось провести новый праздник – День Красной помощи (он же именовался Днём помощи пленникам капитала). Накануне празднования следовало провести собрания и объяснить смысл существования МОПРа, в чём выражается помощь «пленникам». Как гласила инструкция: *«На этих собраниях, по возможности, провести отчисления от заработной платы на помощь пленникам капитала, – единовременные или постоянные, – желательно последние, но не более одного процента»*. Ведущую роль в организации собраний должны были сыграть местные ячейки ВКП(б). Ну, а в день празднования рекомендовалось *«в клубах, театрах, народных домах и т. п. поставить в пользу пленников капитала спектакли, концерты и др. платные гуляния, перед началом которых провести доклады о значении Дня помощи пленникам капитала... Все собранные средства незамедлительно должны быть пересланы в Губком, [в] комиссию помощи пленника капитала»* [12, л. 6].

Для реализации требуемых мероприятий в губернии в последних числах сентября были созданы Организационное Бюро Калужского Отделения МОПР и Губернская Комиссия помощи Борцам революции, состоящая из представителей Губкома РКП, Губкоммола, Губисполкома, Губпрофсовета и ГубЧОН. – Здесь мы можем видеть, что руководство общественной (формально независимой) организацией взяли на себя губернские руководители ВКП(б) и различных советских органов. – Работа по пропаганде деятельности МОПРа и проведению Дня Красной помощи в уездах была возложена на Укомы и Райкомы партии. Они же **назначали** (выделено нами – С. Т.) уездных и волостных уполномоченных МОПРа. Последним поручалось в течение месяца вести агитационную кампанию, привлекая граждан в ряды МОПР и взимая вступительный взнос в 10 коп. золотом. Рекомендуемый ежемесячный взнос составлял ½% от заработной платы. Поразительно то, что только *«по истечении месячного срока, уездный*

Уполномоченный созывает записавшихся членов Отделений МОПР [на собрания], на которых обсуждаются уставы Отделения МОПР, намечается дальнейший план работы и избирается постоянный орган, согласно уставу» (выделено нами – С. Т.). До начала кампании было заказано изготовление 4000 членских билетов. И строго указывалось, что *«все работающие по организации Отделения МОПР в губернии, уездах, предприятиях и волостях – работают бесплатно»* [12, л. 7]. – Ведь организация-то общественная!

В день праздника – 8 октября – Отдел агитации и пропаганды райкома ВКП(б) 2-го района г. Калуги отчитался о проведённых собраниях в учреждениях и на производствах (день был обычным, рабочим, а собрания с докладами «О значении МОПР» проводились по его окончанию). Собравшиеся выступили с различными инициативами: где-то открыли подписные листы и вносили наличность или облигации государственного «золотого займа», где-то принималось решение о перечислении от ½ до 1% месячного оклада [11, л. 172–173 об.].

О нарушении прав будущих членов МОПР, опять же из-а спешки с организацией, свидетельствует «План организации отделения МОПР» в 1-м районе г. Калуги от 10 октября: предполагалось в течение недели провести агитацию и запись в члены отделения, а *«по истечении недельного срока проведения кампании записи, созвать собрание записавшихся в члены МОПР для ознакомления с уставом и избрания постоянного Бюро Отделения, согласно Уставу»* [7, л. 3].

А 19 декабря в Калуге собрался Губернский съезд членов МОПР. Губернский уполномоченный МОПР И. К. Молчанов во вступительном слове скорбел о том, что кампания могла бы быть проведена успешнее, ибо товарищи, *«работавшие в губкомиссии не могли много времени уделять работе МОПР, ввиду исполнения ими прямых обязанностей по профессиональной, партийной и другим линиям, а также в период организации никаких указаний и связей с ЦК МОПР не было»*. Им же было отмечено, что *«учесть всю работу по Калужской губернии не представлялось возможным, так как с мест отчётов о работе уездных отделений МОПР до сего времени не предоставлено»*. – Это на Губернском-то съезде, где и присутствовали делегаты из уездов! – Далее он сообщил, что отделение МОПР Калужской

губернии приняло шефство над румынской тюрьмой Тырга Окне (в уезде Бакэу) и туда было отправлено письмо политическим заключённым (через ЦК МОПР), но ответа не получили (из-за сложной внутривластной обстановки в Болгарии, поскольку почта шла через неё). За время кампании 1923 года в губернское отделение МОПР вступили более 2000 чел., было собрано около 3000 руб. золотом, из которых 2000 руб. израсходовано на «организационные нужды». Разрабатывалась инструкция о размере взимаемых взносов: 10 коп. – вступительный взнос, 5 коп. – членский (ежеквартальный). Было избрано губернское правление отделения МОПР, которое вновь возглавил И. К. Молчанов [7, л. 13–14 об.; 2, с. 66–67].

Уставы, принятые осенью 1923 г. организациями, базировались на образце, присланном из ЦК МОПР. – Членом МОПР мог стать 18-летний трудящийся, не лишённый избирательного права. Основным видом его деятельности было привлечение новых членов в организацию, для чего велась устная (доклады) и наглядная (стенная печать) агитация, в ходе которой рассказывалось о борьбе пролетариата против буржуазии по всему миру (в том числе, помимо Европы и США, о странах Латинской Америки, об эксплуатации негров в Африке и пр.). При этом акцент делался на положении политзаключённых, т. е. борцов за рабочее дело, оказавшихся в тюрьмах: *«Губернское отделение, в развитие основных принципов работы МОПРа, ставит своей задачей оказание всемерной материальной и моральной помощи борцам за дело социалистической революции, заключённым в тюрьмах и застенках буржуазных стран, а также их семьям и детям»* [7, л. 6]. – Интересным «разделением труда» пролетарских организаций было то, что МОПР не занимался вопросами поддержки (и финансирования) забастовочного движения в зарубежных странах. Этим ведал Межрабпом (Международная рабочая помощь), созданная Коммунистической партией Германии в 1921 г. и первоначально занимавшаяся сбором средств среди рабочих европейских стран для помощи голодающей Советской России [1, с. 20; 2, с. 30–31].

Вообще же, главной целью существования МОПРа являлся сбор средств: отделение/ячейка МОПР *«привлекает новых членов», «проводит агит. кампании, разъясняя цели и задачи МОПРа», «принимает по*

указанию и с согласия ЦК МОПРа шефство над заключёнными в тюрьмах буржуазии», «принимает все меры к увеличению средств МОПРа» (выделено нами – С. Т.). *«Средства отделения... по мере накопления, должны регулярно, без задержки пересылаться в ЦК МОПР. Эти средства образуются от:*

- а) членских взносов;*
- б) добровольных отчислений и пожертвований;*
- в) продажи изданий, марок, жетонов и т.д.;*
- г) воскресников и специально отработанных дней, и часов;*
- д) доходов с лотерей, спектаклей и вечеров;*
- е) доходов с докладов, лекций и т.п.»* [7, л. 6–8].

Таким образом, в течение двух месяцев конца 1923 г. в Калужской губернии был «заложен фундамент» новой общественной организации, если угодно, международного уровня. Механизм построения губернского отделения МОПР был идентичен методам создания иных общественных организаций: указания поступали из аппарата ЦК ВКП(б), им же определялись сроки исполнения, из столицы прислались тексты Примерных уставов. – Говорить здесь об инициативе снизу не приходится. – Зато видно давление «административного ресурса» и манипулирование общественным мнением.

* * *

В последующие годы, пока существовала Калужская губерния (до 01.10.1929 г.) деятельность МОПРа происходила не круглогодично, а по схеме политической кампании. – Главным праздником, кульминацией активности МОПРа был день Парижской коммуны (18 марта) на который «накладывался» и День Красной помощи. Накануне праздников в населённых пунктах развешивались отпечатанные в типографии воззвания МОПР [12, л. 54].

Например, вот как планировалось празднование в Жиздринском уезде в 1924 году. – В сёла и деревни выезжали с докладами агитаторы из уездных и волостных комитетов ВКП(б). На городских и поселковых предприятиях доклады устраивались 17 марта, по окончании рабочего дня. 18-го в клубах и театрах проводились торжественные заседания отделений МОПР с участием партийных, профсоюзных и комсомольских организаций,

по окончании которых представлялись инсценировки. Библиотеки и избы-читальни устраивали выставки литературы (которую можно было приобрести). Ну, и с 18 по 26 марта «*проводят усиленную кампанию по вербовке членов МОПР*» [13, л. 10–11].

Естественно, ячейки МОПР участвовали и в праздновании пролетарского праздника 1-го Мая. Как указывалось в циркуляре Губкома ВКП(б): *«Именно в день 1-го мая нужно особенно остановить внимание трудящихся на той работе, которую ведет Международная организация помощи борцам революции. В общей демонстрации, помимо лозунгов, посвящённых празднованию 1-го мая, должны быть и лозунги МОПР, ибо имеет громадное значение не только материальная помощь в виде протестов против буржуазных правительств, томящих в тюрьмах лучшие силы рабочего класса... День 1-го мая должен послужить началом углубленной работы по оказанию помощи борцам революции. Там, где представится возможным, необходимо организовать кружечные сборы в фонд «МОПР» и обязательно усилить продажу литературы, значков, жетонов и т. п. Желательно было бы организовать продажу с аукциона каких-либо вещей (Американский аукцион)»* [12, л. 83–83об.]. Кстати, в бюллетене ЦК МОПР начала 1924 г. сообщалось об успехах Калужского МОПРа по сбору средств: собранная сумма достигла 1197 руб. 96 коп. (для сравнения – в Минской губернии было собрано 770 руб., во Владимирской – 231 руб.) [12, л. 64 об.].

Невзирая на то, что вступить в члены МОПР можно было с 18 лет, с 1925 г. начинается агитационная работа среди школьников. Так, Юхновский РК ВКП(б) рекомендовал в день Свержения самодержавия (12 марта) и в день Парижской коммуны (день МОПРа) *«в школах I-й ступени провести беседы по проводимым кампаниям. В школах II-й ступени устроить 12 и 18 марта вечера, где проработать силами учащихся вопросы дня»* [14, л. 11]. В 1926 г. в школах Калуги проводилась *«разъяснительная кампания об интернациональной солидарности среди детей»* [9, л. 138].

Ряды членов МОПРа ширились, равно как и другой массовой общественной организации – Авиахима (с 1927 г. – Осоавиахим). – Обе организации были жизненно важны для Советского государства: Авиахим собирал

средства, которые вкладывались в военную промышленность, МОПР – деньги, которыми субсидировались зарубежные коммунистические партии. – Так, в отчёте РК ВКП(б) 1-го района г. Калуги за 1-й квартал 1926 г. число ячеек МОПРа и Авиахима составляет 20 и 22 соответственно, число членов – 3779 и 3892 [8, л. 36]. Всего членов МОПР в странах мира на конец 1925 г. насчитывалось почти 6 млн чел., в том числе 80% из них – в СССР [24, р. 66].

С 1926 г. ячейки МОПРа более, нежели прежде, привлекаются к участию в первомайских демонстрациях, расширяя свою агитационную деятельность. Так 1 мая 1926 г. в Калуге члены МОПРа несли следующие лозунги: *«Сегодня не забудем своих заключённых братьев, проводящих день 1-го Мая в сырых казематах мировой буржуазии!»*, *«В Первомайский день узники капитала шлют [привет] трудящимся СССР – авангарду мировой революции!»*, *«Мы требуем освобождения из заточения сотен тысяч революционеров, вырванных капиталом из рядов борющегося пролетариата!»* [9, л. 139].

С 1927 г. на предприятиях и в учреждениях создавались уголки МОПРа, где по материалам стенной печати, выставкам «МОПРовской» литературы советские граждане могли ознакомиться с новостями о борьбе трудящихся в странах капитала, о репрессиях, проводимых буржуазией (с 1925 г. в калужской прессе и на лозунгах появляется устойчивое сочетание «белый террор»; впервые оборот «белый террор», как реакция буржуазии на подъём революционного движения в мире, прозвучал в выступлении Г. Е. Зиновьева на Всесоюзной конференции МОПР СССР в январе 1924 г.) [10, л. 371; 24, р. 52]. Источником материалов для стенгазет служил журнал «Путь МОПРа», издававшийся ЦК МОПР.

Вместе с тем, с 1926 г. прослеживается следующая тенденция: партийные и советские структуры охладевают к деятельности МОПРа. В частности, об этом писал в райком и ячейки ВКП(б) ответственный секретарь отделения МОПР 1-го района г. Калуги Фридрих: *«При обследовании ячеек МОПР 1-го Района, как общий недостаток в их работе отмечается полнейшее отсутствие руководства со стороны ячеек ВКП(б) и профорганов (Месткома, Завкома)»*.

Они не только не заслушивают никогда (редко вызывают – 1–2 раза в год) на своих заседаниях бюро отчёты об их работе, но даже

снимают товарищей, работающих в этой области, и кидают их на другое дело, или же настолько загружают их другими обязанностями, что товарищ, выдвинутый на работу по МОПР, не может ей отдать ни одного часа. В то же время, профорганы на все просьбы председателей ячеек МОПР включить в повестку дня общих собраний союза хотя бы 5-минутную информацию о работе по МОПР, отказывают им в этом.

Означенное влечёт за собой то, что работа по МОПР, и без того стоящая на низком уровне, за летний период совершенно затихла и свелась лишь к взиманию членских взносов» [9, л. 216]. – Действительно, партийных руководителей можно было понять, ведь работа МОПР была налажена, – отделения и ячейки организованы, их отчётность регулярно поступает, кампании ко дню Парижской Коммуны и к 1-му Мая проводятся, средства собираются, – чего же ещё желать?

Тем более, что ещё осенью 1925 г. в резолюциях губернского совещания агитационно-пропагандистских отделов РК ВКП(б) указывалось: «В практике агитработы парткомов до сих пор принято понимать под агитацией «проведение кампаний»; отсюда вывод, что агитация ведётся от случая к случаю, от кампании к кампании, систематическая же агитация и должное влияние партии на массы не существует...

Такое положение нужно признать не нормальным... Нужно решительно сократить множественность кампаний, дней, юбилеев, сосредоточив все внимание на длительных важнейших задачах, освещающих основные мероприятия партии и советской власти. В проведении этого не перегружать партию мелочами (сохранив за ней лишь принципиальное руководство), а перенести проведение кампаний на советские, профессиональные, кооперативные и добровольные общественные организации...

Проведение агитации по целому ряду вопросов, как-то: ОДН, Авиахим, МОПР и др., закрепить за общественными организациями, сохранив за партийными организациями общее руководство и контроль...» [9, л. 58]. – Так что, подверглось критике и проведение кампаний, взамен каждодневной работы, и было декларировано дистанцирование партии от непосредственного руководства деятельностью общественных организаций.

Однако без руководителей-коммунистов деятельность МОПРа замирала. – Это отмечалось руководителями организации различного уровня. Так, в начале 1927 г. Секретариат Исполкома МОПР сообщал секретарю ЦК ВКП(б) Н. М. Швернику, что бюрократизация привела к падению интереса к организации и появлению среди рядовых членов «ликвидационных настроений» [22, с. 99].

Поэтому в июле 1927 года райкомом ВКП(б) 1-го района г. Калуги, в ответ на приведённое выше письмо Фридгельма, были предприняты меры по поддержке работы ячеек МОПРа. – Секретарям партийных ячеек настоятельно рекомендовалось заслушивать отчёты ячеек МОПРа, а также не переводить коммунистов-руководителей ячеек МОПРа на другую общественную работу. Там же, где руководителей-коммунистов нет, их следует вернуть. – *«В целях изжития последнего основного тормоза в работе МОПР, АПО Райкома ВКП(б) предлагает с получением сего всем парт. ячейкам I[-го] Района выделить товарищей, более или менее свободных от иных нагрузок, и прикрепить их к ячейкам МОПР, организованных при учреждениях и предприятиях, поручив им создать при таковых фракции или партчасти, которые являлись бы проводниками основных мероприятий по МОПР и вели за собой остальную МОПРовскую массу, причем работа по МОПР должна считаться такой же партнагрузкой, как и иные, выполняемые ими задания» [10, л. 367].*

* * *

Наверное, какие-то меры по укреплению ячеек МОПРа в 1927–1928 гг. были предприняты, но на 1-й городской конференции МОПРа, проводившейся в Калуге 30 сентября 1929 года (накануне упразднения Калужской губернии), отмечались как не исправленные недочёты в работе, так и общий упадок деятельности. – В протоколе конференции перечислены следующие «основные недостатки» (с отчётным докладом выступал начальник штаба 81-й стрелковой дивизии Маркевич, кстати, беспартийный):

«Недостаточная работа по вовлечению новых членов в организацию.

Нет учёта работы.

Отсутствие пропаганды.

Отсутствие выдвижения актива, что не даёт возможности для освежения ответственных работников новыми силами.

Отсутствие плановой отчётности бюро ячеек и Рев[изионных] комиссий перед собраниями.

Отсутствие Шеф[ской] работы в ячейках, а также не проводилась эта работа и в самом Райкоме, т.к. тов[арищ], выделенный на эту работу, не смог её наладить.

Отсутствие руководящей литературы в ячейках, без которой работа не может быть налажена.

Невнимательное отношение к инструкции по переводу денежных средств – отсюда Райком не имеет сведений о поступлении денежных средств на тек[ущий] счёт Окружкома» [15, л. 2].

Конференцией был избран новый состав Горкома МОПР и принята резолюция по докладу Маркевича. В ней не было каких-либо кардинальных решений, так, 1-й пункт гласил: «Обратить особенное внимание на постановку воспитательной работы в ячейках, через кружки, читки МОПРовской литературы, освещение МОПР-жизни в местной стенгазете, доске текущей политики. Политические моменты использовать для пропаганды идей МОПР и вербовке новых членов в МОПР-организацию». 3-й пункт: «Принять исчерпывающие практические меры по закреплению членов МОПР, посредством втягивания их в работу («Ни одного члена – без практической работы!»)». Пункт 9-й: «Усилить приток денежных средств (перейдя на новую сетку членских взносов)». 13-й пункт: «Провести Всесоюзный смотр ячеек (соревнование)» [15, л. 3]. И далее – в том же ключе.

Антитезой официальным документам тех лет являются свидетельства рядовых граждан. Так, в мае 1928 г. селькор И. Т. Рязанкин написал заметку в «Крестьянскую газету» о Грязновской волостной ячейке Лихвинского уезда: «Прошлый год, хотя и кое-как, но Грязновская организация МОПРа всё-таки существовала, А в нынешнем 28 году о ней ни слуху. Должно быть всё замерло. Даже члены, ранее вступившие в организацию, не знают, кому платить членские взносы, не говоря уже о работе её. Но ведь очень много есть желающих вступить в организацию МОПР, то только беда в том, что не знают, где и как вступить. Такая организация никуда не годится, грош ей цена. По совести сказать, эта организация нисколько не поможет заграничным узникам, уж лучше ей отпеть «за упокой» и кончено...» [22, с. 98].

Вместе с тем, в 1928 году, в резолюции II-го Пленума Исполкома МОПР по докладу Президиума и Секретариата деятельность МОПРа в СССР была оценена как «выдающаяся», и были поставлены новые (а по сути, все те же) задачи текущей работы в стране: расширение рядов, увеличение сумм собираемых средств [1, с. 13–16].

* * *

Подводя итог шестилетнему периоду существования отделения МОПРа в Калужской губернии, можно отметить следующие позитивные моменты. – Прослеживается медленный, но неуклонный рост числа членов организации; уголки МОПРа на предприятиях и в учреждениях исправно служат целям политической информации граждан (по крайней мере, просвещая о преследованиях борцов за права рабочих, прежде всего, коммунистов, буржуазными правительствами); ячейки МОПРа участвуют в общесоюзных празднествах – Дне Парижской Коммуны и Дне международной солидарности трудящихся; ведётся пропаганда помощи борцам за рабочее дело среди подрастающего поколения страны Советов.

К негативным явлениям следует отнести ослабление руководства со стороны ВКП(б). – Если в 1923–1925 гг., следуя указаниям Губкома партии, работники АПО (агитационно-пропагандистских отделов при райкомах и уездных комитетах ВКП(б) активно участвуют в деятельности МОПРа, прежде всего, читая доклады в праздничные дни и на собраниях ячеек МОПРа, то с 1926 г. внимание партии к МОПРу существенно ослабевает. – Фактически, не исполняются задачи, порученные местным партийным органам, по руководству и контролю за деятельностью общественных организаций. Причина, по-видимому, коренилась, с одной стороны, в обилии более важных задач, стоящих перед партийными органами, а, с другой, в неизжитой (и тогда, и позднее) практике политических кампаний. – В то же время, отношение партии к Осоавиахиму оставалось внимательным, ведь он работал на укрепление обороноспособности державы.

И, конечно, пропагандистским штампом выглядят фразы из методической брошюры, выпущенной в 1941 году в помощь активистам МОПРа: «С первых же своих дней МОПР встретил горячее сочувствие трудящихся нашей страны и трудящихся за рубежом...

МОПР СССР создавался и рос под непосредственным руководством партии большевиков» [4, с. 5].

Вместе с тем, в конце рассматриваемого нами периода, наступает охлаждение большинства членов МОПРа к деятельности организации. Действительно, регулярно уплачивая членские взносы, граждане хотели бы видеть результаты. А их не предъявляли. И деятельность активистов организации на местах замирала по той же причине. А также потому, что функционеры МОПРа низших звеньев работали на общественных началах. Примеры «упаднических» настроений МОПРовцев в 1928–1929 гг. приведены в статье И. Б. Орлова, опубликовавшего письма селькоров в редакцию «Крестьянской газеты» (среди них два письма жителей Калужской губернии) [22, с. 96–99].

Косвенным свидетельством невысокой популярности МОПРа среди граждан страны Советов является и тот факт, что его обошли внимание маститые советские поэты. Исключение, – «Великий подвиг (древнегреческая легенда)», – стихотворение-притча Демьяна Бедного, написанное в 1927 г. на античном материале с посвящением МОПРу, в котором

сын удостоивается похвалы отца за «вырванного из вражьих пыток брата» [3, с. 257]. – Что могла дать тяжеловесная по стилю с непонятными древнегреческими аллюзиями басня обыкновенному советскому гражданину? – Ещё одно упоминание о МОПРе вскользь есть у В. В. Маяковского в стихотворение «Служака» (1928 г.), где речь идёт о молодом советском коммунисте-бюрократе, чью грудь украшает золотой значок МОПРа [21, с. 122–125]. – Так что с агитацией деятельности МОПРа в литературе тоже не сложилось.

* * *

Тем не менее, МОПР сумел пережить свои «детские болезни» конца 1920-х гг. – К концу 1930-х гг. в его рядах насчитывалось свыше 10 млн человек [4, с. 14]. В 1930-е гг. функции организации расширились, а с началом Великой Отечественной войны кардинально поменялись. Советское отделение «Международной Красной Помощи», т. е. МОПР, пережило роспуск Коминтерна (1943 г.), существовало после того, как опустился «железный занавес», и было распущено только в 1948 году.

Список литературы:

1. 10 лет МОПР в резолюциях и документах. 1922–1932. – М.: Издание ЦК МОПР, 1932. – 275 с.
2. Аврус, А. И. Пролетарский интернационализм в действии (Из истории Международной организации помощи борцам революции) / А. И. Аврус. – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1971. – 84 с.
3. Бедный, Демьян. Великий подвиг (древнегреческая легенда) / Демьян Бедный // Собрание сочинений в пяти томах. Т. 3. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1954. – 414 с.
4. В помощь активистам МОПР. Сборник инструкций и постановлений / Отв. ред. Н. И. Юмангай. – Чебоксары: «Чувашпромполиграф», 1941 г. – 48 с.
5. Васильева, А. Н. МОПР в новейшей исторической литературе / А. Н. Васильева // Вопросы истории. – 1974. – № 5. – С. 140–146.
6. Вашкау, Н. Э. Партийное руководство деятельностью Уральской организации МОПР (1922–1937 гг.): дис. ... канд. ист. наук / Н. Э. Вашкау. – Челябинск, 1984. – 239 с.
7. Государственный архив документов новейшей истории Калужской области (далее – ГАДНИКО). Ф. П-9. Оп. 1. Д. 264. Первый районный комитет ВКП(б) г. Калуги. Протоколы заседаний Калужской Губернской Комиссии помощи международным борцам революции. 1923 г.
8. ГАДНИКО. Ф. П-9. Оп. 1. Д. 417. Первый районный комитет ВКП(б) г. Калуги. Отчеты, планы работы районного комитета, орготдела, агитпропотдела и женотдела. Циркуляры ячейкам ВКП(б). 1926 г.
9. ГАДНИКО. Ф. П-9. Оп. 1. Д. 447. Первый районный комитет ВКП(б) г. Калуги. Протоколы заседаний комиссии по проведению Октябрьских торжеств, циркулярные указания, переписка с Губернским комитетом и ячейками ВКП(б) по вопросам агитпропработы. 1926 г.

10. ГАДНИКО. Ф. П-9. Оп. 1. Д. 517. Первый районный комитет ВКП(б) г. Калуги. Циркуляры и распоряжения Губернского и районного комитетов ВКП(б) по агитпроп линии. 1927 г.
11. ГАДНИКО. Ф. П-10. Оп. 1. Д. 79. Второй (Пореченский) районный комитет ВКП(б) г. Калуги. Переписка с ячейками ВКП(б) по проведению разных кампаний. 1921–1923 гг.
12. ГАДНИКО. Ф. П-11. Оп. 2. Д. 118. Калужский уездный комитет ВКП(б). Руководящие указания Губкома ВКП(б) по работе МОПР. 1923–1924 гг.
13. ГАДНИКО. Ф. П-49. Оп. 4. Д. 141. Жиздринский уездный комитет ВКП(б). Брянская губерния. Циркуляры Центрального Комитета ВКП(б) и циркулярные указания Брянского Губкома ВКП(б) по вопросам работы отдела агитации и пропаганды. 1924 г.
14. ГАДНИКО. Ф. П-52. Оп. 2. Д. 123. Юхновский уездный комитет ВКП(б). Планы и отчеты волкомов ВКП(б) о проведении юбилейных празднеств. 1925 г.
15. ГАДНИКО. Ф. П-1212. Оп. 1. Д. 54. Калужский Горрайком ВКП(б) г. Калуги. Резолюция бюро Горрайкома ВКП(б) о работе городского шефского общества. Протоколы городской конференции и Горрайкома МОПР. Протоколы совещаний [агитпроп]отдела. 1929–1930 гг.
16. Галошева, О. Н., Соколова, В. И. К вопросу о формировании и деятельности Чувашского комитета МОПРа в 1923–1928 годах / О. Н. Галошева, В. И. Соколова // Вестник Чувашского университета. – 2016. – № 4. – С. 46–52.
17. Ершов, М. А. Путь МОПРа на Мурмане (К 100-летию создания Международной организации помощи борцам революции) / М.А. Ершов // Государственный архив Мурманской области: офиц. сайт. URL: <https://www.murmanarchiv.ru/exhibitions-events/34/1853> (Дата обращения: 03.02.2025 г.).
18. Известия Калужского Губернского Комитета РКП (б). – 1923. – № 1–2 (январь-февраль).
19. Известия Калужского Губернского Комитета РКП (б). – 1923. – № 3 (март).
20. Киселева, Н. В. Добровольные общества в Советской России (1917 – кон. 1920-х гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Н. В. Киселева. – Ростов-на-Дону: [б. и.], 1999. – 54 с.
21. Маяковский, В. В. Служака / В. В. Маяковский // Полное собрание сочинений в тринадцати томах. Т. 8. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1958. – 459 с.
22. Орлов, И. Б. Коммунистическая совесть плюс коммунистический расчет: МОПР во второй половине 1920-х годов / И. Б. Орлов // Армагеддон: актуальные проблемы истории, философии, культурологии. – 2001. – Кн. 9. Январь-март. – С. 95–100.
23. Павликов, Н. Н. Создание и деятельность Калужского отделения МОПР в 1920-е годы: помощь узникам зарубежья: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Н. Н. Павликов. – М.: [б. и.], 1994. – 20 с.
24. Ryle, J. M. International Red Aid and Comintern Strategy, 1922–1926 / J.M. Ryle // International Review of Social History. – Vol. 15. – 1970. – P. 43–68.

Государственный архив документов новейшей истории Калужской области (ГКУ ГАДНИКО), Калуга, РФ.

УДК 372.893

Л. В. Тарасова, А. А. Доронина

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ФИЛЬМОВ ДЛЯ РАЗВИТИЯ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ ШКОЛЬНИКОВ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО РИМА В 5-М КЛАССЕ

В статье рассматривается практика использования исторических художественных фильмов при ознакомлении с историей древнеримской цивилизации на уроках в 5-м классе. Авторами предлагаются варианты применения технологий развития критического мышления («кластер», «Инсерт», «бортовой журнал», «толстые» и «тонкие» вопросы) в процессе изучения темы «Установление империи» с показом кинофрагментов из художественного фильма «Римская империя: Август» и анализа сочинений древнегреческих и римских писателей. Авторы статьи приходят к выводу, что в условиях возрастания роли художественных фильмов в формировании исторического сознания очень важно развивать у учащихся навыки критического отношения к кинопродукции, сравнивать получаемую из неё информацию с другими источниками и делать собственные обоснованные выводы.

Ключевые слова: критическое мышление; исторические художественные фильмы; история Древнего Рима; кинопедагогика; образовательный процесс; историческая кинограмотность; урок истории.

L. V. Tarasova, A. A. Doronina

USING HISTORICAL FEATURE FILMS TO DEVELOP CRITICAL THINKING IN SCHOOLCHILDREN STUDYING THE HISTORY OF ANCIENT ROME IN THE 5TH GRADE

The article examines the practice of using historical feature films in the study of the history of ancient Roman civilization in 5th grade lessons. The authors propose ways to use technologies for developing critical thinking ("cluster", "INSERT", "logbook", "thick" and "thin" questions) when studying the topic "Empire Building" using film clips from the feature film "The Roman Empire: August" and analyzing the writings of ancient Greek and Roman writers. The authors of the article conclude that in the context of the increasing role of feature films in the formation of historical consciousness, it is very important to develop students' critical skills towards film production, compare the information obtained from it with other sources and draw their own reasonable conclusions.

Keywords: critical thinking; historical feature films; history of Ancient Rome; film pedagogy; educational process; historical film literacy; history lesson.

Актуальность рассматриваемой темы определяется несколькими обстоятельствами. Во-первых, важностью развития критического мышления у детей в современном мире, перегруженном разнообразной информацией. Согласно ФГОС ООО, работа с информацией – универсальное учебное познавательное действие, и одним из метапредметных результатов освоения программы основного общего образования должно стать умение «выбирать, анализировать, систематизировать и интерпретировать информацию различных видов и форм представления» [20, 43.1.3]. А среди предметных результатов, которые призвана обеспечить школьная дисциплина «История» называется умение «критически анализировать для решения познавательной задачи

исторические источники разных типов» [20, 45.6.1.10]. В условиях стремительного развития информационных технологий навыки критического мышления особенно важны, так как они позволяют детям перерабатывать и отсеивать поток входящей информации, делать обоснованные выводы, решать проблемы и принимать взвешенные решения, а также взаимодействовать с окружающими людьми и отстаивать свою точку зрения.

Во-вторых, в последнее время обозначилась тенденция на возрастание роли художественных фильмов в формировании исторического сознания, когда знания, представления и оценки прошлого отдельного человека, группы или общества в целом, складываются в большей степени под влиянием

кинематографа, а не серьёзных научных исследований [3, с. 59; 8, с. 22; 10, с. 194–195]. Школа как важнейший социальный институт не осталась в стороне от этих изменений. – Учителя всё чаще включают художественные фильмы в воспитательную и учебную деятельность. Интересный опыт использования кино в историческом образовании представлен в публикациях К. С. Молотова, Ю. С. Никифорова, И. С. Огоновской [15; 16; 18; 19]. В педагогике возникла новая область – кинопедагогика, использующая кино как средство обучения и воспитания.

Появление кинопедагогики явилось ответом на заказ со стороны государства на развитие медиаобразования как инструмента воспитания [14, с. 214]. Так, в конце 2012 г. Министерством культуры РФ была закончена работа над проектом «100 фильмов для школьников», и список фильмов официально направлен в Минобрнауки России для практической реализации проекта. Как отмечают П. О. Казанцев и М. А. Симбирцева, кинопедагогика для профессионального педагогического сообщества явилась адекватным откликом «на вызов в условиях современной культуры, полной цифровых технологий, виртуализации пространства, высоких скоростей и динамичностью коммуникативных практик» [11, с. 37].

В данной статье авторы поставили цель рассмотреть варианты применения технологий развития критического мышления на уроке истории в 5-м классе при изучении темы «Установление империи» с использованием показа кинофрагментов из художественного фильма «Римская империя: Август» (режиссёр Р. Янг, 2003 год).

Существует большое многообразие определений критического мышления, но основной смысл понятия большинством отечественных (М. В. Кларин, С. И. Заир-Бек, И. В. Муштавинская) и зарубежных исследователей (Д. Клустер, К. Мередит, Д. Стил, Ч. Темпл, Д. Халперн) сводится к способности анализировать и оценивать информацию, делать обоснованные выводы [12, с. 3; 13, с. 7; 9, с. 9, 12–13, 26–27; 17, с. 13; 22, с. 16–17; 23, с. 22]. Поэтому важнейшими показателями развития критического мышления являются умения самостоятельно мыслить, анализировать и сравнивать различные источники информации, аргументировать собственные мысли, слушать и слышать собеседника, непредвзято

воспринимать иные взгляды [4, с. 13; 5, с. 30–31; 23, с. 56].

Современные школьники нуждаются в помощи преподавателей, чтобы овладеть навыками критического мышления для анализа продукции средств массовой информации – от музыки, видео и веб-сред до размещения рекламы в фильмах. Умение критически интерпретировать художественные фильмы А. Маркус называет исторической кинограмотностью. Он пишет, что «не обладая навыками исторической кинограмотности, учащиеся могут подумать, что сцены, образы и диалоги, свидетелями которых они становятся во время просмотра фильма, являются историческими фактами» [24, р. 62]. Например, без должных навыков исторической кинограмотности учащимся может быть трудно отделить реальность от сюжета фильма.

Использование художественных фильмов в качестве образовательного инструмента даёт учителям дополнительные возможности для мотивации школьников при изучении истории, организации дискуссий. А обучающиеся под чутким руководством преподавателей учатся задавать вопросы, оценивать данные из разных источников, сравнивать трактовки исторических событий.

Рассмотрим варианты применения различных технологий формирования критического мышления при изучении темы «Установление империи» [7, с. 256–260, § 53] в 5-м классе с показом кинофрагментов из художественного фильма «Римская империя: Август» (режиссёр Р. Янг, 2003 год). Авторами разработаны три содержательных блока, которые можно использовать как последовательно в комплексе, так и по-отдельности.

В первом фрагменте учащимся предлагается познакомиться с визуальными образами Октавиана Августа в разные периоды его жизни, представленными в фильме и сравнить их со сведениями античных авторов. Представляется важным сделать образ первого принцепса для обучающихся «объёмным» и запоминающимся, и через него привлечь внимание к историческим событиям конца I века до н.э. – начала I века н.э. в Риме, описанным в школьных учебниках. Тем более что, имя Октавиана Августа мало о чём говорит большинству пятиклассников, в отличие от имени Гая Юлия Цезаря, благодаря которому когномен семьи Юлиев – Цезарь – превратился в титул римских и византийских правителей, а

через влияние на другие языки стал общепринятым обозначением верховной власти. Кроме того, многим учащимся образ Цезаря, хотя и весьма комический, знаком по мультфильмам «Астерикс и Клеопатра» (1968 г.), «Астерикс: земля богов» (2014 г.), «Астерикс и тайное зелье» (2018 г.) и несколькими комедиями про Астерикса – «Астерикс и Обеликс против Цезаря» (1999 г.), «Астерикс и Обеликс: миссия “Клеопатра”» (2002 г.), «Астерикс на Олимпийских играх» (2008 г.), «Астерикс и Обеликс в Британии» (2012 г.).

Обучающимся предлагается посмотреть три фрагмента из художественного фильма «Римская империя: Август», изображающие Октавиана Августа в юности (таймкод: 10:21–13:30), молодости (21:06–24:41) и зрелом возрасте (35:36–37:12). Перед просмотром ставится задача обратить внимание на некоторые аспекты в презентации образа Августа: особенности внешности, характера, здоровья, значимые элементы облачения.

Для работы с полученными визуальными данными можно обратиться к очень популярной технологии развития критического мышления – «кластеру». Этот приём

используется для развития умения «систематизировать и анализировать информацию на всех стадиях её усвоения» [17, с. 18, 22]. В центре кластера располагается наша тема – «Образ Октавиана Августа», вокруг неё – крупные смысловые единицы – «Внешность», «Характер», «Здоровье», «Предметы (важные компоненты одежды или атрибуты)», вокруг которых можно сформировать три блока, отражающие разные этапы жизни принцепса.

После заполнения «кластера» на основе сведений, полученных после просмотра художественного фильма, работа над образом Октавиана Августа продолжается с привлечением исторического источника – отрывков из жизнеописания «Божественного Августа» Гая Светония Транквилла, представленных в виде раздаточного материала. В биографии Августа в рубриках 68–71 описывается его характер [21, с. 75–77], а в рубриках 79–82 – внешность и здоровье [21, с. 80–81].

Самостоятельную работу с текстом можно организовать, используя один из вариантов «бортового журнала» как технологии развития критического мышления [17, с. 27–28], представленного в Таблице 1.

Таблица 1.

Каркас «бортового журнала» для заполнения школьниками

Вопросы для сравнения	Что мне известно по теме на основе кинофрагментов?	Что нового я узнал из текста?
Внешность		
Здоровье		
Характер		

Предлагаются такие варианты заполнения центральной графы: 1) учащиеся самостоятельно или с помощью комментариев учителя записывают основные характеристики, опираясь на «кластер»; 2) листы «бортового журнала» уже раздаются с заполненной графой. В первом случае, на наш взгляд, появляется дополнительная возможность «проработать» материал. Правую графу обучающиеся заполняют самостоятельно в процессе чтения исторического источника.

После работы с «бортовым журналом» следует вновь обратиться к «кластеру» и дополнить в нём информацию о первом принцепсе на основе данных Светония. Как отмечает И. В. Муштавинская, «графические, визуальные методы в технологии развития критического мышления не только помогают систематизировать материал, ...эти приёмы делают

зримыми процессы мышления, наглядно демонстрируют, как изменилось, обогатилось наше знание об изучаемом предмете» [17, с. 23].

На завершающем этапе работы над образом Октавиана Августа сопоставляются данные, полученные из кинофрагментов и исторического источника. Учащиеся отвечают на вопросы: 1) Соответствует ли образ принцепса из художественного фильма образу Октавиана Августа со страниц исторического источника? 2) Как и чем отличается образ принцепса в фильме и у Светония? 3) Почему, на ваш взгляд, авторы фильма изобразили Октавиана Августа именно так?

Во втором содержательном блоке предлагается рассмотреть сражение при Мунде, состоявшееся 17 марта 45 года до н. э. Для темы «Установление империи» данная битва

явилась очень важным эпизодом, ибо было последним крупным сражением в гражданской войне между помпеянами и Цезарем за утверждение единоличной власти в Риме.

Главной задачей представляется сравнение визуального представления сражения в художественном фильме и его изображение в нарративных источниках, и, как следствие, оценка исторической достоверности кинофильма (с допущением упрощения показа исторических событий в художественном произведении).

Сначала идёт формирование визуального представления о событии: обучающиеся смотрят 6-минутный фрагмент битвы при Мунде (таймкод: 24:45–31:03) и, отвечая на

вопросы учителя, дают краткую характеристику сражения. Можно использовать таблицу «толстых» и «тонких» вопросов, которую исследователи обычно рекомендую применять для развития «умения осознанного, «вдумчивого» чтения» [17, с. 18, 23]. В нашем случае мы будем использовать эту технологию для развития умения осознанного и вдумчивого просмотра кинофрагмента художественного фильма (Таблица 2). В первом столбце предлагаются «тонкие вопросы» – конкретные, фокусирующиеся на фактах и деталях и предполагающие однозначный ответ, во втором – «толстые» вопросы, требующие развёрнутого ответа, в которых учащиеся могут продемонстрировать аналитические навыки.

Таблица 2.

Таблица «толстых» и «тонких» вопросов

«Тонкие» вопросы	«Толстые» вопросы
Где происходило сражение (в каком месте)? Какие исторические личности присутствуют в сценах этого фрагмента? Распределите названных персонажей на два лагеря: 1) сторонники Цезаря; 2) помпеяны. Чем закончилось сражение? Какие детали в костюмах, оружии или обстановке помогают определить историческую эпоху изображённого события?	Подумайте, какие цели преследовали участники этого сражения? Объясните, какое значение имело это сражение в ходе гражданской войны? и в истории страны? Как вы думаете, как художественное оформление фрагментов помогает понять ход сражения и его важность? Подумайте, есть ли кинофрагменте какие-либо моменты, вызывающие сомнение в их исторической точности или достоверности?

Отвечая на вопросы учителя, высказывая свои суждения, пятиклассники формируют собственное отношение к увиденному материалу, дают ему оценку.

Закончив обсуждение кинофрагмента, учащимся предоставляется возможность познакомиться с описанием битвы при Мунде в сочинениях античных авторов и сравнить сведения из разных источников. Об этом сражении мы можем узнать из произведений Гая Юлия Цезаря (Записки об Испанской войне, 1–42), Луция Аннея Флора (Две книги Римских войн. Книга II. XIII, 77–87), Аппиана Александрийского (Римская история. Гражданские войны, II. 103–105), Плутарха (Сравнительные жизнеописания. Цезарь, 56), Диона Кассия (Римская история, XLVII. 28–42). Примерно равноценными (по объёму) являются описания сражения Аппианом Александрийским и Аннеем Флором. Можно разделить учащихся на две группы (два варианта с разными фрагментами) или всему классу дать

карточки с выдержками из сочинения какого-то одного автора.

На этом этапе работы с темой, для обеспечения внимательного чтения отрывков античных авторов будет продуктивно задействовать технологический приём «Инсерт» или его модификацию в виде таблицы «Инсерт» [9, с. 31–38; 17, с. 27]. Читая карточку с текстом Аппиана или Аннея Флора, учащиеся на полях значком «✓» обозначают информацию, уже знакомую им по кинофрагменту, значком «+» – новые сведения о сражении, значком «–» – думал иначе (в случае нашей темы, это могут быть данные о битве, противоречащие художественному фильму), значком «?» – непонятный материал, по которому следует задать вопросы учителю. Как считают С. И. Заир-Бек и И. В. Муштавинская, заполнение таблицы «Инсерт» будет способствовать ещё более вдумчивому чтению, так как учащимся придётся ещё раз обратиться к текстам [9, с. 32, 36]. Завершающим, и очень важным элементом метода «Инсерт» является обсуждение

записей. При чтении отрывка из сочинения Луция Аннея Флора «Две книги римских войн» (XIII, 77–87) учащиеся могут отметить: указано место битвы – Мунда, перечислены участники – Цезарь, Цезоний, Лабиен, сыновья Помпея Великого (Гней, Секст), но Октавиан Август не упоминается; нет подробного описания хода битвы [1, с. 174–175]. Школьники, работавшие над пассажем из «Гражданских войн» (II, 103–105) Аппиана могут прийти к выводам: Мунда не называется, но есть другая географическая привязка к Испании – Кордуба; участники сражения – Цезарь, Помпей (один из сыновей Помпея Великого), Лабиен, Вар, Скапул; представленный в кинофрагменте ход сражения во многом соответствует его описанию древнеримским автором [2, с. 422–424].

Учитель подводит обучающихся к важным тезисам относительно битвы при Мунде: она была жестокой и кровопролитной и её исход определился не сразу; это было последнее сражение, в которой Гай Юлий Цезарь лично принимал участие; победа позволила полководцу установить единоличную власть в Риме. Если возникнет вопрос об участии Октавиана Августа в сражении (что было изображено в фильме), следует обратиться к другим источникам, которые прямо сообщают, что Цезарь

призывал своего внучатого племянника присоединиться к нему, но Октавиан прибыл только после завершения компании из-за болезни и кораблекрушения (Светоний. Божественный Август 8.1) [21, с. 48].

В конце работы учитель совместно с учащимися выносит «вердикт» в отношении достоверности изображения в фильме битвы при Мунде. Можно отметить, что с некоторыми допущениями просмотренные отрывки из художественного фильма отражают реально происходившие события.

В третьем содержательном блоке предлагается рассмотреть образы Гая Юлия Цезаря и Октавиана Августа, и найти параллели в их изображении.

Как и в предыдущем эпизоде, начинаем с просмотра кинофрагментов. Таймкоды и основное содержание фрагментов из художественного фильма «Римская империя: Август» отражено в Таблице 3. Первые два фрагмента относятся к деятельности Гая Юлия Цезаря; последующие два являются переходными, как-бы связывающими судьбы Цезаря и его внучатого племянника, обеспечивая преемственность власти; последние пять кинофрагментов рассказывают о важных событиях из жизни Октавиана Августа, завершающих установление единоличной власти в Риме.

Таблица 3.
Таймкоды и основное содержание фрагментов из художественного фильма «Римская империя: Август» (режиссёр Р. Янг, 2003 год).

Таймкоды фильма	Основное содержание
48:34–50:24	Цезарь прибывает в Рим, одержав победу в гражданской войне
53:07–55:06	Праведный суд Цезаря над плебеем
59:17–01:01:00	Цезарь объявляет себя диктатором под ликования толпы, заговор сенаторов
55:16–57:55	Октавиан получает знамение о своей будущей судьбе единоличного правителя
56:06–58:00	Цезарь даёт наставление внучатому племяннику Октавиану относительно будущего правления
1:07:54–1:10:34	Претензия на власть Октавиана и обличение заговорщиков (Октавиан впервые называет себя Октавианом Цезарем, сыном Юлия)
1:16:15–1:18:33	Октавиан пребывает в Рим и объявляет себя наследником Цезаря
2:21:13–2:26:53	Выступление Октавиана как консула (прямая параллель с выступлением Цезаря как диктатора), объявление наследника
02:33:14–02:35:44	Покушение на Октавиана, арест заговорщиков
02:35:53–02:38:05	Октавиан подчиняет своей воле Сенат, что свидетельствует о конце Римской республики и начале единоличного правления

Обучающиеся поочерёдно просматривают фрагменты из художественного фильма, отмечая ключевые особенности политических

позиций Цезаря и Октавиана. Они также заполняют «опорный лист» или «бортовой журнал» (сначала по Цезарю, а после – по

Октавиану), фиксируя основные вызовы, с которыми сталкивались древнеримские правители в своей политической карьере.

После просмотра каждого фрагмента учитель задает вопросы: «Какие основные действия совершили Цезарь и Октавиан в данном фрагменте?»; «Какие цели преследовали эти поступки?»; «Какие последствия могли иметь эти действия?». То есть происходит обсуждение и первичное выделение идей, на основе которых создаётся схема – «кластер». – Учитель на доске, а учащиеся в тетради обозначают центральное понятие: «Политическая власть Цезаря и Октавиана». От него проводятся линии к ключевым событиям или характеристикам: «Прибытие в Рим и победа», «Цезарь становится диктатором», «Объявление наследника», «Заговор и покушение», «Подчинение Сената».

Представляется важным обратить внимание на выявление взаимосвязей между представленными событиями, отвечая на вопросы: «Как действия Цезаря и Октавиана связаны с их целями?»; «Какие события свидетельствуют о кризисе римской республиканской системы?»

После обсуждения кинофрагментов, пятиклассники приступают к анализу исторических источников – отрывков из сочинений античных авторов – «Божественного Августа» Гая Светония Транквила (58) [21, с. 71–72], «Римской истории» Веллея Патеркула (II, 58–59) [6, с. 56–57], «Гражданских войн» Аппиана Александрийского (III, 11–13) [2, с. 454–455]. – Все три источника содержат сведения об усыновлении Октавиана Цезарем, описывают события в Риме после смерти Гая Юлия Цезаря, в том числе борьбу за власть Октавиана Августа.

Сравнивая данные, полученные из кинофрагментов и исторических источников, учащиеся отмечают наличие различий в изображении исторических событий. Обучающиеся под руководством учителя могут попытаться выявить некоторые причины этих различий, для чего обсуждаются проблемы: «Чем отличаются образы Цезаря и Октавиана в фильме и исторических источниках?»; «Почему образы Цезаря и Октавиана так похожи в фильме?» Зачем нужно было показывать их похожими правителями?

Ответы на вопросы позволяют ученикам понять особенности исторических художественных фильмов, определить факторы,

которые обязывают авторов кинолент прибегать к допущениям или искажениям исторической действительности: для решения художественных задач, в соответствии с существующими тенденциями в кинематографе и иными веяниями в культуре.

Мы рассмотрели варианты развития критического мышления на основе сравнения кинофрагментов и исторических источников, но возможны сопоставления и анализ одинаковых исторических сюжетов, представленных в различных кинофильмах. Наиболее интересны случаи, когда события (особенно конфликты) рассматриваются в художественных фильмах с разных точек зрения, с позиций противоборствующих сторон.

Тема «Установление империи», нашла отражение в англо-итальянских телесериалах «Рим» (2005–2007 годы) и «Домина (2021–2023 годы), шестисерийной американской исторической драме «Империя» (2005 год) и других кинопроектах. Если учащиеся посмотрят эти картины дома, самостоятельно сравнят презентации исторических персонажей и событий в разных кинолентах, то постепенно они освоят навыки критического анализа исторических фильмов и будут их практиковать и в дальнейшем в повседневной жизни.

Пятиклассникам, увлекающимся видеоиграми, можно дать возможность выступить с докладами или презентациями, рассказывающими об изображении Октавиана Августа и исторических событий в стратегиях *Civilization IV: Warlords* и *Civilization V*, а также в компьютерной игре *Total War: Rome II*. В обновлённой версии последней видеоигры с кампанией «*Emperor Augustus*» действие разворачивается почти сразу после убийства Гая Юлия Цезаря и главным действующим лицом является Август, который ведёт борьбу за власть в Риме с другими историческими персонажами – Марком Антонием и Лепидом.

Дополнительной линией для сравнения художественных фильмов и исторических источников (по большому числу визуальных) может стать обсуждение отражения в них элементов материальной культуры – костюмов, вооружения, предметов быта и архитектуры эпохи.

Предложенные сценарии могут быть реализованы как на уроках истории, так во внеурочной деятельности [19, с. 150–151]. В рамках исторического киноклуба учитель имеет возможность показать учащимся

исторические художественные фильмы полностью, а не только их фрагменты, и уделить внимание более сложным аспектам в анализе кинопродукции.

Таким образом, в современную эпоху, когда любому человеку легко получить доступ к исторической информации с помощью средств массовой коммуникации, очень важно развивать у учащихся навыки критического

анализа разнообразных источников, в том числе исторических художественных фильмов. Понимание того, что такие источники могут быть неполными, предвзятыми, созданными с определённой целью, наряду с умением правильно их интерпретировать, позволит обучающимся делать собственные выводы, а не слепо принимать всё на веру.

Список литературы:

1. Анней Флор. Две книги римских войн / пер. А.И. Немировского, М. Дашковой // Малые римские историки. Веллей Патеркул. Римская история. Анней Флор. Две книги Римских войн. Луций Ампейлий. Памятная книжица / пер. с лат. – М.: Ладомир, 1996. – С. 99–190.
2. Аппиан Александрийский. Римская история / пер. с древнегреч.; отв. ред. Е.С. Голубцова. – М.: Наука, 1998. – 726 с.
3. Архипов, Б. В., Менщиков, В. В. Историческое кино как фактор формирования исторического сознания / Б. В. Архипов, В. В. Менщиков // Вестник Курганского государственного университета. – 2011. – № 3. – С. 58–61.
4. Бекирова, Э. Ш. Развитие критического мышления студентов в контексте преподавания истории в вузе: технологический подход / Э. Ш. Бекирова // Проблемы современного педагогического образования. – 2020. – № 67–2. – С. 13–15.
5. Брюшинкин, В. Н. Критическое мышление и аргументация / В. Н. Брюшинкин // Критическое мышление, логика, аргументация / Под ред. В. Н. Брюшинкина, В. И. Маркина. – Калининград: изд-во Калинингр. гос. ун-та, 2003. – С. 29–34.
6. Веллей Патеркул. Римская история / пер. А. И. Немировского, М. Ф. Дашковой // Малые римские историки. Веллей Патеркул. Римская история. Анней Флор. Две книги Римских войн. Луций Ампейлий. Памятная книжица / пер. с лат. – М.: Ладомир, 1996. – С. 11–98.
7. Вигасин, А. А. Всеобщая история. История Древнего мира. 5-й класс: учебник для общеобразоват. орг. / А. А. Вигасин, Г. И. Годер, И. С. Свенцицкая; под ред. А. А. Искендерова. 11-е изд. – М.: Просвещение, 2020. – 303 с.
8. Волков, Е. В., Пономарева, Е. В. Игровое кино как исторический источник для изучения культурной памяти / Е. В. Волков, Е. В. Пономарева // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2012. – Вып. 18. – № 10. – С. 22–25.
9. Заир-Бек, С. И., Муштавинская, И. В. Развитие критического мышления на уроке / С. И. Заир-Бек, И. В. Муштавинская. – 2-е изд., дораб. – М.: Просвещение, 2011. – 223 с.
10. Историческая память населения России (материалы «круглого стола» в Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации 20 ноября 2001 г.) // Отечественная история. – 2002. – № 3. – С. 194–202.
11. Казанцев, П. О., Симбирцева, Н. А. Метапредметность кинопедагогики: методические аспекты / П. О. Казанцев, Н. А. Симбирцева // Актуальные ресурсы кинопедагогики: воспитание и образование: Материалы Всероссийского круглого стола (с международным участием). – Екатеринбург, 2022. – С. 35–43.
12. Кларин, М. В. Развитие критического и творческого мышления / М. В. Кларин // Школьные технологии. – 2004. – №2. – С.3–10.
13. Клустер, Д. Что такое критическое мышление? / Д. Клустер // Критическое мышление и новые виды грамотности. – М.: ЦГЛ, 2005. – С. 5–13.
14. Милькевич, О. А. Кинопедагогика в предметном поле педагогической науки и образовательной практике / О. А. Милькевич // Проблемы современного педагогического образования. – 2023. – № 80–1. – С. 214–216.
15. Молотов, К. С. Использование кинофильмов на уроках истории разных форм / К. С. Молотов // Наука и Школа. – 2012. – № 6. – С. 96–100.

16. Молотов, К. С. Методика использования кинофильмов в 9-м классе / К. С. Молотов // Наука и школа. – 2014. – № 1. – С. 111–115.
17. Муштавинская, И.В. Технология развития критического мышления на уроке и в системе подготовки учителя: учебно-метод. пособие / И.В. Муштавинская. – СПб.: КАРО, 2009. – 84 с.
18. Никифоров, Ю. С. Кинокартина «Из жизни Федора Кузькина» С. И. Ростоцкого как источник для изучения исторической памяти о советской провинции: дидактический потенциал для средней школы / Ю. С. Никифоров // Преподавание истории в школе. – 2018. – № 6. – С. 21–27.
19. Огоновская, И. С. Художественное историческое кино на уроке истории и во внеурочной деятельности: воспитательный потенциал и интеллектуальный ресурс / И. С. Огоновская // Актуальные ресурсы кинопедагогики: воспитание и образование: Материалы Всероссийского круглого стола (с международным участием). – Екатеринбург, 2022. – С. 141–152.
20. Приказ Министерства просвещения РФ от 31 мая 2021 г. № 287 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования» // Гарант: справочно-правовой портал. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401333920/> (дата обращения: 15.06.2025).
21. Светоний Гай Транквилл. Книга вторая. Божественный Август / пер. с лат. М.Л. Гаспарова // Светоний Гай Транквилл. О жизни цезарей. – М.: Алетейя, 1998. – С. 45–92.
22. Темпл, Ч. Как учатся дети: Свод основ / Ч. Темпл, К. Мередит, Дж. Стил. – М.: изд-во ин-та «Открытое общество», 1998. – 105 с.
23. Халперн, Д. Психология критического мышления / Д. Халперн; пер. с англ. – СПб.: Питер, 2000. – 512 с.
24. Marcus, A.S. “It is as it was”: Feature Film in the History Classroom / A.S. Marcus // The Social Studies. – 2005. – 96 (2). – P. 61–67.

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

УДК 94(398.2)

Н. А. Филимонов

**НАМЕСТНИКИ РИМСКОЙ ПРОВИНЦИИ ДАКИИ ПРИ ДИНАСТИИ СЕВЕРОВ:
СТЕПЕНЬ ЛОЯЛЬНОСТИ К ИМПЕРАТОРСКОЙ СЕМЬЕ И КАРЬЕРНЫЙ ПУТЬ**

В статье рассматривается состав и карьерный путь наместников римской провинции Дакии в период правления династии Северов (193–235 гг. н.э.). На основе комплексного анализа данных эпиграфики и памятников нарративной традиции реконструируется список известных *consulares trium Daciae*, выделяются критерии их потенциальной лояльности к правящей династии (родственные либо дружеские связи, происхождение из африканских или восточных провинций). Также поэтапно разбирается карьерный путь наместников римской Дакии на примере семи персон, чей *cursus honorum* в достаточной степени возможно восстановить. Дополнительно приводятся сведения о деятельности консуляров в период наместничества в римской Дакии (строительство, исполнение культа императорской семьи).

Ключевые слова: римская Дакия; римская провинциальная администрация; наместники; *cursus honorum*; культ императора.

N. A. Filimonov

**GOVERNORS OF THE ROMAN PROVINCE OF DACIA UNDER THE SEVERAN
DYNASTY: LOYALTY TO THE IMPERIAL FAMILY AND CAREER PATH**

The article examines the composition and career path of the governors of the Roman province of Dacia during the reign of the Severan dynasty (AD 193–235). On the basis of a comprehensive analysis of epigraphic evidence and narrative sources, the reconstructed list of the known *consulares trium Daciae* is presented, and the criteria of their potential loyalty to the ruling dynasty are outlined (familial or friendly relations, origin from African or eastern provinces). The article also traces the careers of seven individuals, whose *cursus honorum* have been reconstructed in sufficient detail. Further attention is given to the activities of the *consulares* during their governorships in Roman Dacia (building works, performance of the imperial cult).

Keywords: Roman Dacia; provincial administration; governors; *cursus honorum*; imperial cult.

Период правления династии Северов стал временем глубоких преобразований в системе администрирования римскими провинциями, в частности, императорскими, управляемые посредством наместников в ранге пропреторов с делегированным *imperium* [4, с. 450]. В частности, на фоне нарастания внешних угроз со стороны северных варварских племён императоры проводили политику централизации и, как следствие, милитаризации подконтрольных Риму территорий на Дунае. В этом контексте определённый интерес представляет провинция Дакия, которая к середине II в. н.э. стала ключевым форпостом Империи в данном регионе. Её первыми наместниками являлись верные императору консуляры, задачей которых было установление римских институтов власти на новых землях. В 118 г. – по решению Адриана – провинция была разделена на три относительно независимых друг от друга округа, каждый из которых выполнял

свою характерную функцию: Верхняя Дакия (*Dacia Superior*) являлась административным центром, где базировался *officium* наместника-пропретора (*legatus Augusti pro praetore*), Нижняя (*Dacia Inferior*) – сочетала в себе военно-экономические функции ввиду необходимости контроля над Истром, тогда как Поролисская Дакия (*Dacia Porolissensis*) была образована для сдерживания варварских племен на севере Трансильвании. Управление последними двумя областями было передано прокураторам, обладавшим определённой независимостью в решении военно-административных вопросов в рамках доверенных им территорий.

Следующая территориально-административная реформа провинции – ввиду участвовавших набегов на северный лимес Империи – была осуществлена приблизительно в 168 г.: сохранялось деление на три округа, однако их автономность нивелировалась с

целью расширения юрисдикции наместника. Провинция вновь получает статус проконсульской: отныне «трем Дакиями» управляет консуляр в ранге *legatus Augusti pro praetore* (с 80-х гг. II в. по данным эпиграфического материала – *consularis trium Daciarum*), которому были подчинены прокураторы Поролисской, Апулийской (взамен Верхней) и Мальвийской (вместо Нижней) Дакий [2, с. 27]. Подобная система управления провинцией сохраняется, вероятно, вплоть до эвакуации Дакии при Аврелиане; по крайней мере, на сегодня отсутствуют сведения о каких-либо последующих масштабных изменениях в её административном устройстве.

Отметим, что воинские подразделения, базировавшиеся в Дакии, а также бывшие наместники провинции, сыграли определённую роль во время политического кризиса 90-х гг. II в. н.э. и, как следствие, в становлении новой императорской династии. Так, Веспроний Кандид, *consularis trium Daciarum* в 183–185 гг., был отправлен сенатом к легионерам Септимия Севера с целью уговорить их присягнуть на верность Дидию Юлиану (SHA. Didius. V. 5–6). В тоже время против последнего выступили «дакийские» V Македонский и XIII Парный легионы, отправив свои вексиляции в Италию [3, с. 61]. Песценний Нигер, противник Септимия Севера в борьбе за императорскую власть, также в 182–183/184 гг. являлся наместником Дакии [17, с. 137–141].

Согласно сохранившимся источникам, за период с 193 по 235 гг. известно четырнадцать *consulares trium Daciarum*, которым императоры доверяли управление провинцией:

1. 193–195 гг. – *Quintus Aurelius Polus Terentianus* (CIL. III. 1374 = IDR. III. 3. 45 = AE. 2004. 1208; AE. 1965. 240; AE. 1965. 241);

2. 195–197/198 гг. – *Publius Septimius Geta* (CIL. III. 905; IDRE. II. 438. = AE. 1946. 131; CIL. III. 7794 = IDR. III. 5. 434);

3. 198–200 гг. – *Mevius Surus* (CIL. III. 1377 = IDR. III. 3. 56; CIL. III. 6250, 6251, 7647; CIL. III. 13801, 14216 = IDR. II. 497 = AE. 1896. 63; CIL. III. 7741, 14479 = AE. 1901. 27 = IDR. III. 5. 426);

4. 200–201/202 гг. – *Lucius Octavius Iulianus* (CIL. III. 876 = CBI. 552; CIL. III. 1308 = IDR. III. 3. 284 = AE. 1968. 442; CIL. III. 1393 = IDR. III. 3. 233; CIL. III. 14485a = IDR. II. 174 = ILD. 92; ILD. 199 = AE. 1987. 848);

5. 202–204/205 гг. – *Lucius Pomponius Liberalis* (CIL. III. 1174 = IDR. III. 5. 425; IDR. III. 3. 47 = AE. 1944. 74);

6. 206–207/208 гг. – *Claudius Gallus* (CIL. III. 1564 = IDR. III. 1. 57; IDR. III. 1. 271; CIL. VIII. 2741 = 18126 = AE. 1987. 1067; AE. 2010. 1834);

7. 208–209/210 гг. – *Caius Iulius Maximinus* (CIL. III. 1127 = IDR. III. 5. 427; IDR. III. 3. 213 = AE. 2010. 1377; CIL. III. 895);

8. 211 г. – *Flavius Postumus* (ILD. 761 = AE. 1977. 666 = 1978. 678; CIL. X. 6008);

9. 212–214/215 гг. – *Lucius Marius Luci f. Quirina Perpetuus* (CIL. III. 1178 = IDR. III. 5. 436; ILD. 1960. 226 = ILD. 542; ILD. 633 = AE. 1977. 708 = 1978. 690; IDR. III. 1. 128 = ILD. 200 = AE. 1987. 849; AE. 1921. 39 = 2007. 668 = 2019. 1936; AE. 1976. 579 = 1978. 682; CIL. IX. 5360 = AE. 1992. 517; AE. 1978. 827 = 2001. 1977; CCID. 87 = AE. 2003. 1532; CIL. III. 6709 = IGLS. I. 39; CIL. III. 6710 = IGLS. I. 40);

10. 215–217 гг. – *Caius Iulius Septimius Castinus* (CIL. III. 7638; IDR. III. 5. 71; IDR. II. 175 = AE. 1956. 327; ILD. 663 = AE. 1980. 755; CIL. III. 10471 = IDRE. II. 278 = AE. 1890. 82; CIL. III. 10472 = IDRE. II. 279; CIL. III. 10473 = IDRE. II. 280; CIL. III. 10360 = AE. 1891. 62);

11. 217–218 гг. – *Marcus Agrippa* (CIL. XIII. 7800 = AE. 1903. 139; CIL. XIII. 7798 = AE. 1901. 71);

12. 230–235 гг. – *lasdius Domitianus* (CIL. III. 797; CIL. III. 798 = ILS. 2494; CIL. III. 952 = 7723 = IDR. III. 4. 234; IDR. III. 1. 76 = AE. 1912. 5; IDR. III. 4. 221 = AE. 1950. 16 = 2018. 1358; CIL. VI. 41225 = IDRE. 14 = AE. 1979. 18);

13. 222–235 гг. – неустановленный наместник (IDR. III. 3. 46 = AE. 1903. 66);

14. 235–236 гг. – *Marcus Cuspidius Marci f. Flaminus Severus* (IDR. II. 19 = 76 = ILD. 52 = AE. 1992. 1466; RRMAM. II. 1. 507; EDCS. 36500049; EDCS. 60200017; EDCS. 60200022; EDCS. 36500072; AE. 2000. 1479; CIL. III. 6953 = 12210; CIL. VI. 41220 = 1579 = 31708) [5, с. 133–152].

Однако, по нашему мнению, в контексте наместников Дакии именно при Северах среди перечисленных выше римских государственных деятелей не следует учитывать фигуру Марция Агриппы (*Marcus Agrippa*), поскольку тот был ставленником Марка Оппеллия Макрина, чья династия правила Римской

державой немногим больше года. Хотя новый Цезарь имел в своей титулатуре имя «Север», в кровном родстве с этой фамилией он не состоял. Как едко отмечает Юлий Капитолин, «Макрин – такой же Север, как Диадумен – Антонин» (SHA. Macrinus. V. 7; здесь и далее – пер. С. П. Кондратьева).

Согласно Кассию Диону, изначально Марций Агриппа был «рабом, который помогал некоей женщине наводить красоту, за что предстал перед судом Севера, хотя и был адвокатом императорского казначейства; [впоследствии] за измену в каком-то деле он был сослан на остров, но, будучи возвращен Таравтом вместе с остальными изгнанниками, стал заведовать императорскими постановлениями и письмами и, наконец, был причислен к сенаторам преторского ранга, потому что он набрал в армию ещё не достигших надлежащего возраста юношей» (Cass. Dio. LXXVIII. 13. 3–4; здесь и далее – пер. А. В. Махлаюка). По Элию Спартиану, к апрелю 217 г., т. е. к моменту смерти Каракаллы, Марций Агриппа являлся префектом флота (SHA. Caracalla. VI. 7), возможно, Мизенского (*praefectus classis Misenensis*) [21, р. 273], что противоречит версии Кассия Диона, поскольку со времен Веспасиана *praefecti classis* принадлежали к всадническому сословию [22, р. 128]. В 217–218 гг. Макрин «отправил Марция Агриппу сначала в Паннонию, а затем и в Дакию», тем самым отозвав наместника провинции Гая Юлия Септимия Кастина (*Caius Iulius Septimius Castinus*), «будто бы нуждаясь в [его] присутствии, но на самом деле, испытывая страх перед [его] гордым нравом и [его] дружеской привязанностью к Каракалле» (Cass. Dio. LXXIX. 13. 2). В период его наместничества в Дакии северные регионы провинции подверглись набегам свободных даков, поэтому Агриппа, чтобы остановить нашествие варваров на римские земли, «был вынужден выдать обратно заложников, которых Каракалла взял у них под предлогом заключения союза» (Cass. Dio. 27. 5).

Дополнительно отметим, что шестеро *legati Augusti pro praetor* – Мевий Сур (*Mevius Surus*), Луций Октавий Юлиан (*Lucius Octavius Iulianus*), Луций Помпоний Либерал (*Lucius Pomponius Liberalis*), Гай Юлий Максимин (*Caius Iulius Maximinus*), Флавий Постум (*Flavius Postumus*) и неустановленный деятель – аттестованы только в качестве наместников Дакии, что не позволяет в полной

мере на примере их карьерного пути выявить тенденции занятия должностей среди имперской знати в конце II – первой трети III вв. н.э. Таким образом, мы имеем выборку лишь из семи наместников, *cursus honorum* которая отражает особенности административно-политического устройства Империи в период правления Северов.

Далее необходимо выделить критерии, за счёт которых можно выявить степень лояльности к семейству Северов со стороны перечисленных ранее сенаторов. В первую очередь, это близость к правящему семейству, которая может быть заключена в родственных или дружественных связях. Так, среди наместников Дакии присутствуют подтверждённые или возможные родственники императоров:

1. Публий Септимий Гета (*Publius Septimius Geta*): брат Септимия Севера; согласно Элию Спартиану, был недоволен назначением в Дакию, т. к. сам намеревался претендовать на императорскую власть, однако новый правитель отнял у него такую возможность, объявив Каракаллу цезарем (SHA. Severus. X. 3). В то же время это не повлияло на их близкие отношения: «на смертном одре [Гета] рассказал [Северу] обо всех делах и замыслах Плавциана, которого он ненавидел и теперь уже больше не боялся», за что император «поставил брату бронзовую статую на форуме и не только не оказывал больше [своему префекту] тех же почестей, что прежде, но и отобрал у него значительную долю власти» (Cass. Dio. LXXVII. 2. 4.).

2. Гай Юлий Септимий Кастин (*Caius Iulius Septimius Castinus*): либо дальний родственник Септимия Севера [9, р. 804–805], либо близкий друг Каракаллы [2, с. 29], о чём также сообщает Кассий Дион: «[сенатор] «был человеком деятельным и известным для многих воинов благодаря тем должностям, которые он занимал ранее, а также из-за близости к Антонину» (Cass. Dio. LXXX. 4. 3.)

3. Марк Куспидий Фламиний Север (*Marcus Cuspidius Marci f. Flaminius Severus*): вероятно, родственник представителей правящей династии. На наш взгляд, в контексте разговора о лояльности к императорской династии нельзя не выделить яркий сюжет из биографии сенатора: во время своего наместничества в Дакии римский деятель фигурирует в обнаруженном в Дробете посвящении Юпитеру и – что важно – «всем богам и богиням» (IDR. II. 19 = ILD. 52 = AE. 1992. 1466: «Iovi

deorum cunctisque dis deabusque»). Существует вероятность, что создание алтаря было обусловлено страхом наместника не только за свою карьеру, но и за личную безопасность, что, в свою очередь, было вызвано политическим хаосом в Римской империи после убийства Александра Севера и Юлии Мамеи. Кроме этого, за несколько лет до назначения в задунайскую провинцию сенатор был консулом, что говорит об упрочении его положения во властных кругах за счёт опыта и личных заслуг [13, р. 139], поэтому довольно логично предположить желание Куспидия Фламиния Севера сохранить своё высокое положение в римском государстве. Будучи наместником Каппадокии в 238–239/240 гг., сенатор упоминается в массовых посвящениях Гордиану III

на мильевых столбах, что может свидетельствовать о стремлении римского государственного деятеля выразить свою максимальную поддержку правителю из уже новой династии [19, р. 261].

Значимым индикатором лояльности сенаторов к императорской семье являются личные связи (дружба либо клиента) с представителями династии. Среди наместников Дакии этот параметр, помимо Септимия Кастина, что было отмечено ранее, иллюстрирует карьера Квинта Аврелия Пола Терентиана (*Quintus Aurelius Polus Terentianus*): его совместное с Публием Септимием Гетой, братом императора, членство в коллегии фециалов (*fetiales*) указывает на тесные взаимоотношения с Северами (АЕ. 1965. 240).

Таблица 1.

Основные этапы *cursus honorum* семи наместников римской Дакии с 193 по 235 гг.

		<i>Consulares trium Daciae</i> в 193–235 гг.						
		<i>Q. Aurelius Polus Terentianus</i>	<i>P. Septimius Geta</i>	<i>Cl. Gallus</i>	<i>L. Marius Perpetuus</i>	<i>C. Iulius Septimius Castinus</i>	<i>lasdius Domitianus</i>	<i>M. Cuspidius Flaminus Severus</i>
<i>Cursus honorum</i>	<i>Decemvir s. iud.</i>		x					x
	<i>Tribunus militum</i>		x		x	x	x	x
	<i>Quaestor</i>		x		x	x	x	x
	<i>Aedilis</i>		x				x	
	<i>Magistratus administrativus</i>						x	
	<i>Tribunus plebis</i>					x		x
	<i>Praetor</i>		x			x	x	
	<i>Curator</i>		x	x		x	x	
	<i>Proconsul</i>		x			x		
	<i>Legatus legionis</i>	x	x	x	x	x	x	
	<i>Magistratus fiscalis</i>						x	
	<i>Legatus Augusti pro praetore</i>			x	x	x	x	
	<i>Consul</i>		x	x	x	x	x	
	<i>Magistratus temporalis</i>				x		x	
	<i>Proconsul provinciae</i>	x	x	x	x	x	x	x

Следующий немаловажный критерий – происхождение сенаторов. С приходом к власти Септимия Севера в высший управленческий аппарат активно включались талантливые деятели из Северной Африки и Сирии [7, р. 292]. Подобная политика способствовала интеграции Империи, а также отражала социально-этническую трансформацию Рима из

«италийского государства» в действительно «средиземноморскую державу», где провинции стали в определённой степени равноправными частями системы. Однако она же усилила конфликты с традиционной аристократией, что способствовало кризису III века.

Среди наместников Дакии возможно выделить следующих персон родом из

африканских провинций: Квинт Аврелий Пол Теренциан (известно всего четыре представителя из рода *Quinti Aurelii*, и все они происходили из римской Африки [8, р. 487]), Публий Септимий Гета, Гай Юлий Септимий Кастин [12, р. 260], а также, возможно, Марк Куспидий Фламиний Север. Кроме этого, имеются сведения о двух *consulares trium Daciae* из

Сам институт *cursus honorum*, или «путь почестей», т. е. иерархический порядок занятия должностей по мере их значимости для римской *civitas*, восходит к ранней Республике, однако при Августе и его преемниках он приобретает новые черты, что, в первую очередь, связано с расширением пределов Империи и, как следствие, увеличением бюрократического аппарата. Так, традиционный республиканский путь для представителей сенаторского сословия «квестор – трибун/эдил – претор – консул», закреплённый законом Виллия (*lex Villia annualis*), в эпоху Принципата был дополнен военными, административными и фискальными должностями [14]. Помимо этого, назначения определялись преимущественно волей императора при формальном участии сената.

Характерным явлением во второй половине II – первой трети III вв. стало включение всадников в сенаторское посредством *adlectio*. Подобная практика стала активно применяться при Веспасиане и Марке Аврелии, что свидетельствует о дефиците ценных кадров в военно-административном аппарате Империи и о нехватке сенаторов, способных выполнять важные военные поручения. Ярким примером служит биография Марка Валерия Максимиана (*Marcus Valerius Maximianus*), прокуратора Поролиссской Дакии в 178–179 гг., талантливого военачальника, который после службы в задунайской провинции в 179/180 г. был введён в сенаторское сословие [16, р. 21], что юридически позволяло передать под его командование крупные воинские соединения, т. к. до этого карьерные возможности полководца были ограничены доступными всадникам должностями. Схожая тенденция прослеживается и на рубеже II–III вв.: один из наместников римской Дакии, Марк Куспидий Фламиний Север, вероятно, в период правления Септимия Севера был введён в сенаторское сословие (CIL. VI. 41220 = 1579 = 31708).

При детальном рассмотрении конкретных ступеней карьерного пути наместников римской Дакии в период правления династии

восточных провинций: Мевий Сур (*Mevius Surus*) и Клавдий Галл, семейство которого было родом из Вифинии [10, s. 256].

В связи с фрагментарностью источников лишь для семи наместников римской Дакии, задействованных в этой роли при Северах, доступна относительно полная реконструкция их карьерного пути (Таблица 1). Севером мы предлагаем обратиться к предложенной Д. Окон классификации должностей, которая состоит из следующих этапов: а) до претуры; б) от претуры до консульства; в) после консульства. Мы согласны с тем, что подобное деление наиболее информативно отражает квалификацию и опыт должностных лиц при исполнении своих обязанностей [14, р. 115].

I. Начальные должности (до претуры)

Decemvir stlitibus iudicandis

В качестве членов комиссии по рассмотрению гражданских дел (*decemvir stlitibus iudicandis*) упоминаются только Публий Септимий Гета (IDRE. II. 438. = AE. 1946. 131) и Марк Куспидий Фламиний Север (CIL. VI. 41220 = 1579 = 31708).

Tribunus militum

Для трёх из четырёх представителей сенаторского сословия известны легионы, в которых они проходили службу в качестве трибуна-латиклавия:

а) Публий Септимий Гета – II Augusta (IDRE. II. 438. = AE. 1946. 131);

б) Луций Марий Перпетуй – IV Scythica (CIL. III. 1178 = IDR. III. 5. 436);

в) Гай Юлий Септимий Кастин – I Adiutrix и V Macedonica (CIL. III. 10472 = IDRE. II. 279; CIL. III. 10473 = IDRE. II. 280).

В случае Ясдия Домициана (CIL. VI. 41225 = IDRE. 14 = AE. 1979. 18) и Марка Куспидия Фламиния Севера (CIL. VI. 41220 = 1579 = 31708) установить воинское подразделение не представляется возможным, поскольку в текстах надписей содержатся лакуны.

Quaestor

Этап квестуры фиксируется для четырёх сенаторов; исключением является Марк Куспидий Фламиний Север, введённый в сенат посредством *adlecto inter quaestorios* (CIL. VI. 41220 = 1579 = 31708):

а) Публий Септимий Гета – *quaestor provinciae Cretae et Cyrenarum* (IDRE. II. 438. = AE. 1946. 131);

б) Луций Марий Перпетуй – *quaestor candidatus Augusti* (CIL. III. 1178 = IDR. III. 5. 436);

в) С. Iulius Septimius Castinus – *quaestor* (CIL. III. 10471 = IDRE. II. 278 = AE. 1890. 82; CIL. III. 10472 = IDRE. II. 279; CIL. III. 10473 = IDRE. II. 280).

Отдельно следует выделить фигуру Ясдия Домициана, который был отправлен в Ахайю в качестве *quaestor pro praetore*, т. е. должностного лица, обладавшего статусом квестора, однако выполнявшего функции претора [1, с. 21–22], что может свидетельствовать о высокой компетентности молодого сенатора в сфере провинциального управления.

Aedilis

В качестве эдилов упоминаются лишь два сенатора:

а) Публий Септимий Гета – *aedilis cerealis* (IDRE. II. 438. = AE. 1946. 131);

б) Ясдий Домициан – *aedilis curulis* (CIL. VI. 41225 = IDRE. 14 = AE. 1979. 18).

В эпоху Принципата значимость эдилитета снижается. Как сообщает Кассий Дион, Август передал «преторам заведование всеми общенародными празднествами», а «курульным эдилам он поручил заниматься тушением пожаров, дав им в качестве помощников шестьсот рабов» (Cass. Dio. LIV. 3–4). В дальнейшем же эдилитет присутствует в *cursus honorum*, однако становится не столь обязательным этапом в занятии последующих должностей.

Ab actis senatus

Пост заведующего над ведением протоколов о работе сената (*ab actis senatus*) фиксируется только в случае Ясдия Домициана (CIL. VI. 41225 = IDRE. 14 = AE. 1979. 18).

Tribunus plebis

Среди наместников римской Дакии при Северах в роли плебейского трибуна упоминаются два государственных деятеля:

а) Гай Септимий Кастин (CIL. III. 10471 = IDRE. II. 278 = AE. 1890. 82; CIL. III. 10472 = IDRE. II. 279; CIL. III. 10473 = IDRE. II. 280);

б) Марк Куспидий Фламиний Север (CIL. VI. 41220 = 1579 = 31708).

Исполнение данной должности в период Принципата было номинальным, поскольку с

правления Августа всё политико-идеологическое значение трибуната, включая *tribunicia potestas*, перешло к императору [20, р. 336–337].

II. От претуры до консульства

Praetor

Преторские должности засвидетельствованы для двух сенаторов: Гай Септимий Кастин был задействован в вопросах опеки и назначения опекунов (CIL. III. 10471; 10472; 10473: *praetor tutelarius*), тогда как Публий Септимий Гета дополнительно специализировался в т. ч. на аукционных делах (IDRE. II. 438. = AE. 1946. 131: *praetor hastarius et tutelarius*). Сам институт претуры не потерял актуальности, поскольку со времён Августа данная должность становится обязательной для дальнейшего назначения в провинции в качестве легата легиона или императорского наместника (Cass. Dio. LIII. 15. 1; Tac. Ann. III. 75).

Curator/iuridicus

После претуры следовали административно-управленческие должности, необходимые, по всей вероятности, для подтверждения профессиональных навыков должностных лиц перед занятием военных постов высшего уровня. Так, четверо сенаторов аттестованы в качестве кураторов городов и дорог:

а) Публий Септимий Гета – *curator rei publicae Anconitanorum* (IDRE. II. 438. = AE. 1946. 131);

б) Клавдий Галл – *curator civitatis Thesalonicensium* (AE. 2010. 1834);

в) Ясдий Домициан – *curator rei publicae Fulginatium* (CIL. VI. 41225 = IDRE. 14 = AE. 1979. 18).

Однако на данном этапе выделяется фигура Септимия Кастина (CIL. III. 10471; 10472; 10473), который поочередно был куратором Эклана (*curator Aeclanensium*) и Соляной дороги (*curator viae Salariae*). Следующей же должностью сенатора был пост *iuridicus per Apuliam, Calabriam, Lucaniam, Bruttios*.

Proconsul

Лишь для двоих сенаторов сохранились сведения о проконсулате: Септимий Гета исполнял своих обязанности в Сицилии (IDRE. II. 438. = AE. 1946. 131: *proconsul provinciae Siciliae*), Септимий Кастин – на Крите и в

Киренаике (CIL. III. 10471; 10472; 10473: *proconsul Cretae et Cyrenarum*).

Необходимо подчеркнуть, что со времен Августа «проконсулами назывались не только два отслуживших срок консула, но и другие наместники: как только что сложившие власть преторы, так и те, кто имел звание преториев» (Cass. Dio. LIII. 13. 3-4). При этом очередность назначения на данную должность в рамках *cursus honorum* наместников римской Дакии не совсем ясна: так, проконсулат Септимия Геты следует после командования легионом (IDRE. II. 438. = AE. 1946. 131), тогда как в случае Септимия Кастина – сразу после кураторских постов (CIL. III. 10471; 10472; 10473).

Legatus legionis

Одной из важных и значимых ступеней в *cursus honorum* римских деятелей можно считать пост легата легиона. Септимий Север, пришедший к власти благодаря поддержке дунайских частей, превратил армию в главную опору власти своей династии, поэтому обеспечение её лояльности императорской семье стало одной из задач принцепса и его преемников. По этой причине особую роль в этой системе играли легаты легионов, в ведении которых оказывались не только жизни римских граждан, но и сама власть императора.

Так, шесть сенаторов аттестованы в качестве командующих следующих легионов:

а) Квинт Аврелий Пол Теренциан – XXII *Primigenia Pia Fidelis* и II *Augusta* (AE. 1965. 240);

б) Публий Септимий Гета – I *Italica* (IDRE. II. 438. = AE. 1946. 131);

в) Клавдий Галл – XXII *Primigenia Pia Fidelis* (AE. 2010. 1834);

г) Луций Марий Перпетуй – XVI *Flavia Firma* (CIL. III. 1178 = IDR. III. 5. 436);

д) Гай Юлий Септимий Кастин – I *Minerva* (CIL. III. 10471; 10472; 10473);

е) Ясдий Домициан – XIV *Gemina* (CIL. VI. 41225 = IDRE. 14 = AE. 1979. 18).

При этом двое легатов, будущих наместников Дакии, принимали непосредственное участие в военных кампаниях Септимия Севера. Так, Клавдий Галл в 197 г. во второй Парфянской войне возглавил вексиляции легионов VIII *Augusta* и XXII *Primigenia* из Верхней Германии, а также I *Minervia* and XXX *Ulpia Victrix* – из Нижней Германии. Возможно, тем самым император хотел отблагодарить поддерживавшие его ранее легионы [6, p. 545]. В

207 г. уже другой сенатор, Септимий Кастин, возглавил вексиляции легионов VIII *Augusta*, XXII *Primigenia*, I *Minerva* и XXX *Ulpia Victrix*, которые были отправлены для ликвидации восстания, возможно, в районе Рейна, однако на данный момент неясно, кем именно являлись мятежники [11, p. 207].

Legatus Augusti pro praetore (до консульства)

После командования легионными подразделениями четверо из семи сенаторов получает в управление императорские провинции в качестве *legati Augusti pro praetore*, но без консульства.

Так, известны провинции, возглавленные пропреторами:

а) Клавдий Галл – Нумидия (202–205 гг.);

б) Луций Марий Перпетуй – Аравия (200–203 гг.);

в) Гай Юлий Септимий Кастин (208/209–212 гг.) и Ясдий Домициан – Нижняя Мезия.

Consul

В эпиграфических источниках лишь для сенаторов зафиксировано консульство:

а) *consul ordinarius* – Публий Септимий Гета (203 г.);

б) *consul designatus* – Клавдий Галл (203 г.);

в) *consul suffectus* – Луций Марий Перпетуй (207 г.), Гай Юлий Септимий Кастин (212/213 г.) и Ясдий Домициан (227 г.).

Примечательно, что должность консула государственные деятели получают, вероятнее всего, либо во время своего пребывания в провинциях, либо вскоре после возвращения в Рим.

III. Высшие военное-административные должности (после консульства)

Magistratus temporalis

Со времен Адриана для сенаторов, занятых ранее на важных и ответственных постах в провинциальной администрации, создавались специальные должности в Риме, которые можно рассматривать как «оплачиваемый отпуск». Однако лишь в исключительных случаях подобная практика применялась в отношении представителей патрицианских или консульских родов [23, p. 280]. Либо же, по

другой версии, сенаторам попросту не хватало провинций, чтобы продолжить свою карьеру в рамках *cursus honorum*. Так, например, Луций Марий Перпетуй в год своего консульства находился в италийском регионе и выполнял обязанности куратора над общественными делами в *Urbs Salvia* и Тускуле (CIL. III. 1178 = IDR. III. 5. 436: *curator rerum publicarum Urbisalviensium item Tusculanorum*). Другой сенатор, Ясдий Домициан, был временно префектом Эмилиевой дороги, в обязанности которого входило также обеспечение подвоза продовольствия в Рим (CIL. VI. 41225 = IDRE. 14 = AE. 1979. 18: *curator viae Aemiliae praefectus alimentorum*).

Legatus Augusti pro praetore (до назначения в Дакию)

Только для двоих римских государственных деятелей известны провинции, куда они были направлены в качестве наместника сразу после консульства:

а) Публий Септимий Гета – Лузитания (192–193 гг.);

б) Луций Марий Перпетуй – Верхняя Мезия (210/211–212 гг.).

Consularis trium Daciarum

В обязанности наместника провинции, особенно императорской, входило не только командование доверенными ему воинскими подразделениями, но также контроль за строительством и восстановлением военных объектов [4, с. 449–450]. В этом отношении Дакия не является уникальным примером. Так, при Квинте Аврелии Поле Теренциане были восстановлены бани II Флавиевой когорты из Коммагены (CIL. III. 1374 = IDR. III. 3. 45 = AE. 2004. 1208), которые в 222–235 гг. были вновь отремонтированы неустановленным наместником (IDR. III. 3. 46 = AE. 1903. 66); при Мевии Суре – возведена *schola speculatorum* (CIL. III. 7741, 14479 = AE. 1901. 27 = IDR. III. 5. 426); при Луции Октавии Юлиане – восстанавливаются из камня стены кастра I когорты бриттонов (CIL. III. 14485a = IDR. II. 174 = ILD. 92). Перечисленные строительные работы являются следствием военной реформы Септимия Севера, что позволило укрепить римские позиции на северном лимесе Империи.

Помимо этого, практически все наместники фигурируют в исполнении культа императорской семьи, поскольку именно они были

главными священнослужителями данного сакрально-политического таинства. Находясь в Дакии, *consulares trium Daciarum* стремились выразить максимальную степень поддержки действующему императору. Например, в наместничество Луция Мария Перпетуя были установлены алтари Апполону (IDR. III. 1. 128 = ILD. 200 = AE. 1987. 849) и *Dea Syria* (ILD. 1960. 226 = ILD. 542) в Тибиске и Напоке соответственно, а также сделаны посвящения в честь императорской семьи (ILD. 633 = AE. 1977. 708 = 1978. 690; AE. 1976. 579 = 1978. 682). Возможно, подобные памятники свидетельствуют о надежде местной администрации на то, что их активная деятельность будет замечена Каракаллой, и тот, в свою очередь, почтит своим присутствием провинцию [15, p. 90–91].

В то же время имеются сведения, которые позволяют зафиксировать смену политических ориентиров среди высших провинциальных должностных лиц. Так, при Ясдии Домициане были установлены посвящения в честь Александра Севера и Юлии Мамеи, однако на некоторых из них имя наместника было удалено (IDR. III. 1. 76 = AE. 1912. 5; IDR. III. 4. 221 = AE. 1950. 16 = 2018. 1358; CIL. VI. 41225 = IDRE. 14 = AE. 1979. 18). Подобный факт позволяет предположить, что *consularis trium Daciarum* мог заставить в Дакии убийство правящего семейства, после чего его карьера (или вовсе жизнь) была прервана, поскольку он был крайне лояльным к императорской династии аристократом [18, s. 226–227].

Legatus Augusti pro praetore (после Дакии)

После службы в римской Дакии лишь для тр`х сенаторов известны дальнейшие назначения:

а) Квинт Аврелий Пол Теренциан – *proconsul provinciae Asiae* (200–201/202 гг.);

б) Луций Марий Перпетуй – *proconsul provinciae Asiae* или *Africae* (218–219 гг.);

в) Марк Куспидий Фламиний Север – *legatus Augusti pro praetore provinciae Cappadociae* (238–239/240 гг.).

Таким образом, среди наместников Дакии в 193–235 гг. фиксируются максимально приближенные к императорской династии персоны. Столь ценное доверие к сенаторам со стороны правителей обусловлено как родственными связями, так и дружбой, в том числе на основании происхождения из

африканских и восточных провинций. Последнее наблюдение говорит об кооптации провинциальных элит в верхнее звено системы управления римским государством в конце II – первой трети III вв. н.э. Карьерный путь римских деятелей в указанный выше период, разобраный на примере наместников «трёх Дакий», соответствует общей тенденции занятия должностей, но в тоже время отличается от порядка, который был установлен в период ранней Империи.

Список литературы:

1. Дементьева, В. В. Квесторские provinciae за пределами Италии / В. В. Дементьева // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2011. – №14 (76). – С. 11–27.
2. Колосовская, Ю. К. Римский наместник и его роль во внешнеполитической истории Дакии / Ю. К. Колосовская // Вестник древней истории. – 1988. – №4 (187). – С. 20–36.
3. Попов, М. В. Отряды и вексиляции римских легионов Дакии: дислокация и функции / М. В. Попов // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2006. – Вып. 16. – №1. – С. 55–64.
4. Телепень, С. В. Провинциальные наместники в системе военного командования ранней Римской империи / С. В. Телепень // Гуманитарные и юридические исследования. – 2022. – Т. 9 (3). – С. 448–454.
5. Филимонов, Н. А. Римская провинция Дакия: административное устройство и управленческий аппарат: дисс. ... канд. ист. наук / Н. А. Филимонов. – Ярославль, 2023. – 378 с.
6. Bennett, J. The Legio XXX Ulpia Victrix Pia Fidelis and Severus' expeditiones Asiana and Mesopotamena // Archäologisches Korrespondenzblatt. – Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. – 2008. – Bd. 38. H. 4. – P. 543–549.
7. Birley, A. R. Septimius Severus. The African Emperor / A. R. Birley. – Routledge, 2002. – 292 p.
8. Cameron, A. The Antiquity of the Symmachi / A. Cameron // Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte. – 1999. – Bd. 48. H. 4. – P. 477–505.
9. Davenport, C. Cassius Dio and Caracalla / C. Davenport // The Classical Quarterly. – 2012. – Vol. 62. №2. – P. 796–815.
10. Eck, W. Miscellanea prosopographica / W. Eck // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. – 1981. Bd. 42. – S. 227–256.
11. Mennen, I. Power and Status in the Roman Empire, AD 193–284 / I. Mennen // Impact of Empire. Vol. 12. – Leiden: Brill, 2011. – 305 p.
12. Okoń, D. Caracalla and his collaborators / D. Okoń // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. – 2013. – №13. – P. 253–262.
13. Okoń, D. Military Tribune in the Careers of Roman Senators of the Severan Period. Part 2: Special distinction (dona militaria, adlectiones, commendatio Augusti) / D. Okoń // EOS. Commentarii Societatis Philologiae Polonorum. – 2020. – Vol. 107. – P. 127–152.
14. Okoń, D. Senatorial Cursus Honorum in the Period of the Republic and in the Early Empire. A Selected Issues / D. Okoń // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. – 2016. – №16-2. – P. 97–118.
15. Opreanu, C. H. Relationship of temples of Deus Invictus Serapis at Sarmizegetusa and of Apollo at Tibiscum with emperor Caracalla / C. H. Opreanu // Studia Universitatis Babeş-Bolyai. Istoria. – 2016. – Vol. 61. №1. – P. 82–101.
16. Pflaum, H.-G. Sur les guerres du Danube à l'époque de Marc Aurèle, d'après une inscription récemment découverte de Diana Veteranorum en Numidie / H.-G. Pflaum // Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. – 1956. – Vol. 100. №1. – P. 19–23.
17. Piso, I. Fasti provinciae Daciae I. Die senatorischen Amtsträger. / I. Piso / Antiquitas: Abhandlungen zur alten Geschichte. – Bonn: Habelt, 1993. – 339 s.

Список сокращений:

AE – L'Annee Epigraphique
CIL – Corpus Inscriptionum Latinarum
EDCS – Epigraphik-Datenbank Clauss-Slaby
IDR – Inscriptiones Daciae Romanae
IDRE – Inscriptiones Daciae Romanae extra fines
IGLS – Inscriptions Grecques et Latines de la Syrie
ILD – Inscriptiī latine din Dacia

18. Piso, I. Maximinus Thrax und die Provinz Dazien / I. Piso // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. – 1982. Bd. 49. – S. 225–238.
19. Sauer, E. Milestones – misunderstood stone monuments: displays of loyalty in times of instability / E. Sauer // Ancient Society. – 2014. – Vol. 44. – P. 257–305.
20. Syme, R. The Roman Revolution / R. Syme. – Oxford: Oxford University Press, 1939. – 568 p.
21. Tomlin, R.S.O. The Prefect of the Misene Fleet in 218: A Note to "RMD" III 192 / R.S.O. Tomlin // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. – 2005. – Bd. 154. – P. 271–274.
22. Wheeler, E. L. Roman fleets in the Black Sea: mysteries of the classis Pontica / E. L. Wheeler // Acta Classica. – 2011. – Vol. 55. – P. 119–154.
23. Żyromski, M. The patterns of promotion within the roman army and administration – patronage versus experience and specialization / M. Żyromski // Tyragetia. Serie Nouă. – 2009. – Vol. 3. №1. – P. 277–283.

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

УДК 351.741; 98

А. Д. Фомин, А. В. Штепа

**ИЗ ИСТОРИИ СУДОПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ПРАКТИКИ КАЛУЖСКОГО
ОКРУЖНОГО СУДА В ОТНОШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ
ПРАВОСЛАВНОЙ ВЕРЫ, «ЧЕСТИ И ЦЕЛОМУДРИЯ ЖЕНЩИН»
(НА ПРИМЕРЕ ДЕЛА ОБ ОСКОПЛЕНИИ 1868 ГОДА)**

Используемые в статье архивные материалы, извлечённые из фонда № 6 «Калужский окружной суд Московской судебной палаты» Государственного архива Калужской области, представляют собой бесценный источник для изучения повседневной жизни и функционирования Калужского окружного суда после проведенной судебной реформы 1864 года. Эти документы открывают уникальную возможность не только увидеть изнутри работу сотрудников судебного ведомства, но и проанализировать их взаимодействие с местным населением, другими государственными институтами, а также исследовать внутренние механизмы и социальные проблемы того времени. По мимо этого в статье подробно проанализированы применяемые судом механизмы юридической техники в части совокупности приговоров, применяемые в отношении обвиняемых в таком преступлении, как оскотление, связанном с одной стороны с преступлением против личности – «чести и целомудрия женщин», а с другой – с преступлением против православной веры, поскольку возникал правовой вопрос о совращении православных в секту скопцов. Исторически детализированные сюжеты, описанные в статье, позволяют сформировать представление о достаточно многогранной (в плане расследования преступлений) деятельности Калужского окружного суда в 60-х гг. XIX века.

Ключевые слова: скопцы; изуверная секта; «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» 1845 г.; Российская империя; Калужская губерния; Калужский окружной суд; 1860-е гг.

D. Fomin, A. V. Shtepa

**FROM THE HISTORY OF JUDICIAL PRACTICE OF THE KALUGA DISTRICT COURT
IN RELATION TO CRIMES AGAINST THE ORTHODOX FAITH, «HONOR AND CHASTITY
OF WOMEN» (ON THE EXAMPLE OF THE CASTRATION CASE OF 1868)**

The archival materials used in the article, extracted from the collection No. 6 «Kaluga District Court of the Moscow Judicial Chamber» of the State Archive of the Kaluga Region, are an invaluable source for studying the daily life and functioning of the Kaluga District Court after the judicial reform of 1864. These documents provide a unique opportunity not only to see the work of the judicial department staff from the inside, but also to analyze their interaction with the local population and other government institutions, as well as to explore the internal mechanisms and social problems of that time. In addition, the article analyzes in detail the mechanisms of legal technique used by the court in terms of the totality of sentences applied to those accused of such a crime as castration, related on the one hand to a crime against the person – «honor and chastity of women», and on the other – to a crime against the Orthodox faith, since there was a legal issue of seduction. Orthodox Christians in the sect of Eunuchs. The historically detailed plots described in the article allow us to form an idea of the rather multifaceted (in terms of crime investigation) activities of the Kaluga District Court in the 60s of the XIX century.

Keywords: The Eunuchs, a fanatical sect; «Code of Criminal and Correctional Punishments» 1845; Russian Empire; Kaluga province; Kaluga District Court; 1860s.

В современных исследованиях вполне справедливо отмечается, что на сегодняшний день значимой государственной проблемой является вопрос об эффективном противодействии на основе закона религиозным (псевдорелигиозным) объединениям, осуществляющих деятельность, сопряжённую с преступными посягательствами на различные

общественные отношения [1, с. 124]. В историческом контексте таковыми были различного рода секты, в том числе скопцы, относившиеся не только к еретически вредным сектам, но, что особенно важно, к так называемым изуверным сектам. Нужно уточнить, что правовая ответственность за участие в таких сектах регулировалась статьями «Уложения о

наказаниях уголовных и исправительных», отнoсившихся ко второму отделению «О ерeсях и расколах» главы 2 («Об отступлении от веры и постановлений церкви») второго раздела «О преступлениях против веры и о нарушении ограждающих оную постановлений» [1, с. 124].

Скопцам была посвящена ст. 212 «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» в редакции 1845 г., согласно которой наказание раскольникам - сектантам предусматривалось за сам факт принадлежности к подобным объединениям. С точки зрения законодателя факт вступления в такого рода секты влѣк за собой, как правило, и приобщение к «изуверской» деятельности [4]. В редакции «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» 1885 г. по ст. 203, регулировавшей применение наказания скопцы должны были быть лишены всех прав состояния и отправлены *«из всех мест в отдалѣнный край Восточной Сибири, с поручением их строжайшему надзору тамошнего гражданского начальства»* [7, с. 194].

Следует отметить, что в дореволюционной юридической литературе содержатся разные подходы к классификации такого рода преступлений. К примеру, для определения наличия состава преступления, выражающегося в оскoплении других лиц, не требовалось, чтобы повреждение половых органов достигало предполагаемой цели, т. е. лишения способности к половому совокуплению и к воспроизведению потомства. Дореволюционные юристы считали достаточным наличие самого факта повреждения чужих половых органов по «заблуждению фанатизма». В отношении оскoплений женщин указывалось: *«не нужно непременно вырезывание яичника, а достаточно обрезания больших или малых губ»* [Цит. по: 1, с. 125].

11 августа 1867 г. к исполняющему должность прокурора Калужского окружного суда явились три крестьянки – Мария Андреевна Балашева, Агафья Павловна Новикова, Мария Даниловна Комонова, заявившие, что года три назад (1864 г.) в разное время встретились в пути с двумя женщинами, и были ими оскoплены. Балашева (в обвинительном акте Андреева – Авт.) была подвергнута противоправному действию на большой дороге из Козельска в Калугу, недалеко от Козельска, на третий день после праздника Успения Пресвятой Богородицы (празднуется в православии

15 августа по юлианскому календарю), а две последние на дороге из Козельска в Белев в 10 верстах от Козельска. Оскoпление было совершено после испития воды, предложенной встреченными женщинами, когда пострадавшие «сделались без памяти».

Изначально пострадавшие, стыдясь произошедшего, не заявляли публично об этом, но узнав, что в Калужском тюремном замке содержатся женщины, состоящие под судом за оскoпления, изъявили желание увидеть их для возможного опознания [2, лл. 2, 43–44]. В обвинительном заключении, составленном на основе медицинского освидетельствования М.А. Балашевой, А.П. Новиковой, М.Д. Комоновой калужским городским врачом 12 августа 1867 г., указывалось на отсутствие у потерпевших груди («отрезаны») и существенное повреждение женских половых органов (*«недостаток клитора, вместе с соединяющимся с ним складками малых детородных губ, которые отсечены»*) [2, лл. 3–4об.].

11 августа судебный следователь г. Калуги предъявил Балашевой, Новиковой, Комоновой, подозреваемых в преступлении, среди которых пострадавшие узнали крестьянок дер. Нагаево (ныне не существует, упразднена в 2013 г. - Авт.) Чернского уезда Тульской губернии Василису Никаноровну Самонину (30 лет) и Матрену Тимофеевну Юдичеву (38 лет), как на своих оскoпительниц [2, л. 6].

Самонина и Юдичева сознаваясь в оскoплении Балашевой, Новиковой и Комоновой, объяснили подробности совершения преступления, однако не могли точно сказать место и дату его совершения, поскольку они на протяжении четырёх лет оскoпили многих женщин и девушек, без их согласия, по научению неизвестного странника, который сказал им, что *«это необходимо для спасения души и снабдил их водою и ножом»* [2, лл. 7, 8].

1 сентября 1867 г. к судебному следователю г. Калуги обратились ещё две крестьянки - Акси́нья Фёдоровна Полунина и Лукерья Изотовна Андреева. При этом Полунина заявила, что была оскoплена в 1865 г. в преддверии праздника Св. Троицы двумя неизвестными женщинами когда шла на богомолье в Калужский уезд, а Андреева была оскoплена, «другой год тому назад» (т.е. – в 1864 г. – Авт.) когда шла на богомолье в Козельск к празднику Успения Пресвятой Богородицы [2, л. 9]. Калужский городской врач, освидетельствовавший потерпевших 3 сентября 1867 г.

констатировал у обеих отсутствие груди [2, л. 23].

Судебный следователь г. Калуги провёл процедуру опознания заключённых в Калужском тюремном замке женщин, поочередно вводя потерпевших в каждую женскую камеру, в одной из них пострадавшие указали на Самонину и Юдичеву, как на своих оскотипительниц [2, л. 4]. Нужно сказать, что Самонина и Юдичева не стали отрицать факта совершения ими преступления в отношении Полуниной и Андреевой как оскотипленных ими, «в числах других, над коими они совершили это преступление» [2, л. 6].

Следует подчеркнуть, что Самонина и Юдичева ранее были судимы за оскотипление крестьянок Алдошиной и Емельяновой и по решению Калужской палаты уголовного и гражданского суда на основании статей 19 и 201 «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных от 15 августа 1845 г.» приговорены к наказанию по 4-й степени ст. 19 «в виде лишения всех прав и состояний и ссылки в каторжные работы на заводы» [6, с. 4]. Решение это обвиняемым объявлено, но не было приведено в исполнение, поскольку возникли новые обстоятельства.

Учитывая изложенные обстоятельства, факты того, что ранее судимые Василиса Никаноровна Самонина и Матрена Тимофеевна Юдичева сознались в совершении новых преступлений, подтверждённых медицинскими заключениями и показаниям потерпевших, прокурор Калужского окружного суда, признавая вину Самониной и Юдичевой в оскотиплении «по заблуждению фанатизма» крестьянок Марии Комоновой, Марии Балашевой, Лукерьи Андреевой, Агафьи Новиковой, Аксиньи Полуниной, т. е. в преступлении, предусмотренном ст. 201 «Уложения...» (издание 1866 г.), согласно ст. 213 «Устава уголовного судопроизводства» (далее – УУС), определил «передать их суду при участии присяжных заседателей» [2, л. 44 об.].

В январе 1868 г. Калужским окружным судом предложение товарища прокурора от 17.01.1868 г. за № 281 было получено вместе с обвинительным актом, списком лиц, вызываемых в судебное заседание и копией с определения Московской судебной палаты и рассмотрено с участием присяжных заседателей. Суд определил «согласно с заключением товарища прокурора... дать этому делу дальнейший ход в установленном порядке» [2, л. 46].

13 июня 1868 г. с 11 часов утра с участием присяжных заседателей проходило судебное заседание по делу об арестантке Василисы Самониной, обвинявшейся в оскотиплении 5 женщин. При этом в суд не явились, кроме ранее исключённых из списка 30 присяжных заседателей, 4 заседателя, из которых лишь гражданин Шагин «удостоверил своё отсутствие свидетельством врача при полицейском чиновнике, составленном на соответствующей гербовой бумаге». Неявку Шагина признали законной и штрафа не подвергли [2, л. 105об.]. Вместо не явившихся 4 заседателей были вызваны заседатели из списка запасных.

Процедура проведения судебного заседания выглядела следующим образом. Общим сторонам, согласно ст. 656 УУС 1864 г. [5, с. 241] было предложено исключить присяжных заседателей. Прокурор это сделать отказался, а защитник исключил 12 человек, оставив 18 кандидатур. Далее согласно ст. 658 «Устава.» из числа неотведённых кандидатур по жребию назначались для решения дела 12 «комплектных» и двое запасных присяжных заседателей [5, с. 241, 242]. Далее были вынуты 14 билетов и в строгой очередности, по которой вытягивали билеты заседатели, они были занесены в особый список [2, л. 106.]. Именно эти лица, занесённые в список секретарём, были приведены к обряду присяги согласно ст. 666 «Устава Уголовного судопроизводства» [5, с. 244].

Председательствующий пояснил 12 присяжным, что они могут войти в состав присутствия, а остальные двое будут являться запасными и смогут войти в состав присутствия только по выбытии кого-то из основных присяжных заседателей.

Следует подчеркнуть, что дело рассматривалось в закрытом судебном заседании до заключительных прений на основании п. 3 ст. 620 УУС, вводившего исключение из публичности в отношении преступлений «против чести и целомудрия женщин» [5, с. 229].

Затем секретарь судебного заседания зачитал обвинительный акт, а председательствующий пояснил присяжным заседателям, что обвиняемая Юдичева, упоминаемая в обвинительном акте, умерла, поэтому в заседании суда участвует только обвиняемая Самонина, которая на вопрос председательствующего о признании себя виновной в инкриминируемых преступлениях ответила утвердительно.

На основании ст. 680 УУС подсудимой

были заданы вопросы, относящиеся к обстоятельствам дела [5, с. 247], заслушаны ответы. После этого ставился вопрос о проведении судебного следствия, против которого возражал прокурор, в связи с тем, что сознание подсудимой в преступлении не вызывает никакого сомнения.

Вызванные в зал заседания свидетельницы, которым было указано, что они должны «говорить всё, что им известно по делу..., не применяя тех обстоятельств посторонних и не повторяя слухов, неизвестно от кого исходящих», были приведены к присяге [2, л. 107].

По требованию прокурора были прочитаны свидетельства врача об осклоплении Комоновой и Полуниной, ранее заслушанных по данному вопросу. И только после этого в зал суда была допущена публика и перешли к заключительным прениям.

Прения состояли из обвинительного акта товарища прокурора и речи стороны защиты. Подсудимой было предоставлено последнее слово. После чего председательствующий проинструктировал присяжных заседателей об обстоятельствах дела и законах, относящихся к определению свойства рассматриваемого дела, напомнив, что они должны определить виновность или невиновность подсудимой, исходя из внутренних побуждений, основанных на обсуждении «в совокупности всех обстоятельств дела и что в случае осуждения, если обстоятельства такие имеются могут признать подсудимую, заслуживающую снисхождения». После этого присяжные заседатели удалились в совещательную комнату [2, л. 108об.].

Возвратившись в зал суда, старшина присяжных заседателей прочитал ответ, в котором подсудимая признавалась виновной, передав вопросный лист председательствующему и заверив его своей подписью. Затем товарищ прокурора сделал своё заключение о наказании и других последствиях виновности, заслушав мнение защитника относительно наказания подсудимой, спросил об имеющихся замечаниях и возражениях, после чего судьи для постановления резолюции удалились в особую комнату. По возвращении судей в зал заседания, председательствующий провозгласил резолютивную часть Суда. Заседание закрылось в 1 час 30 минут [2, л. 109].

Следует сказать, что по ст. 201 «Уложения о наказаниях уголовных и

исправительных от 15 августа 1845 г.» за осклопление других «по заблуждению фанатизма, хотя и без употребления насилия», виновные в том раскольники приговаривались «к лишению всех прав состояния и к ссылке в каторжную работу на время от четырех до шести лет» [5, с. 151].

По приговору окружного суда Василиса Самонина, 30 лет, лишалась «всех прав состояния», подлежала ссылке на заводские каторжные работы сроком на шесть лет, по окончании которого ей назначалось пожизненное поселение в Сибири. При этом суд сослался на приговор от 31 августа 1867 г. Калужской палаты уголовного и гражданского суда, которым Самонина уже была осуждена на лишение всех прав и состояний и ссылку в каторжные работы на заводах по 4-й степени ст. 19 «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» [6, с. 4], но поскольку приговор этот исполнен ещё не был, то по анализируемому делу, следующее подсудимой наказание должно было быть назначено на основании ст. 152 «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных от 15 августа 1845 г.» по правилам о совокупности преступлений. Причём к рассматриваемому случаю применяется п. 1 ст. 152, согласно которому подсудимая должна быть «приговорена к тяжчайшему из следующих ей наказаний в самой высшей оного мере» [6, с. 32], т.е. быть лишённой всех прав состояния, сосланной в работы на заводах на шесть лет «с поселением её по окончании этого срока навсегда в Сибири», на основании ст. 25 указанного «Уложения о наказаниях...» [2, л. 110; 6, с. 31, 32].

Обратим внимание, что в рамках рассмотрения данного дела об осклоплении в судебных структурах решался и вопрос о том, чтобы подвергнуть подсудимую Самонину обряду публичной казни за совершённое деяние после вынесенного приговора суда от 13 июня 1868 г. Но поскольку данный обряд публичной казни над крестьянкой Самониной судимой за осклопление двух женщин был уже осуществлён согласно решению Калужской палаты уголовного и гражданского суда от 31 августа 1867 г., то его повторно посчитали проводить неправомерным [2, л. 116]. Так окружной суд правильно подчеркнул двойственность наказания в том случае, если бы подсудимая была дважды подвергнута публичной казни за приговор, вынесенный ей по совокупности совершённых преступлений.

Принимая во внимание, что Самонина предана суду за схожее преступление Калужской палатой уголовного и гражданского суда и присуждена к такому же наказанию какое ей предъявлены палатой, назначенное Калужским окружным судом наказание по совокупности, за которое она была уже осуждена Уголовной палатой, так и за то, которое рассматривалось в окружном суде, нам кажется правильным и логичным. При рассмотрении дел суды могли бы ходатайствовать о Высочайшем соизволении на пересмотр вступившего в силу приговора (по ст. 415 УУС. Это могло значительно усложнить процедуру принятия решения при возникновении совокупности преступлений.

Так сначала суд должен был пересмотреть уже вступившее в законную силу решение суда, а только потом вынести новое решение. Ст. 152 «Уложения о наказаниях ... от 15 августа 1845 г.» [6, с. 32] не требовала пересмотра уже вынесенных приговоров. Ссылка суда на ст. 152 указанного «Уложения...» правомерна, что подтверждается и Циркуляром Министра юстиции от 15 сентября 1865 г. (№ 16027) [3, с. 9].

В циркуляре, в частности говорилось, что в судебных инстанциях на местах часто возникают «недоумения» относительно применения ст. 152 в случае, «когда до приведения в исполнение окончательного судебного решения над осужденным обнаруживается новое преступление, которое на момент постановления того решения не было известно суду». И тогда из региональных судов поступает запрос о возможности пересмотра вступивших в законную силу, но ещё не приведенных в исполнение решений, «приводя в основание то обстоятельство, что, согласно указанной статье (ст. 152 – Авт.), наказание за оба преступления должно быть определено по правилам о совокупности преступлений».

Циркуляр Минюста достаточно чётко разъяснил, что на основании изложенных в ст. 152 правил, «виновный в нескольких противозаконных действиях подлежит наиболее тяжкому из назначенных за совершенные им преступления наказаний», поэтому для определения виновному наказания следует лишь принять во внимание состоявшийся о нём прежний приговор и затем новым решением, в соответствии со ст. 152 «Уложения о наказаниях», либо оставить в силе определенное ему прежним приговором наказание, либо

назначить ему иное наказание, более тяжкое по роду, степени или мере. Если при этом постановлении приговора суд установит, что «данное преступление совершено до вынесения приговора по другому делу в отношении того же лица, он должен применить правила о совокупности преступлений, а не назначать наказание отдельно за каждое деяние».

Любопытно, что после разрешения споров о наказании было подано прошение Василисы Самониной, в котором она просила суд выдать ей копию решения окружного суда по делу об осклоплении пяти женщин и «предложить бывшему защитнику ее по сему делу Левицкому возвратить ей заплаченные ему деньги восемь рублей так как он дав обещание исходатайствовать ей копию решения и написать апелляционную жалобу, ни того ни другого не сделал». Суд копию выдал, а просьбу, касающуюся защитника, оставил без последствий, указав, что он был выбран подсудимой Самониной и живой ещё на момент подготовки к судебному рассмотрению Юдичевой (прошение о назначении защитника было подано 22 февраля 1868 г. – Авт.), самостоятельно, в виду отсутствия при суде надёжного адвоката [2, лл. 52, 122]. Следует признать, что взявшийся защищать Самонину бывший студент Московского университета Иван Левицкий проявил себя далеко не лучшим образом. Отработав, что называется «для галочки», он даже не удосужился написать жалобу на решения суда первой инстанции, тем самым лишив Самонину права на обжалование. Разумеется, в дальнейшем сама жалобу она не подавала. Заслуживает внимание и тот факт, что сразу после заседания одна из крестьянок обратилась к председательствующему для получения справки об её насильственном осклоплении [2, лл. 103], поскольку согласно ч. 2 ст. 201 «Уложения о наказаниях. » предусматривалось наказание и за осклопление самого себя, «изобличенный в оном подвергается к лишению всех прав состояния и ссылкой в Сибирь» [6, с. 47].

В дальнейшем Калужский окружной суд даже рассматривал в распорядительном заседании, представление судебного следователя Тульского окружного суда по Белёвскому уезду, в котором изъяснялось, что осклопленная мещанка Марья Комонова обвиняемая в покушении на соращение в скопческую секту крестьянской девицы, заявила, что в отношении осклопления её самой производилось дело

в Калужском окружном суде, что она уличила одну из женщин насильственно её оскотлив-шую, но «что дело это кончено, не знает, причём в подтверждение своих слов представила две повестки, которыми она вызывалась в Окружной суд в качестве свидетельницы по делу». В связи с павшим на Комонову подозрением следователь просил Калужский Окружной суд сообщить какое участие она принимала в судебном разбирательстве, «уличала ли она из означенных двух женщин которую либо как виновную в насильственном своём оскотлении и потому может ли быть свободной от подозрения по своему самому оскотлению». Такая справка Калужским окружным судом была выдана [2, лл. 129-130].

Таким образом, в пореформенной России с известной долей периодичностью возбуждались дела, связанные с привлечением к ответственности «по заблуждению фанатизма». В данном же случае «фанатизм» приобрёл крайне радикальную форму, и по его убеждениям были совершены обряды оскотления, которые являлись по представлениям того времени «жуткими» и при этом крайне болезненными, приводящими к тому же к невозможности деторождения. Интересно, что в случае оскотления нормы права того времени не разграничивали насильственное, или ненасильственное оскотление, это может быть

связано с тем, что на этапах предварительного следствия выяснение данного момента было крайне сложным, поскольку лицо, привлекаемое к ответственности в любом случае, могло говорить о своём насильственном оскотлении. Полагаем, что насилие при проведении обряда оскотления должно было рассматриваться отдельно по иным статьям «Уложения о наказаниях», в самой статье 201 квалифицирующих признаков касательно насильственного характера не имеется. Таким образом, законодатель не предусматривал усиленную ответственность за насильственный характер оскотления.

В данном деле было проанализировано поведение самих оскотительниц, которые делали эти обряды, по их словам, сотни раз, интересно, что с обвинениями они были согласны, вину признали, но при этом всё равно упорно настаивали на защитнике, которого сами нашли и привлекли к участию в процессе. Но как показывается в статье, особых результатов это не дало, а действия защитника по обжалованию решения не были совершены. Исходя из материалов дела тульского следователя, можно сделать вывод, что оскотленные тоже «по убеждениям фанатизма» продолжали приманивать людей пытаясь их оскотлить.

Список литературы:

1. Александров, И. А. Ответственность скопцов согласно Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года / И.А. Александров // Христианское чтение. – 2018. – № 4. – С. 124–132.
2. Государственный архив Калужской области. Ф. 6. Оп. 3. Д. 7.
3. Сборник циркуляров и инструкций Министерства юстиции: Ч. 1.: С 1 января 1865 по 31 декабря 1877 г. – СПб., 1878. – 1018 с.
4. Секирин, А. А. Конфессиональная политика государства в отношении сектантства и старообрядчества в Российской империи во второй половине XIX – начале XX веков / А. А. Секирин // Молодой ученый. – 2016. – № 1 (105). – С. 600–612.
5. Судебные уставы 20 ноября 1864 года: с изложением рассуждений, на коих они основаны. Ч. 2: Устав уголовного судопроизводства. – 2-е изд., доп. – СПб.: Типография 2-го отделения СЕИВК, 1867. – [3], VII, XXV, 523 с.
6. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных (1846) — Высочайше утвержденное Уложение о наказаниях уголовных и исправительных от 15 августа 1845 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XX. Отделение I. – СПб., 1846. № 19283.
7. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных (1892) — Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. Издано Н. С. Таганцевым. 7-е изд., пересмотр. и доп. – СПб., 1892. – 799 с.

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

УДК 351.741; 98

*А. Д. Фомин, А. В. Штепа***ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОГО ОБЩЕСТВА СУДЕБНОГО
ВЕДОМСТВА В КАЛУЖСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

В статье на основе архивных материалов, извлечённых из фонда № 6 «Калужский окружной суд Московской судебной палаты» Государственного архива Калужской области, изучаются некоторые аспекты благотворительной деятельности и корпоративной социальной поддержки, в которых участвовали сотрудники судебных структур Калужской губернии в начале XX столетия. Изучение данных аспектов позволяет рассмотреть моральную составляющую сотрудников судебного ведомства, в первую очередь Калужского окружного суда, проанализировать количество служащих, принимающих участие в делах благотворительности. С другой стороны, изученные материалы показывают, кому именно выделялись средства из благотворительного фонда. В данной статье анализируются причины участия сотрудников судебной структуры в составе Благотворительного общества. Приведены исторически детализированные сюжеты, помогающие составить социальный портрет лиц, нуждавшихся в оказании социальной поддержки. Помимо этого, проанализирован механизм сбора средств, а также поощрения для лиц, участвовавших в благотворительности.

Ключевые слова: Российская империя; Калужская губерния; Калужский окружной суд; служащие; Благотворительное общество; социальная поддержка; начало XX века.

*A. D. Fomin, A. V. Shtepa***ACTIVITIES OF THE JUDICIAL CHARITY SOCIETY DEPARTMENTS IN THE
KALUGA PROVINCE AT THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY**

Based on archival materials extracted from the fund No. 6 "Kaluga District Court of the Moscow Judicial Chamber" of the State Archive of the Kaluga Region, the article examines some aspects of charitable activities and corporate social support in which employees of judicial structures of the Kaluga Province participated at the beginning of the 20th century. The study of these aspects allows us to consider the moral component of the staff of the judicial department, primarily the Kaluga District Court, to analyze the number of employees involved in charity affairs. On the other hand, the materials studied show to whom exactly the funds from the charitable foundation were allocated. This article analyzes the reasons for the participation of judicial staff in the Charitable Society. Historically detailed plots are presented that help to create a social portrait of people in need of social support. In addition, the fundraising mechanism was analyzed, as well as incentives for individuals who participated in charity.

Keywords: Russian Empire; Kaluga province; Kaluga District Court; employees; Charitable society; social support; early 20th century.

В Фонде 6 «Калужский окружной суд» Государственного архива Калужской области нами был найден интересный документ, датированный 2 мая 1903 г, представляющий собой официальное письмо Московского окружного правления Благотворительного общества судебного ведомства (далее – Общества), адресованное Председателю Калужского окружного суда.

Нужно сказать, что Благотворительное общество судебного ведомства представляло собой организацию, помогающую нуждающимся судебным чинам, вдовам и сиротам

юристов, отражая таким образом механизм корпоративной взаимопомощи в дореволюционной судебной системе. Данное общество действовало под покровительством императрицы Марии Фёдоровны, известной своей благотворительной деятельностью [12].

Поступившее в адрес председателя Калужского окружного суда прошение содержало следующий текст: «На основании п. 7 Инструкции для окружных правлений Благотворительного общества судебного ведомства направляется подписной лист № 4 с просьбой: привлечь как можно больше чинов судебного

ведомства (судей, прокуроров, адвокатов и др.) к участию в благотворительной деятельности; собрать членские взносы или единовременные пожертвования» [5, л. 3]. При этом подписные листы должны были быть выданы кому-либо из чиновников судебного ведомства (по усмотрению председателя). Также необходимо было сообщить ФИО, должность и место жительства лица, ответственного за сбор средств, для внесения в учётные записи общества. Далее данное прошение было разослано для предоставления лицам судебного ведомства в уездах [5, л. 12].

Таким образом стать участником благотворительного общества мог стать любой служащий по судебному ведомству человек независимо от должности и чина, внёсший членские взносы в размере 5 рублей. Известно, что судебный пристав по Мещёвскому уезду Бодичев внёс взнос в размере 5 руб. в 1908 г. [5, л. 21], а судебный пристав Виноградов в 1914 г., также уплатил членский взнос в размере 5 рублей [6, л. 41].

Согласно списку членов Благотворительного общества судебного ведомства Калужского округа за 1908 год в нём состояли: председатель суда – Павел Петрович Добрынин, один из двух заместителей председателя – Александр Александрович Попов, один член окружного суда – Михаил Иванович Орлов; 7 уездных членов суда из 11; 5 городских судей из 124 6 судебных следователей из 17; 4 судебных пристава и 5 нотариусов без участия старшего нотариуса [6, л. 45]. Эти сведения позволяют сделать вывод о добровольности участия в данном благотворительном обществе, поскольку не все служащие судебной системы принимали участие в делах благотворительности, так, например, товарищ (заместитель) председателя суда В.Я. Купреянов не значился в членских списках, хотя на тот момент уже занимал должность председателя [9, л. 4]. Нотариус Калужского окружного суда И. И. Михайловский ни разу не вносил членские взносы и не принимал участие в благотворительной деятельности в рамках данного общества, написав заявление о нежелании состоять членом общества на все последующие годы [6, л. 33].

Помимо членских взносов поступали и отдельные пожертвования от: нотариуса г. Сухиничи Василия Кузьмича Шишлина – 2 руб. 84 коп., городского судьи Тарусы – 2 руб., что также показывает факт добровольного

участия в благотворительной деятельности. За 1908 год было собрано 154 руб. 84 коп. [4, л. 45], а за 1914 г. – 120 руб. [6, л. 54]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что состав благотворительного общества был динамичен. Подписные листы, полученные ранее от Московского окружного правления Благотворительного общества, а также список членов Общества по своему судебному округу, финансовый отчёт, собранные членские взносы отправлялись в Москву в правление общества для дальнейшего распределения между всеми служащими судебной системы империи. Из суммы собранных денежных средств удерживалась стоимости пересылки [6, л. 43].

Стоит подчеркнуть, что в рамках деятельности благотворительного общества предполагались не только сборы, но и, например, новогодние и пасхальные визиты его участников к нуждающимся. При этом визиты могли заменяться отдельными денежными сборами [5, л. 6]. После 1907 г. визиты на регулярной основе заменялись денежными сборами. Данная инициатива была встречена судебными чинами с большим сочувствием, и в кассу общества, за вычетом расходов на публикацию списков жертвователей, с декабря 1907 г. по декабрь 1913 г. поступило 5499 руб. 30 коп. [6, л. 45]. Так в 1914 г. на основании § 5 Инструкции для окружных правлений Благотворительного общества судебного ведомства, в целях увеличения денежных средств общества, Московское окружное правление заменило традиционные праздничные визиты среди чинов судебного ведомства денежными сборами, предложив чинам судебного ведомства вместо предстоящих пасхальных визитов внести добровольные пожертвования (без ограничения их размера) на имя Секретаря правления в Канцелярию старшего Председателя палаты. Секретарь правления составлял алфавитные списки с указанием фамилий, имён и отчеств жертвователей для последующей публикации в одной из московских газет. Также указывалось о том, чтобы пожертвования поступили заблаговременно, дабы списки могли быть напечатаны 1 января 1915 года [6, л. 43].

Отметим, что любой служащий судебной системы, независимо от занимаемой должности и чина мог претендовать на помощь от данного общества. Так, согласно архивным материалам, председатель Калужского окружного суда 27 ноября 1908 г. обращался к председателю Московского

окружного правления Общества о помощи одному из служащих в Калужской губернии. Стоит подчеркнуть, что прошения в любом случае должны были пройти через председателя Калужского окружного суда, поскольку именно он знал реально положение своих подчинённых. Самостоятельно выделить денежные средства на нужды служащих калужское окружное отделение не могло, все деньги отправлялись в Москву, где и принималось окончательное решение.

Известно, что в 1915 г. председатель Калужского окружного суда ходатайствовал перед председателем Московского окружного правления Общества о назначении пособия семье бывшего судебного рассыльного по Тарусскому уезду, обер-офицерского сына Михаила Тимофеевича Голубинского. Жена Голубинского – Прасковья Фёдоровна Голубинская (45 лет), проживавшая в Тарусе, обратилась к председателю Калужского окружного суда с просьбой о назначении пособия своей семье ввиду крайне тяжёлого материального положения, поскольку её 55-летний муж, на тот момент находился уже в отставке и был полностью парализован, что лишало семью возможности заработка. Согласно документам, материальное положение семьи характеризовалось следующими обстоятельствами: единственный источник дохода – эмеритальная пенсия мужа в размере 43 руб. 56 коп. в год. При этом Прасковья Фёдоровна была вынуждена постоянно ухаживать за больным мужем, не имея возможности заниматься заработком. На иждивении у неё находились ещё три дочери: 23 лет (больная), 20 лет и третья – ученица Серпуховской гимназии, обучавшаяся на средства родственников. В семье был ещё сын, поступивший на момент подачи прошения на службу после окончания железнодорожного училища, но не способный ещё оказать материальную поддержку семье. Сама Прасковья Фёдоровна тоже была слаба здоровьем, никаких постоянных занятий не имела. Указанного размера ежегодной пенсии (43 руб. 56 коп. в год), конечно же не хватало для содержания семьи из пяти человек. На основании сведений о семье Голубинских, учитывая многолетнюю службу Голубинского в судебном ведомстве, полную потерю трудоспособности, отсутствие иных источников дохода, необходимость содержания трёх совершеннолетних дочерей, одна из которых была больна председатель Калужского окружного суда

ходатайствовал о назначении семье рассыльного единовременного пособия в размере 40 руб. из средств Благотворительного общества судебного ведомства [6, лл. 52–53]. Указанная сумма могла бы оказать существенную поддержку семье в текущем тяжёлом положении. Заметим, что подобное ходатайство от Голубинских подавалось ещё в 1908 году [4, л. 31]. Денежные средства в размере 40 руб. выделялись семье, но, разумеется, их оказалось мало для изменения ситуации кардинальным образом, и семья была вынуждена обратиться повторно уже в 1913 г. Полученные денежные средства от Благотворительного общества судебного ведомства позволили семье продержаться в тяжёлое время, но никак не изменили ситуацию.

Председателем Калужского окружного было также заявлено ходатайство о возобновлении пособия бывшему городскому судье А. Л. Розенштейну. Согласно ранее принятому решению Московского окружного правления Общества бывшему городскому судье 1-го участка г. Калуги, коллежскому советнику Александру Людвиговичу Розенштейну было назначено ежемесячное пособие в размере 10 рублей. Однако в течение некоторого времени получатель временно отказался от выплат, поскольку располагал иными источниками дохода. Впоследствии к 1908 году материальное положение Розенштейна резко ухудшилось: имеющиеся средства к существованию значительно сократились, тяжёлое заболевание лишило его возможности продолжать профессиональную деятельность и зарабатывать средства на содержание. Семья судьи оказалась в крайне стесненных материальных условиях. Учитывая прежние заслуги Розенштейна на судебной службе, его болезненное состояние, отсутствие возможности самостоятельно обеспечивать семью, временный характер кризисной ситуации, было заявлено ходатайство перед Обществом о возобновлении выплаты ежемесячного пособия и назначении дополнительной единовременной помощи в размере 50 руб. для преодоления текущих материальных трудностей. Указанная мера поддержки позволила бы семье бывшего судьи пережить сложный период и сохранить достойные условия жизни [4, л. 33].

В рамках деятельности Благотворительного общества судебного ведомства можно выделить несколько разных направлений по оказанию помощи нуждающемуся, одним из

которых была помощь в получении образования детям служащих.

Отметим, что на основании §5 Положения «Об образовании капитала имени статс-секретаря Николая Валериановича Муравьева в память завершения судебного преобразования по уставам Императора Александра II на всем пространстве Империи» от 20 декабря 1902 г. № 120. ст. 1343 старшие председатели судебных палат, по соглашению с прокурорами палат, ежегодно должны были сообщать Комитету Благотворительного общества судебного ведомства сведения о тех судебных чинах округа (в числе не более трёх лиц), которые *«наиболее нуждаются в назначении или продлении пособия на воспитание детей»* [10, с. 1956]. На основании этого старший председатель Московской судебной палаты 15 октября 1914 г. за № 2405 запросил служебной запиской председателя Калужского окружного суда сведения о наличии в Калужском округе нуждавшихся в данном пособии [6, л. 36]. В ответ на запрос председатель Калужского окружного суда Добрынин предоставил в Московскую судебную палату сведения о семейном и имущественном положении секретаря суда, титулярного советника М. И. Бычевского как наиболее нуждающегося из числа чинов судебного ведомства Калужского окружного суда [6, л. 39].

Следует сказать, что Моисей Иванович Бычевский представлял собой характерный пример чиновника судебного ведомства средней руки в провинциальной судебной системе Российской империи. Находясь на службе в Министерстве юстиции с 1 мая 1888 г., он занимал должность секретаря Калужского окружного суда с 26 мая 1904 г., его годовое содержание составляло 1500 руб., включая: жалованье – 900 руб., столовые – 300 руб., квартирные – 300 рублей.

Материальное положение чиновника осложнялось полным отсутствием иных источников дохода и недвижимой собственности, что было нетипично для лиц его ранга. Особую сложность представляло содержание многочисленной семьи – жены и 11 (!!!) детей, что в условиях военного времени (1915 г.) создавало исключительные финансовые трудности. Касательно образовательного статуса детей известно, что Леонтий (род. 22.01.1895) – обучался во 2-м классе Калужской духовной семинарии (бесплатно); Павел (род. 01.06.1897) – учился в 1-м классе Калужского

реального училища (плата – 40 руб./год; Илья (род. 18.07.1899) и Николай (род. 24.02.1901) – обучались во II-м классе гимназии Шахмагонова (плата – по 110 руб./год); Людмила (род. 25.08.1903) – в 1-й классе частной гимназии Шалаевой (плата – 60 руб./год); Анна (род. 12.03.1908) и Зинаида (род. 13.12.1910) – находились на домашнем воспитании; совершеннолетние дети: Лидия (род. 30.01.1888) и Зинаида (род. 09.06.1887) – в замужестве, Пётр (род. 22.12.1888) – служил подпоручиком 21-го Муромского пехотного полка (по состоянию на 1915 г. был в немецком плену); Константин (род. 28.10.1890) – служил подпоручиком 48-го Одесского полка в действующей армии. Особую проблему представляла просроченная оплата обучения – за 1914/1915 учебный год плата за всех детей ещё не была внесена. Семейная ситуация усугублялась военными обстоятельствами (два сына на фронте, один в плену) и необходимостью одновременного содержания шести несовершеннолетних детей учебного возраста [6, л. 39]. Исходя из сведений о положении секретаря суда, титулярного советника Бычевского можно сделать вывод о том, что он действительно при таком количестве детей никаким образом не мог без помощи, из казённого содержания выделять денежные средства на обучение детей, требовалось как минимум 320 руб. ежегодно.

В адрес председателя Калужского окружного суда поступали и другие прошения о назначении пособия на содержание детей, даже от товарища председателя суда, статского советника Виктора Яковлевича Куприянова [9, л. 16]. Согласно предоставленным сведениям Куприянов владел имением в Ярославской губернии, но по местным условиям хозяйства оно приносило ограниченный доход, не превышавший 600 руб. в год, никакими иными личными средствами он не обладал. Семья Куприянова состояла из его жены, детей – сына Сергея (род. 19.03.1895 г., для которого испрашивалось казённое содержание в училище), Якова (род. 12.09.1893) – ученика VII класса Императорского училища Правоведения; дочерей: Ольги (род. 11.05.1896 г.), Елизаветы (род. 07.04.1901 г.), Елены (род. 12.05.1908 г.). В материалах дела подчёркивалось, что одновременное воспитание четырёх детей при недостаточности собственных средств ставило статского советника Куприянова в крайне затруднительное материальное

положение, делая невозможным внесение платы за обучение сына Сергея [8, л. 16]. В ответ на прошение судебного чиновника было выдано свидетельство для представления в Императорское училище Правоведения при ходатайстве о зачислении его сына Сергея на казённый счёт в 7-й класс училища. Помимо этого, Куприянов получая дополнительные 75 руб. на воспитание дочери Ольги, должен был ежегодно отчитываться о состоянии дочери, а именно: продолжает ли она находиться на попечении отца, не вышла ли замуж, или не была ли определена в учебное заведение за казённый счёт? Данное пособие предполагалось выплачивать до достижения Ольгой возраста 21 года [9, л. 17]. Таким образом, получение пособия на содержание детей, а также обучение могло происходить и за счёт казны, а не только в рамках Благотворительного общества.

Полагаем, что обращение за получением помощи из казны, а не из капиталов благотворительного общества могло быть свойственно чиновникам судебного ведомства более высокого ранга. Так в адрес старшего председателя Московской судебной палаты Д.А. Живковича от председателя Калужского суда было направлено ходатайство о выплате пособия.

Другой товарищ председателя Калужского окружного суда – действительный статский советник А. А. Попов обращался в адрес председателя Калужского окружного суда П. П. Добрынина с просьбой об исходатайствовании ему пособия на лечение, который, в свою очередь, перенаправил прошение старшему председателю Московской судебной палаты, прося содействия о назначении Попову пособия в возможно большем размере. По мнению врачей у А. А. Попова диагностировался рак, на лечение которого требовались значительные расходы [6, л. 30об.]. По устоявшейся процедуре, исходя из сущности вертикали власти, после получения ходатайства о пособии от председателя Калужского окружного суда председатель Московской судебной палаты должен был заявить ходатайство перед министром юстиции. Но были случаи, когда с министерством юстиции напрямую взаимодействовал председатель Калужского окружного суда. Министерство юстиции уведомляло председателя Калужского окружного суда о некоторых выплатах особо нуждающимся, производившихся за счёт казны. Так, вдове надворного советника Надежде Поповой была с 25 декабря 1910 г. назначена пенсия из

государственного казначейства в размере 150 руб. Выплата производилась через жиздринское казначейство (уездный город Жиздра в Калужской губернии) [8, л. 5.].

В случае же если не возникали законные основания для предоставления пособий, или же требовались деньги сверх тех, которые уже выплачивались, то была предусмотрена возможность обратиться в Благотворительное общество судебного ведомства.

Между председателем Московской судебной палаты и председателем Калужского окружного суда в 1911 г. состоялась переписка, из которой следует, что статский советник О.К. Суворов, которой уже не состоял на момент написания заявления на службе в судебном ведомстве и которому уже была назначена установленная законом пенсия, нуждался в денежных средствах. За него в силу болезненного состояния обратилась его жена. Исходя из имеющихся сведений председатель Московской судебной палаты предлагал рассмотреть вопрос председателю Калужского окружного суда о рекомендации заявителю обратиться с просьбой о денежном пособии в Благотворительное общество, либо направить соответствующее ходатайство непосредственно министру юстиции [8, л. 19.].

Отметим, что перед исходатайствованием в высшие судебные инстанции, в Московское окружное правление Благотворительного общества о выделении казённых, или благотворительных денежных средств, Калужский окружной суд тщательно проверял сведения о нуждающихся, требуя справки о семейном положении, численности семьи, а в определённых случаях даже и медицинские заключения. Проверкам подвергались не только сведения касательно положения нуждающихся, но и основания для получения пособия. Так вдова коллежского секретаря Павла Никифоровна Добкина обратилась к председателю Калужского окружного суда с заявлением о получении пенсии, но в силу того, что её муж не находился на службе в течение установленного для получения пенсии срока и что сведениями, истребованными от врача не было установлено её болезненного состояния в назначении пенсии было отказано [8, л. 8.]. Интересно, что пенсии не могли назначаться лицам, которые, состоя в своё время на службе, находились за преступления по должности под судом и не были по суду оправданы. Об этом сообщал второй департамент

министерства юстиции, данные обстоятельства о службе также проверялись Калужским окружным судом [7, л. 41]. Но данные лица могли претендовать на выплаты от Благотворительного общества судебного ведомства.

Получить помощь из казны было довольно сложно из-за бюрократических трудностей, а также необходимо было соответствовать целому ряду условий. Получить выплату от благотворительного общества было в какой-то мере проще. Стоит заметить, что большой процент служащих вносил взносы для участия в делах благотворительного общества, так в 1908 г. согласно списку от общего числа служащих больше 50% от общего числа служащих эти взносы внесли [6, л. 45], и, хотя в 1914 г. количество служащих, пожелавших сделать взнос, сократилось до 35% [6, л. 57], тем не менее и эти цифры говорят о степени доверия Благотворительному обществу. Не без основания, можно предположить, что причиной такой вовлеченности в благотворительную деятельность было в первую очередь желание помочь сослуживцам, понимание их насущных проблем, материальных затруднений нуждающихся. Действительно материальное содержание низших чинов судебной системы было невелико. Можно в таком случае говорить об определённой устойчивости именно корпоративной взаимопомощи в

судебной системе. Характерно, что, когда 1906 г. в адрес председателя Калужского окружного суда пришёл запрос от Комитета по оказанию помощи голодающим, состоявшем при Императорском Вольном экономическом обществе об оказании содействия «в святом деле помощи голодающим» и просьбой привлечь к участию в нём не только сотрудником судебного ведомства, но и местных жителей, то никакого отклика от судебных чиновников на это не последовало [3, л. 84].

Не последнюю роль в привлечении изначального числа участников из судебного ведомства Калужской губернии в члены Благотворительного общества видимо играло и то, что можно было оценить эффективность именно корпоративной социальной поддержки, оказанной Обществом, банально спросив сослуживца об этом. Социально имиджевыми индикаторами были и публикации в средствах массовой информации – «Русских ведомостях», «Ведомостях Московского градоначальства и столичной полиции» о лицах, изъявивших желание состоять в благотворительном обществе и внёсших членский сбор, а также о тех лицах, которые пожертвовали какую-то сумму в пользу общества [1; 2; 11]. Это также дополнительно мотивировало служащих судебной системы принимать участие в корпоративной благотворительности.

Список литературы:

1. Ведомости Московского градоначальства и столичной полиции. – 1914. – № 1. – 1 января. – С. 1–4.
2. Ведомости Московского градоначальства и столичной полиции. – 1914. – № 76. – 5 апреля. – С. 1–3.
3. Государственный архив Калужской области (далее – ГАКО). Ф. 6. Оп. 1. Д. 185.
4. ГАКО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 221.
5. ГАКО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 222.
6. ГАКО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 228.
7. ГАКО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 234.
8. ГАКО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 238.
9. ГАКО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 352.
10. Положение «Об образовании капитала имени статс-секретаря Николая Валериановича Муравьева в память завершения судебного преобразования по уставам Императора Александра II на всем пространстве Империи» // Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. 1902 год. Отдел первый. Второе полугодие. – СПб.: Сенатская типография, 1902. – 1180 с.
11. Русские ведомости. – 1909. – № 1. – 1 января. – С. 47.
12. Устав Благотворительного общества Судебного ведомства (Утверждён 2 марта 1895 г.). – СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1895. – 20 с.

ПОЛИТИКА

УДК 338.1

*Д. М. Евсеев**Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент А. В. Штепа*

ПЕРСПЕКТИВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

В данной статье анализируется экономическая составляющая Северо-Западного федерального округа Российской Федерации на основе общих показателей региона и каждого субъекта по отдельности. Анализ проведён на основе результатов деятельности регионов за 2023 и 2024 годы в разных отраслях экономики, включая туризм. Целью статьи является изучение сильных и слабых сторон экономики СЗФО, а также выявление на основе полученных данных перспектив развития региона.

Ключевые слова: Северо-Западный федеральный округ; дефицит бюджета; доходы; расходы; туризм; перспективы развития.

*D. M. Evseev**Scientific supervisor – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor A.V. Shtepa*

PROSPECTS FOR ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE NORTHWESTERN FEDERAL DISTRICT

This article analyzes the economic component of the North-Western Federal District of the Russian Federation based on the general indicators of the region and each subject individually. The analysis is based on the results of the regions' activities in 2023 and 2024 in various sectors of the economy, including tourism. The purpose of the article is to study the strengths and weaknesses of the economy of the Northwestern Federal District, as well as to identify the prospects for the development of the region based on the data obtained.

Keywords: Northwest Federal District; budget deficit; income; expenses; tourism; development prospects.

Северо-Западный федеральный округ включает в себя 11 субъектов Российской Федерации: Архангельскую, Вологодскую, Калининградскую, Ленинградскую, Мурманскую, Новгородскую, Псковскую области; Ненецкий автономный округ; Республику Карелия, Республику Коми и город федерального значения Санкт-Петербург. Каждый из субъектов имеет свою специфику в зависимости от географическо-экономического положения. Эта специфика выражается в различиях природно-ресурсного потенциала, методов производства и ведущих отраслей экономики каждого из регионов. Каждый из регионов имеет следующие экономические особенности [2, с. 280–289]:

Архангельская область. Ключевыми отраслями региона являются лесная отрасль, горнодобывающая, рыболовная и судостроение. Это связано с географическим

положением региона, который имеет выход к Белому морю, а суша покрыта таёжным лесом.

Вологодская область. В регионе развита деревообрабатывающая, целлюлозно-бумажная, топливная, пищевая (переработка молока), лёгкая промышленность, а также химическая отрасль и отрасль чёрной металлургии.

Калининградская область. Калининградская область является центром по добыче янтаря. Помимо этого, из недр региона добывается поваренная соль, торф и нефть. Близкая расположенность к Балтийскому морю позволяет региону также развивать рыболовство.

Ленинградская область. Регион специализируется на электроэнергетике, топливно-энергетическом комплексе, машиностроении, целлюлозно-бумажной и химической промышленности.

Мурманская область. Специализируется на горнодобывающей, энергетической отраслях и судостроении.

Ненецкий автономный округ (НАО). Из-за своей расположенности за полярным кругом в зоне распространения вечной мерзлоты в регионе развита только нефтедобывающая промышленность.

Новгородская область. Основные направления – химическая и деревообрабатывающая промышленность и машиностроение.

Псковская область. Развита лёгкая и пищевая промышленности, а также машиностроение.

Республика Карелия. Лесозаготовительная промышленность, машиностроение и горнодобывающая отрасль – основные направления экономики республики.

Республика Коми. Основные отрасли региона – лесозаготовительная, горнодобывающая, целлюлозно-бумажная,

деревообрабатывающая. Также республика занимается добычей поваренной соли.

Санкт-Петербург. Развиваются различные отрасли экономики, среди которых пищевая промышленность (а именно развитие молочных комбинатов, кондитерских предприятий и пивоварен). Санкт-Петербург также специализируется на машиностроении, в том числе оборонном, судостроении и судоремонте, которые востребованы в связи с тем, что регион имеет выход к Балтийскому морю через Финский залив. Стоит отметить, что регион также является научно-исследовательским и туристическим центром.

Более подробно рассмотреть состояние и развитие экономики за два года можно благодаря приведённым статистическим данным в Таблице 1.

Таблица 1

Основные экономические показатели в Северо-Западном федеральном округе за 2023 – 2024 годы [3]

Показатель/год	2023	2024
Доходы бюджета	~2,45 трлн руб.	~2,82 трлн руб.
Рост доходов	+3%	+12%
Рост расходов	+9,4%	+14%
Дефицит бюджета	~23,4 млрд руб.	~146 млрд руб.
Долговая нагрузка	~3,2 трлн руб.	~3,1 трлн руб.

Исходя из представленных данных можно сделать вывод, что в 2023 г. экономические показатели округа продемонстрировали противоречивую динамику. Доходы составили около 2,45 трлн рублей, увеличившись на 3%, однако расходы выросли на 9,4%, что привело к дефициту в размере 23,4 млрд рублей. Это говорит о не самой стабильной ситуации в федеральном округе.

Региональные различия, в свою очередь, были ярко выражены: Ленинградская область и Санкт-Петербург показали рост доходов на 28%, а Новгородская – на 9%, в то время как НАО и Республика Коми зафиксировали снижение на 18% и 9% соответственно. В сфере промышленности же наблюдались разнонаправленные тенденции, такие как рост в обрабатывающей промышленности на 7,5%, который компенсировал спад в добывающем секторе на 1,3% [3].

Анализ показал значительные различия в развитии регионов СЗФО. Так, промышленные центры, такие как Санкт-Петербург и Ленинградская область, демонстрировали рост и

профицит бюджета, в то время как сырьевые регионы, включая НАО и Республику Коми, испытывали дефицит.

Основные риски СЗФО также связаны с планируемым сокращением федеральной поддержки и зависимостью от сырьевого сектора, что делает регионы уязвимыми к колебаниям цен на сырьё, однако, эта проблема актуальна практически по всей России.

Долговая нагрузка в 2023 г. составила 3,2 трлн руб. Такой уровень нагрузки является высоким и в перспективе может создать ситуацию, когда регион не сможет выплачивать долг и придётся прибегать к помощи из федерального бюджета.

Потенциальные же возможности заключаются в развитии в регионе обрабатывающей промышленности и реализации инфраструктурных проектов в Арктической зоне, что может стимулировать экономическое развитие северных регионов и использования большего количества территорий в экономических целях.

Экономическая ситуация в 2024 году несколько изменилась и доходы уже составили примерно 2,82 трлн руб., увеличившись на 12%, это также сказалось на росте расходов – до 14%, что привело к соответствующему дефициту в 146 млрд рублей. Данные демонстрируют, что в сравнении с 2024 годом расходы выросли, как и доходы. Однако также наблюдается рост дефицита бюджета.

Промышленное производство в 2024 г. выросло на 4,6%, превывсив среднероссийский показатель. Мурманская область стала лидером с приростом на 25% благодаря обрабатывающим производствам, в то время как 21 регион РФ, включая часть СЗФО, столкнулся со спадом из-за санкционного давления на нефтегазовый и металлургический секторы [3].

Розничная торговля, в свою очередь, продемонстрировала устойчивый рост оборота на 7,2%, что было поддержано увеличением реальных доходов населения на 8,4%, что свидетельствует о восстановлении потребительского спроса.

Долговая нагрузка округа снизилась на 2,3%, достигнув 3,1 трлн рублей, но региональные различия оставались значительными. Ненецкий АО и Санкт-Петербург смогли сократить долг, в то время как Архангельская область увеличила долговое бремя до 55% от доходов, а Мурманская область – на 135%, что было вызвано привлечением дорогих коммерческих кредитов и создало новые вызовы, которые в перспективе будут решены.

К сожалению, региональные дисбалансы усилились. Санкт-Петербург укрепил статус экономического донора, обеспечив 21% доходов округа, в то время как Архангельская и Мурманская области погрузились в кризис: Архангельская область столкнулась с рекордным дефицитом и высокой долговой нагрузкой, а Мурманская область – с рисками неплатежеспособности по коммерческим займам.

Сравнение показывает нам, что экономическая ситуация в СЗФО в 2024 г. ухудшилась по сравнению с 2023 годом. Если в 2023 г. обрабатывающая промышленность, например, росла, компенсируя спад в добывающем секторе, то в 2024 году промышленный рост стал более неравномерным. Среди основных проблем и рисков региона можно выделить ещё одну – высокую долговую нагрузку, которая хоть и снизилась в 2024 году, всё же остаётся на высоком уровне.

Бюджетная ситуация также ухудшилась. Рост доходов в 2024 году был обусловлен увеличением налоговых поступлений, но сокращение безвозмездных трансфертов усилило нагрузку на регионы. Дефицит бюджета вырос до рекордных 5,2%, что стало максимальным показателем среди федеральных округов. Долговая нагрузка северных регионов увеличилась, а структура расходов сместилась в пользу национальной экономики и инвестиций в инфраструктуру.

Среди ключевых изменений можно отметить:

- Усиление региональных диспропорций;
- Рост дефицита бюджета;
- Увеличение долговой нагрузки северных регионов;
- Снижение доли федеральной поддержки.

Также, можно выделить следующие перспективы на 2025 год:

- Замедление роста налоговых доходов до 7–10% на фоне социальных обязательств;
- Риск усиления бюджетной разбалансировки.

Можно констатировать, что Северо-Западный федеральный округ сохраняет полярную динамику развития: крупные экономические центры, такие как Санкт-Петербург и Ленинградская область, демонстрируют устойчивость, в то время как северные регионы, такие как Архангельская и Мурманская области, требуют антикризисных мер.

Угрозы долгового кризиса, рекордного дефицита и зависимости от федеральной поддержки ставят вопрос о необходимости структурных реформ, включая оптимизацию долговой политики и перераспределение ресурсов в пользу обрабатывающих отраслей. Без федеральной поддержки проблемных регионов и реформы межбюджетных отношений дисбалансы в СЗФО будут усугубляться.

Таким образом, СЗФО требует комплексного подхода к решению экономических проблем округа, включая диверсификацию экономики, оптимизацию долговой политики и усиление самостоятельности регионов.

Было отмечено, что в Санкт-Петербурге развита туристическая сфера, которая непосредственно влияет на формирование доходов округа.

Туристическая сфера Северо-Западного федерального округа (СЗФО) продолжает

развиваться, несмотря на непростые экономические и геополитические условия. В 2023 году число туристов в этом регионе достигло 18,2 млн человек, что на 8% больше, чем годом ранее. Санкт-Петербург остаётся главным магнитом для путешественников, привлекая 9,4 млн гостей и восстановив 89% турпотока, зафиксированного до пандемии. Ленинградская область и Карелия также показали рост на 7% и 8% благодаря развитию экотуризма и культурных мероприятий [9].

В 2024 году ситуация улучшилась: за первые девять месяцев турпоток вырос до 20 млн поездок, а доходы от гостиничного бизнеса увеличились на 25,6%, достигнув 106 млрд рублей. Новгородская область стала лидером роста, увеличив поток туристов на 61% благодаря открытию нового отеля и интеграции в скоростную железнодорожную магистраль. Великий Новгород, как важный исторический центр, также привлекает больше путешественников благодаря патриотическим настроениям [6].

Проект «Серебряное ожерелье России», который объединяет 11 регионов СЗФО, способствовал увеличению посещаемости малых исторических городов. В Калининграде, Вологде и Новгороде число туристов в 2024 году выросло на 19–26% [1; 4; 6].

Инвестиции в туристическую отрасль остаются ключевым фактором ее развития. До 2030 г. планируется вложить 775,3 млрд руб., из которых более 60% будут привлечены через государственно-частное партнерство. В 2024 году открылись 23 новых объекта размещения, включая глэмпинги в Карелии и апартаменты в Ленинградской области [5; 8].

Особое внимание уделяется развитию транспортной инфраструктуры. К 2025 году планируется запустить высокоскоростные поезда «Ласточка» по маршруту Псков – Петрозаводск, что сократит время в пути и сделает удалённые локации более доступными [7; 8].

Прогноз на 2025 год предполагает рост турпотока до 30 млн человек и увеличение доходов отрасли до 175 млрд рублей. Карелия, где планируется запуск акватормального комплекса и визит-центра, ожидает прирост на 11–22% [8].

Цифровизация услуг также становится важным трендом: внедрение AI-платформ и чат-ботов на базе SaluteBot уже используется в 40% отелей округа для автоматизации бронирования.

Таким образом, СЗФО имеет потенциал стать одним из ключевых туристических комплексов страны. Успех зависит от сбалансированного развития инфраструктуры, внедрения инноваций и сохранения уникального природно-культурного наследия.

Анализ экономических перспектив Северо-Западного федерального округа показывает, что ситуация в разных регионах неоднородна и неоднозначна. В 2023–2024 гг. доходы бюджета округа выросли с 2,45 до 2,82 трлн рублей, но расходы увеличились ещё больше, что привело к дефициту в 146 млрд руб. в 2024 году.

Экономическое развитие регионов сильно различается. В промышленных центрах, таких как Санкт-Петербург и Ленинградская область, наблюдается стабильный рост и профицит бюджета, однако северные регионы сталкиваются с серьёзными экономическими проблемами. В Архангельской и Мурманской областях ситуация особенно сложная: там зафиксирован рекордный дефицит и высокий уровень долга.

Промышленное производство показало смешанные результаты: в целом оно выросло на 4,6%, но между регионами есть значительные различия. Розничная торговля, напротив, демонстрирует положительную динамику: оборот вырос на 7,2%, что говорит о восстановлении потребительского спроса.

Основные риски для развития округа связаны с высокой долговой нагрузкой, зависимостью от сырьевого сектора и сокращением федеральной поддержки. Также сохраняются значительные различия в уровне развития регионов, что требует комплексного подхода к решению этих проблем.

В 2025 году можно ожидать замедление роста налоговых доходов до 7–10% и усиление бюджетной несбалансированности. Для обеспечения устойчивого развития округа необходимо предпринять следующие шаги:

1. Провести структурные реформы в экономике;
2. Оптимизировать долговую политику;
3. Диверсифицировать экономику;
4. Развивать обрабатывающую промышленность;
5. Реализовать инфраструктурные проекты в Арктической зоне.

Эти меры помогут снизить региональные диспропорции и обеспечить более сбалансированное развитие округа. Важно, чтобы

федеральная поддержка проблемных регионов была усилена, а межбюджетные отношения были реформированы. Необходимость таких реформ также обуславливается тем, что у региона есть потенциал для дальнейшего развития: развитый туризм и богатая ресурсами

земля. В ином случае, если не проводить никаких изменений, экономика региона будет только падать, что закроет возможность его развития на неопределённый срок.

Список литературы:

1. Вологодская область // Официальный портал Правительства Вологодской области. URL: <https://vologda-oblast.ru/> (дата обращения: 12.09.2025).
2. Гладкий Ю. Н., Чистобаев А. И. Регионоведение: учебник для вузов / Ю. Н. Гладкий, А. И. Чистобаев. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 280-289
3. Исполнение региональных бюджетов за 2024 год. URL: <https://www.eseur.ru/Files/file24447.pdf> (дата обращения: 12.09.2025).
4. Калининградская область // Правительство Калининградской области: официальный сайт. URL: <https://gov39.ru/contacts/> (дата обращения: 12.09.2025).
5. Ленинградская область // Официальный интернет-портал Администрации Ленинградской области. URL: <https://lenobl.ru/> (дата обращения: 12.09.2025).
6. Новгородская область // Правительство Новгородской области: официальный сайт. URL: <https://www.novreg.ru/> (дата обращения: 12.09.2025).
7. Псковская область // Официальный сайт Правительства Псковской области. URL: <https://pskov.ru/> (дата обращения: 12.09.2025).
8. Республика Карелия // Официальный интернет-портал Республики Карелия. URL: <https://gov.karelia.ru/> (дата обращения: 12.09.2025).
9. Стратегия Северо-Западный федеральный округ. URL: <https://strategy24.ru/szfo> (дата обращения: 12.09.2025).

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

УДК 327

*Д. М. Евсеев, А. В. Кокина**Научный руководитель – старший преподаватель кафедры истории В. В. Луговой*

СРАВНЕНИЕ ПРЕЗИДЕНТСКИХ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КАМПАНИЙ В США 2020 И 2024 ГГ.

В данной статье представлено сравнение прошедших президентских избирательных кампаний в США 2020 и 2024 гг., которые имели свои особенности, повлиявшие на изменение позиции электоральных групп относительно выбора между демократическим и республиканским кандидатом. Целью научной статьи является выявление причин смены политической ориентации граждан посредством анализа президентских избирательных кампаний в США 2020 и 2024 гг.

Ключевые слова: США; Дональд Трамп; Джо Байден; электоральные группы; демократы; республиканцы.

COMPARISON OF THE 2020 AND 2024 USA PRESIDENTIAL ELECTION CAMPAIGNS

*D. M. Evseev, A. V. Kokina**Scientific supervisor – Senior lecturer at the Department of History V. V. Lugovoy*

This article presents a comparison of the past presidential election campaigns in the United States in 2020 and 2024, which had their own characteristics that influenced the change in the position of electoral groups regarding the choice between a Democratic and a Republican candidate. The purpose of the scientific article is to identify the reasons for the change in the political orientation of citizens through the analysis of the presidential election campaigns in the United States in 2020 and 2024.

Key words: United States; Donald Trump; Joe Biden; electoral groups; Democrats; Republicans.

В период с 2020 по 2024 года наблюдаются кризисные ситуации в мире (пандемия, локальные конфликты, экономические кризисы), которые оказывают влияние на все страны мира. Такой страной является и США, где глава государства является передовым игроком на политической арене, и деятельность такого лидера непосредственно влияет на судьбу государства. За эти годы в США были проведены две президентские избирательные кампании. Каждая избирательная кампания имеет свои особенности как в подготовке, так и в ходе их проведения, что повлияло на смену политической ориентации в США.

Для начала, чтобы раскрыть вопрос о сравнении избирательных кампаний, стоит несколько углубиться в историю формирования партий и избирательного процесса в США. Первое представительное учреждение было создано ещё в 1619 г., однако, наиболее демократические нормы избирательного права были закреплены только к 1780-м гг. Стоит отметить, что уже в XVIII веке начала формироваться одна из главных особенностей избирательной системы США – отсутствие единого избирательного законодательства. Каждый штат сам решает для себя в какие сроки

голосуют граждане, каким образом им это следует делать. Это влечёт за собой проблемы, которые часто отражаются на результатах выборов, таких как пропажа части бюллетеней, а также фальсификация самих выборов.

Стоит так же обратиться и к истории создания основных партий и влияния на их действие заинтересованных в этом групп. Первая партия США – Федералистская, была создана Гамильтоном в начале 1790-х гг. из его сторонников [3, с. 23]. Главным оппонентом стала созданная позже партия демократических республиканцев. Со временем партии трансформировались в Демократическую под руководством Эндрю Джексона, партию Вигов же, что отделилась от изначальной партии демократических республиканцев, возглавлял Генри Клей [3, с. 25–26]. Партийная система США такой, какой мы её знаем, сложилась к середине XIX века.

Через изменения в партиях мы можем заметить, что каждая из них представляла интересы определённого круга граждан и политических элит, однако, победили те партии, чьи политические элиты оказались сильнее всего и смогли укрепиться, и завоевать доверие электоральных групп. Конечно, в США

намного больше партий, однако им не хватает сил, чтобы бороться с устоявшимися политическими элитами.

В США, как известно, выборы проходят через выборщиков. То есть избиратель голосует не сам, а непосредственно через представителя. Соединённые Штаты поделены на 538 выборщиков. Для победы нужно набрать не менее 270 голосов, но благодаря действующей системе «победитель забирает всё» это становится проще и случаются такие ситуации, как победа кандидата, фактически набравшего меньший процент голосов.

Для того чтобы кандидат попал в бюллетень от одной из партий, ему нужно выиграть праймериз. Праймериз – это процедура избрания кандидата внутри партии. По сути, они являются первичными или предварительными выборами, а также – рядом партийных мероприятий, где утверждаются кандидаты на президентские выборы, а именно кандидат в президенты и кандидат в вице-президенты.

Важную роль в выборах играет восприятие избирателями кандидатов. Преимущество есть у тех кандидатов, которые обладают репутацией надёжного, целеустремлённого и, что немало важно, здравомыслящего человека, который сам достиг своей должности. Как пример работы данного правила можно привести достаточно эксцентричный образ кандидата Дональда Трампа. Данного политика можно сравнить с революцией [2, с. 179–180]. Он совершенно не системный игрок. Трамп определённо не вписывается в образ политика, играющего в доминирующем политическом течении – его руководство является отклонением от нормы. Возможно, его излишняя демонстративность не всегда играет ему на руку, что особенно видно на выборах 2020 г., когда протестные движения объединились и проголосовали за Джо Байдена. Тогда демократы воспользовались этим и использовали это против республиканцев.

На другой стороне, как мы можем проследить в 2024 г., Джо Байден. Человек находится уже в достаточно преклонном возрасте, из-за чего на его выступлениях и появлениях на людях иногда случались непредвиденные ситуации. К моменту выборов не все граждане США могли назвать Джо Байдена здравомыслящим человеком, несмотря на слова из Белого дома. Это так же не сыграло на руку демократам, ведь за этим последовала внезапная

смена кандидатов. Тут уже республиканцы воспользовались этим.

Для более точного анализа необходимо рассмотреть особенности каждой президентской избирательной кампании.

Так, в 2020 г. поднялись вышеупомянутые акции протестов, а именно движение Black Lives Matter. Выборы в США прошли в условиях масштабных протестов, вызванных трагической гибелью афроамериканца Джорджа Флойда от рук полицейского в Миннеаполисе 25 мая 2020 года. Эти события привели к активизации движения Black Lives Matter, которое изначально было создано и выступало за расовую справедливость и сокращение финансирования полиции в рамках кампании «Defund the police». Однако, впоследствии, что и следовало ожидать, многие участники протестов выразили поддержку кандидату от Демократической партии – Джо Байдену. На улицах городов можно было увидеть лозунги и баннеры, призывающие к честному подсчёту всех голосов («Count all votes») в то время, как действующий президент Дональд Трамп требовал остановить подсчёт «незаконных» бюллетеней, которыми считал голоса, пришедшие по почте. Из анализа лозунгов уличных протестов следует вывод, что чернокожее население США, объединившись с левыми движениями, поддержало кандидата, который предлагает более прогрессивные подходы к решению возникших социальных проблем. Голосование стало иметь протестный вид, что не сыграло на руку Дональду Трампу. Джо Байдена выбирали просто потому, что он не Дональд Трамп. Либеральная публика обвиняла Трампа в шовинизме, ксенофобии, мизогинии, расизме и фашизме [4, с. 362].

Также стоит упомянуть, что действия избирательной кампании проходили на фоне пандемии COVID-19, что в свою очередь усугубило положения Трампа, а именно: голосование по почте, где кандидат заявлял о его ненужности, ввиду возможной фальсификации итогов голосования, и несоблюдение республиканцами масочного режима и социальной дистанции. Это стало удобным инструментом для поднятия рейтингов демократов [1, с. 34]. Заявления Трампа были сделаны в свойственной ему эксцентричной манере, где отсутствовала эмпатия по отношению к человеческому горю в связи с обостряющейся ситуацией в стране.

Все вышеуказанные факторы повлияли на снижение рейтинга Дональда Трампа, который не смог завладеть вниманием электоральных групп. В сложившейся кризисной ситуации республиканского лидера, ввиду протестов и пандемии, особое влияние на избирателей оказала политика демократов, что поспособствовало их победе на выборах.

Одержав победу на выборах 3 ноября 2020 г., Джо Байден столкнулся с проблемой во время вступления в должность: Республиканская партия не принимала результаты выборов, а Дональд Трамп требовал их отмены. Республиканской Партией и её сторонниками было принято решение о проведении митинга «Спасите Америку!». Он был проведён 6 января 2021 г. с лозунгами «сражаться изо всех сил и вернуть нашу страну». Участники митинга в лице правых и ультраправых представителей маршем прошли к зданию Капитолия США и штурмовали его. Это повлекло за собой повреждение здания, гибель 4 человек и угрозу второго импичмента Дональду Трампу. Попытки саботировать предстоящую инаугурацию закончились для Трампа неблагоприятно: против него было возбуждено уже третье уголовное дело.

Сторона обвинения утверждала, что Трамп, несмотря на проигрыш на выборах, стремился остаться у власти и будто бы распространял ложную информацию о фальсификациях на выборах. По мнению демократов, он пытался отменить результаты выборов, вступив в сговор с целью назначения поддельных выборщиков и подстрекая к насилию в Капитолии, чтобы заставить законодателей отложить утверждение результатов выборов. В случае признания виновным по всем пунктам обвинения, Трампу грозило до 50 лет лишения свободы. Трамп явился в суд в Вашингтоне 3 августа 2023 г. и заявил о своей невиновности. Он был освобожден под обязательство о явке в суд, а следующее заседание было назначено на 28 августа. Спустя долгие переносы и изменения в судебном процессе дело было закрыто судьей Таней Чаткен по ходатайству специального прокурора Джека Смита.

Это судебное разбирательство стало инструментом для президентской избирательной кампании либеральных сил в 2024 г., так как позволило повлиять на репутацию кандидата от партии оппонентов в лице Дональда Трампа.

60-е выборы президента США также имели ряд особенностей. В противовес COVID-19, фоном стало решение конфликта между Украиной и Россией. Конечно, это была одна из повесток дня в предвыборных заявлениях кандидатов. Граждане США негодовали из-за многомиллиардной помощи Украине со стороны руководящих страной демократов. Это повлекло за собой увеличение электоральной поддержки республиканской партии, что отразилось в предвыборной программе Дональда Трампа: появился пункт об урегулировании конфликта.

Диалог с избирателями является мощным инструментом для создания доверия между кандидатом и его сторонниками. Томас Мэттью Крукс, присутствовавший на одной из встреч в штате Пенсильвания 13 июля 2024 г., как раз решил выразить недоверие политике Трампа радикальным методом. Он забрался на крышу ближайшего здания и совершил серию выстрелов, один из которых достиг цели и ранил политика в ухо. Удивительно, что стрелявший ранее был сторонником республиканской партии, но позже начал делать пожертвования демократам, тем самым сменив свою политическую ориентацию. Ситуация является наглядным примером готовности некоторых сторонников демократов избавиться от оппонента любыми способами. Опытные политики всегда могут обернуть ситуацию в свою сторону – покушение стало громким информационным поводом во всем мире, что увеличило электоральную поддержку республиканцев.

Не стоит упускать и другие аспекты политики Демократической партии, которые повлияли на её поражение в выборах 2024 года. Так, ожидание поддержки со стороны мигрантов, которые въехали в период с 2020 по 2024 гг., не увенчалось успехом, поскольку на период выборов в стране был высокий уровень преступности среди нелегальных мигрантов [5, с. 50].

Достаточно важной особенностью президентских выборов 2024 г. стала резкая смена кандидата от Демократической партии. 21 июля было опубликовано письмо с отказом Джо Байдена от участия в выборах. Он поддержал вице-президента Камалу Харрис, и её выдвинули кандидатом от Демократической партии. Смена кандидата в президенты в разгар избирательной кампании – это уникальное событие, которое непосредственно повлияло

на электоральную поддержку либерального кандидата. Изначальная поддержка электоральных групп не повлияла на итоги выборов, и Дональду Трампу удалось одержать победу.

Нельзя не упомянуть различие в явке избирателей на выборы. Так, явка в 2020 г. составила 66,38% [8], а явка в 2024 г. составила 64,06% [9]. На это повлияло большое количество факторов, но основными можно выделить усталость граждан от политики, изменение возрастного состава электоральных групп. Падение явки на 2,32% не кажется слишком значительным, однако оно исчисляется в миллионах реальных голосов (около 8 млн избирателей).

Также стоит отметить существенные различия в финансировании кандидатов и самих выборов [10]. Таким образом, в 2020 г. Фонд кандидата в президенты Д. Трампа составил 789,8 млн долларов, а количество собранных средств Республиканской партии составило 792,6 млн долларов, что говорит о том, что у партии основное количество средств составляли пожертвования 45-го президента США. В отличие от Демократической партии, где основное количество средств (3203,8 млн долларов) составил не Фонд кандидата в президенты Джо Байдена (1051,4 млн. долларов), а Фонды кандидатов в президенты от миллиардеров Майкла Блумберга (1096,3 млн долларов) и Тома Стейера (345,2 млн. долларов), которые ушли из президентской гонки и решили поддержать свою партию. Общие расходы на выборы в 2020 году составили 15,1 млрд. долларов [7].

По-другому обстоят дела в 2024 году, где Фонд кандидата в президенты Дональда Трампа составил 463,3 млн долларов, что также стало основой средств Республиканской партии (647,8 млн долл.) в то время, как Демократическая партия вновь собрала больше пожертвований (1152,7 млн долл.), где большинство пожертвований приходится на Фонд кандидата в президенты Камалы Харрис (1139,4 млн долл.). Однако, семьи миллиардеров в этот раз поддержали республиканцев, а не демократов [6]. Так, 71,7% семей миллиардеров поддержали республиканцев, среди которых такие миллиардеры, как Тимоти Меллон, Илон Маск и Мириам Адельсон. Демократов же поддержали 21,8%, остальные партии поддержали 6,5% семей миллиардеров. Общие же расходы в 2024 г. составили 15,9 млрд долларов [6].

Анализ финансирования пожертвований кандидатам в президенты позволяет сделать вывод о том, что поддержка со стороны миллиардеров имеет сильное значение в президентских избирательных кампаниях США и победе поддерживаемого кандидата.

Имея на руках результаты голосования по каждому штату США, можно проследить тенденции изменения политической ориентации некоторых штатов. Как известно, существуют исторически республиканские или демократические штаты. В них кандидаты всегда уверены – эти штаты их опора. Больше внимание же уделяется штатам, в которых постоянно происходят колебания. Как раз из-за этого такие штаты называются «колеблющиеся» – победа на выборах всегда зависит от того, чью сторону выберут электоральные группы этих штатов. Проведя анализ, можно увидеть, как изменилась политическая ориентация американцев в следующих штатах:

Невада в 2020 г. – за демократов; 2024 г. – за республиканцев;

Аризона в 2020 г. – за демократов; 2024 г. – за республиканцев;

Висконсин в 2020 г. – за демократов; 2024 г. – за республиканцев;

Мичиган в 2020 – за демократов; 2024 – г. за республиканцев;

Джорджия в 2020 г. – за демократов; 2024 г. – за республиканцев;

Пенсильвания в 2020 г. – за демократов; 2024 г. – за республиканцев.

Из этого следует, что в эти года в связи с политикой действующего правительства менялись и электоральные предпочтения граждан США перед предстоящими выборами.

Подводя итоги анализа, можно сделать следующий вывод: причины смены политической ориентации связаны со множеством факторов. Так, выборы одного года могут повлиять на последующие выборы, непосредственно сама политика президента и правящей партии способна изменить предпочтения электоральной базы кандидатов во время избирательной кампании. Во многом избирательная кампания зависит от финансирования фондов кандидатов и от поддержки теми или иными миллиардерами. Таким образом, по вышеуказанным причинам, на изменение политической ориентации граждан влияют как внутренние, так и внешние факторы, что непосредственно можем видеть на выборах 2020 и 2024 годов.

Список литературы:

1. Богаевская, О. В., Борисова, А. Р., Давыдов А. А. [и др.]. Пандемия, протесты, протекционизм и президентские выборы в США в 2020 г. Анализ и прогноз / О. В. Богаевская, А. Р. Борисова, А. А. Давыдов // Журнал ИМЭМО РАН. 2021. – № 1. – С. 31–58.
2. Гасанов, И. Б. Дональд Трамп как политический феномен / И. Б. Гасанов // Гражданин. Выборы. Власть. – 2018. – № 2. – С. 176–195.
3. Исаев, Б. А. Структура, генезис и функционирование партийно-политической системы США. Часть 2 / Б.А. Исаев // Теории и проблемы политических исследований. – 2012. – № 4. – С. 22–47.
4. Попова, А. В. Особенности президентских выборов в США в 2020 году: лингвокультурологический аспект / А. В. Попова // Преподаватель XXI век. – 2022. – №3. Часть 2. – С. 361–372.
5. Романов, А. А. Трамп 2.0: о некоторых итогах президентских выборов в США в 2024 г. / А. А. Романов // Вестник университета мировых цивилизаций. – 2024 – Т. 15. – № 4 (45). – С. 47–52.
6. Bryner, Sarah, Glavin, Brendan. Total 2024 election spending projected to exceed previous record / Sarah Bryner, Brendan Glavin // Opensecrets: [сайт]. URL: <https://www.opensecrets.org/news/2024/10/total-2024-election-spending-projected-to-exceed-previous-record/> (дата обращения: 11.04.2025).
7. FEC Pull October 28th 2024 (over \$5k). URL: <https://docs.google.com/spreadsheets/d/1nsUJbTHDK4nnHqDLVkk9sk26Sho-FWpi2bWLkK8W5LHE/edit?gid=1535161183#gid=1535161183> (дата обращения: 11.04.2025).
8. Florida University: сайт. URL: <https://election.lab.ufl.edu/2020-general-election-turnout/> (дата обращения: 11.04.2025).
9. Florida University: сайт. URL: <https://election.lab.ufl.edu/2024-general-election-turnout/> (дата обращения: 11.04.2025).
10. Presidential candidate map | FEC // FEC: [сайт]. URL: <https://www.fec.gov/data/candidates/president/presidential-map/> (дата обращения: 11.04.2025).

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

УДК 325.14

*И. А. Ключёв, Н. А. Мязин***МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА ЕС В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА БЕЖЕНЦЕВ
В 2015–2020 ГГ.**

В статье рассматривается миграционная политика Европейского Союза в период кризиса беженцев 2015–2020 гг., то, как она видоизменялась по ходу развития кризиса, также анализируются правовые механизмы, стратегические документы и национальные практики стран ЕС. Особое внимание уделено последствиям для внутренней политики государств и изучению опыта таких стран, как Германия, Чехия и Венгрия в решении подобного рода угроз, который потенциально возможно применить в миграционной политике России.

Ключевые слова: Европейский Союз; миграционный кризис; беженцы; интеграция; Дублинский регламент; Германия; Чехия; Венгрия.

*I. A. Klyuchyov, N. A. Myazin***EU MIGRATION POLICY AMID THE REFUGEE CRISIS OF 2015–2020**

This article examines the European Union's migration policy throughout the 2015–2020 refugee crisis, detailing its development as the crisis unfolded. It analyses the legal mechanisms, strategic documents, and national practices of EU member states, with a specific focus on Germany, the Czech Republic, and Hungary. Particular attention is paid to the consequences for the domestic politics of these states and to the examination of lessons learned in addressing such threats experience that could potentially be applied to the formulation of Russia's migration policy.

Keywords: European Union; migration crisis; refugees; integration; Dublin Regulation; Germany; Czech Republic; Hungary.

Миграция всегда была неотделимой частью европейской истории. В далеком прошлом перемещения народов, как отмечают некоторые теории, нередко происходили из-за того, что оседлые общества, достигнув изобилия, становились уязвимее перед кочевниками из регионов с менее комфортными условиями для проживания – степей, гор, пустынь. Отсутствие четких границ и относительно небольшие масштабы таких миграционных волн по причине тогдашней малочисленности населения вследствие неразвитости производящего хозяйства и структуры общества того времени, часто приводили к тому, что пришедшие составляли меньшинство и со временем ассимилировались. В наше время ситуация принципиально изменилась: государственные границы стали явными и хорошо контролируемые, а большинство мигрантов, прибывающих в Европу, принадлежат к другой мировой религии, чем принимающее общество и предпочитают интеграции в местную среду формирование анклавов и диаспор, сохраняющих собственную идентичность.

Миграционный кризис 2015–2020 гг. в Европейском Союзе (ЕС) предстает как

уникальное явление новейшей истории. Его масштабы, характер и последствия резко отличаются от прошлых миграционных волн. Для России, где миграционный вопрос также стоит крайне остро, опыт ЕС представляет значительный интерес.

Проанализируем нормативные акты и международные договоры, которые регулировали миграционные процессы в целом в ЕС и в ключевых странах непосредственно перед началом фазы острого кризиса 2015 г. Это позволит понять контекст, в котором оказалось европейское сообщество, столкнувшись с беспрецедентным вызовом.

К моменту начала кризиса миграционная политика ЕС опиралась на комплекс нормативных актов, сформировавшихся в рамках Общей европейской системы предоставления убежища (Common European Asylum System), которая развивалась с 1990-х гг. под влиянием Шенгенского соглашения 1985 г. (вступившего в силу в 1995 г.) и последующих договоров, таких как Амстердамский договор 1997 г. и Лиссабонский договор 2007 г. Эти документы заложили основу для согласования правил в области предоставления убежищ, хотя

полная унификация оставалась довольно серьезным вызовом из-за различий в национальных подходах. Центральным элементом системы являлся Дублинский регламент III (Regulation (EU) No 604/2013) [29], принятый 26 июня 2013 г., который устанавливал критерии и механизмы определения государства-члена, ответственного за рассмотрение заявки на международную защиту, поданной гражданином третьей страны или апатридом (лицом без гражданства). Согласно этому регламенту, ответственность, как правило, возлагалась на страну ЕС, в которую беженец попадал первой, что создавало непропорциональную нагрузку на периферийные государства, такие как Греция и Италия, принимавшие на себя большую нагрузку ввиду своего географического положения. Дополнением к регламенту служила Директива о квалификации (Directive 2011/95/EU), принятая 13 декабря 2011 г., определяющая стандарты для квалификации лиц как беженцев или нуждающихся в субсидиарной защите (помощи в виде субсидий) [11], включая унифицированные определения преследования по причинам расовой, религиозной или национальной принадлежности, а также политических убеждений или принадлежности к определенной социальной группе, в том числе с учетом гендерных особенностей и особенностей, связанных с возрастом заявителей. Процедурные аспекты регулировала Директива о процедурах предоставления убежища (Directive 2013/32/EU) от 26 июня 2013 г., которая устанавливала общие правила рассмотрения заявок [12], включая право на личное собеседование, доступ к переводчику, юридическую помощь, а также апелляцию, с возможностью ускоренных пограничных процедур (ускоренных отказов) в случаях, связанных с «безопасными странами происхождения» (в которых, по официальной оценке правовых институций Европейского Союза, не было систематических преследований, пыток или иных угроз жизни по расовому, религиозному, политическому или любому иному мотиву для проживающих там людей). Наконец, Директива об условиях приема (Directive 2013/33/EU) от 26 июня 2013 г., задавала минимальные стандарты для размещения заявителей [13], включая предоставление жилья, питания, медицинскую помощь и доступ к образованию, с особым вниманием к уязвимым группам, таким как несовершеннолетние без сопровождения. Эти акты опирались на

международные обязательства, прежде всего Женевскую конвенцию 1951 г. о статусе беженцев, Протокол 1967 г. [9] и на Европейскую конвенцию о правах человека 1950 г. [14].

Накануне кризиса ЕС располагал различными стратегическими документами. Глобальный подход к миграции и мобильности (Global Approach to Migration and Mobility) и Стокгольмская программа (2010–2014) задавали общий курс, рассчитанный на гуманитарный подход, а также контроль, осуществляемый на границах. В июне 2014 г. Европейский совет утвердил стратегические приоритеты на 2014–2020 гг., призвав «полностью реализовать уже принятые законодательные инструменты». В 2014 г. Еврокомиссия и Европейский совет также выпустили ряд стратегических документов, таких как Стратегические рекомендации по законодательному и оперативному планированию в области свободы, безопасности и правосудия (Strategic Guidelines for Legislative and Operational Planning within the Area of Freedom, Security and Justice, EUCO 79/14) [15], где было заявлено о необходимости «баланса между ответственностью и солидарностью» в вопросах миграции. Тем не менее практическая реализация этого принципа столкнулась с сопротивлением части стран. Чехия и Венгрия [23] уже тогда настаивали на том, что прием беженцев должен оставаться полностью в сфере национальной юрисдикции, а механизм обязательных квот нарушает принципы независимости стран.

Для Германии 2014 г. стал периодом активной подготовки к увеличению миграционного потока. В ноябре вступили в силу поправки к Закону о предоставлении пособий лицам, ищущим убежище (Asylbewerberleistungsgesetz) [6], смягчившие доступ к социальной поддержке, а также изменения в Закон о пребывании, трудовой деятельности и интеграции иностранцев на территории Федеративной Республики Германия (Gesetz über den Aufenthalt, die Erwerbstätigkeit und die Integration von Ausländern im Bundesgebiet, Aufenthaltsgesetz) [21], направленные на ускорение процедур рассмотрения заявлений. Это в дальнейшем позволило ФРГ в 2015 г. продемонстрировать более высокую пропускную способность системы приема мигрантов. Наряду с этим в том же году Германия активно пользовалась механизмом

ускоренного отклонения заявок от граждан так называемых «безопасных стран происхождения» (в них, по официальной оценке германского правительства, не было систематических преследований, пыток или иных угроз жизни для проживающих там людей) — в этот список тогда входили Сербия, Македония, Босния и Герцеговина, а также Гана и Сенегал. Такая фильтрация позволяла значительно уменьшить нагрузку на систему, но по понятным причинам вызвала шквал критики со стороны правозащитников. Согласно данным Федерального ведомства по делам миграции и беженцев (Bundesamt für Migration und Flüchtlinge, BAMF) [10], в 2014 г. количество заявлений на убежище выросло на 60%, достигнув 203 тыс., а уже к ноябрю 2015 г. их число превысило 425 тыс.

В Чехии в 2014 г. ключевым оставался Закон о предоставлении убежища (Zákon o azylu, № 325/1999 Sb.) [30], который в редакции конца года предусматривал сравнительно строгие условия пребывания и ограниченные социальные гарантии. В Венгрии ситуация была схожей — принятый Закон об убежище (Act LXXX of 2007 on Asylum) оставался в силе [22] без значительных смягчающих поправок, а дискуссия в парламенте шла преимущественно о мерах по усилению контроля на границе с Сербией и Хорватией, позднее на границе с ними будут возведены пограничные барьеры.

При первоначальном обозрении контекста сложившейся ситуации организованная на тот момент система выглядела надежно и монолитно, но на практике между отдельными странами-участницами имелись весьма заметные различия в интерпретации и применении норм, а действия отдельных стран, как, например, Германии, можно с уверенностью назвать противоречивыми. Германские чиновники отказывали в приеме гражданам стран культурно близких (Сербия, Македония, Босния и Герцеговина), но при этом изменяли законодательство для приема мигрантов из куда менее благополучных стран, что представляется решением, принятым вопреки интересам страны и собственных граждан. Стоит заметить, что ЕС в преддверии кризиса активно к нему

подготавливался, как законодательно, так и непосредственно «на земле». Впрочем, уже в мае 2015 г., когда миграционный поток начал стремительно расти, Европейская комиссия выпустила «Европейскую повестку по миграции (European Agenda on Migration)» — документ, где впервые открыто говорилось о необходимости перераспределения прибывающих между странами ЕС [3]. Параллельно укреплялся контроль внешних границ. Было расширено финансирование Европейского агентства по охране внешних границ (European Border and Coast Guard Agency, Frontex), а в 2016 г. создано Европейское агентство пограничной и береговой охраны (European Border and Coast Guard Agency), получившее право направлять силы в кризисные зоны даже при отсутствии запроса государства-члена. В Италии и Греции введены пункты первичной регистрации, дактилоскопии и распределения мигрантов с участием специалистов Европейского агентства поддержки убежища (European Asylum Support Office) и Frontex.

Согласно данным Евростата, в 2015 г. в ЕС, Норвегии и Швейцарии поданы рекордные 1,3 млн первичных заявок на убежище, что почти вдвое превысило показатель 2014 г. К 2020 г. общее число заявок за период превысило 4 млн, с пиком в 2015–2016 гг. (около 2,5 млн). Распределение было крайне неравномерным: Германия получила свыше 1 млн заявок (из них 442 тыс. в 2015 г.), Франция — около 400 тыс., Италия — 350 тыс., Великобритания (не входящая в Шенгенскую зону) — около 200 тыс., Польша — менее 50 тыс. [20], преимущественно от граждан Украины и россиян чеченского происхождения. Уровень одобрения заявок в ЕС варьировался. Около половины заявок получали одобрение в 2015–2016 гг. (субсидиарная защита или статус беженца), к 2020 г. уровень одобрения снизился до 30–40% из-за ужесточения критериев при рассмотрении заявлений. В 2015–2020 гг. было отвергнуто около 2 млн заявок, с последующими депортациями 500–600 тыс. человек, многие так и оставались в «подвешенном» статусе из-за апелляций или неисполнения решений.

Таблица №1 [7; 26; 27]
Основные показатели миграционного кризиса в странах ЕС (2015–2020 гг.)

Страна	Число заявок (2015–2020)	Одобрения	Депортации	Ключевые особенности
Германия	>1 млн	50–60 %	~200 тыс.	Открытые двери, интеграция
Франция	~400 тыс.	30–40 %	~100 тыс.	Ставка на пограничный контроль
Италия	~350 тыс.	20–40 %	Нет данных	Морские прибытия, лагеря
Польша	<50 тыс.	~20 %	Минимально	Отказ от квот

Рассмотрение предпринятых мер в ключевых странах подтверждает неоднородность подходов. В Германии политика «открытых дверей» канцлера Меркель в 2015 г. привела к приему около 890 тыс. человек с высоким уровнем одобрения (60% в 2016 г.), но к 2018 г. ввели ограничения на воссоединение семей и ускорили депортации (около 200 тыс. за период). Франция, ориентируясь на интеграцию, приняла около 100 тыс., максимум был достигнут в 2016 г., с отказом в 60–70% случаев и депортациями (около 100 тыс.), усиливая контроль на границах. Великобритания, вне Дублинской системы после инициированного в 2016 г. Brexit, получала меньше заявок (около 40 тыс. ежегодно), при одобрении в 40–50%, но с акцентированными депортациями, составившими свыше 50 тыс. Италия, как

«мост» между Средиземноморьем и Европой, столкнулась с 500 тыс. прибытий по морю, ввела кодекс поведения для неправительственных организаций в 2017 г., который в значительной степени регулировал взаимодействия представителей НПО с мигрантами, фактически препятствовал помощи, и соглашения с Ливией, что снизило поток, таким образом количество одобренных заявок упало с 40% в 2015 г. до 20% в 2019 г. Польша, отказавшись от квот ЕС в 2015 г., приняла минимальное количество – менее 10 тыс. человек, фокусируясь на трудовых мигрантах из Украины, уровень отказов составил 80%, количество депортаций было относительно не велико. Более подробно рассмотрим статистические показатели миграционной политики в Германии, Чехии и Венгрии.

Таблица №2 [7; 26; 27]
Основные показатели миграционного кризиса в Германии, Чехии, Венгрии (2015–2020 гг.)

Страна	Заявки 2015	Заявки 2016	Заявки 2017–2020 (сумма)	Одобрения 2015–2020	Отказы и депортации
Германия	442 тыс.	722 тыс.	~1,5 млн	40–60 %	~2 млн отказов, 200 тыс. депортаций
Чехия	1,5 тыс.	~1,2 тыс.	~5 тыс.	10–20 %	Минимально, <1 000
Венгрия	177 тыс.	29 тыс.	~10 тыс.	<5 %	~100 тыс. отказов, фокус на предотвращении въезда

Уровень одобрения варьировался: в Германии он был высок из-за гуманитарного подхода, а в Чехии и Венгрии – низок из-за строгих критериев «безопасных стран». Депортации в Германии выросли к 2018 г. (Asylpaket II), в Венгрии фокус на предотвращении въезда, в Чехии – на интеграции трудовых мигрантов, а не беженцев (большую часть прибывающих в страну составили украинцы).

К моменту, когда в 2015 г. на ЕС обрушился беспрецедентный поток беженцев, правовая и стратегическая база, на первый взгляд, была готова, но ее реальное применение

оказалось в значительной степени затруднено ввиду национальных приоритетов стран-участниц. Германия пошла по пути массового приема и ускоренной фильтрации, Чехия – минимального принятия, Венгрия — жесткого отсека на границе. Эти исходные позиции во многом предопределили характер их действий в последующие пять лет.

С началом кризиса 2015 г. Европейский Союз был вынужден оперативно адаптировать существующую нормативно-правовую базу, дополняя ее мерами экстренного характера. Уже в сентябре 2015 г. Совет ЕС принял

решения о временной релокации 160 тыс. просителей убежища из Греции и Италии в другие страны-участницы. Эти решения закрепляли квотный принцип распределения, что стало новшеством для ЕС, ранее избегавшего жестких обязательств в этой сфере. Механизмы распределения, введенные в 2015 г. (решения Совета ЕС о релокации 160 тыс. человек из Греции и Италии), оказались малоэффективными – к 2017 г. было перемещено лишь около 30 тыс. из-за сопротивления ряда стран, в первую очередь Польши и Венгрии. Германия и некоторые другие страны приняли значительную часть беженцев, тогда как Венгрия, Чехия и ряд государств Центральной и Восточной Европы отказались участвовать в программе, что привело к судебным разбирательствам в Суде ЕС (дела C-643/15 и C-647/15, решения от 6 сентября 2017 г.) [24].

В рамках антикризисных мер в марте 2016 г. было заключено Заявление (Декларация) ЕС–Турция [19], по которому Турция согласилась принимать обратно мигрантов, прибывших в Грецию, в обмен на финансовую помощь в виде €6 млрд и ускорение визовой либерализации (упрощения визовых требований), что позволило резко сократить поток по Эгейскому маршруту с 850 тыс. в 2015 г. до 30 тыс. в 2017 г. К 2020 г. началась подготовка нового пакта о миграции и убежищах, предложенного Комиссией ЕС в сентябре 2020 г., с акцентом на солидарность, ускоренные процедуры на границах и партнерства с третьими странами, его полная реализация вышла за рамки рассматриваемого периода. Статус проживания также изменился: в случае одобрения заявления беженец получал разрешение на проживание на 3–5 лет, с правом на работу и интеграцию, при этом вырос процент отклоненных заявок и увеличилось число депортаций.

Внутриполитическая реакция в государствах также отразилась в правовой плоскости. Германия, оставаясь крупнейшим приемным центром, усилила интеграционные меры, рассматривая долгосрочное пребывание значительной части прибывших как неизбежный факт, что, вызывало недовольство граждан. Политика «открытых дверей», объявленная в 2015 г., была подкреплена значительными административными и финансовыми ресурсами. Интеграционная стратегия включала обязательные курсы немецкого языка, профессиональную подготовку и меры по ускоренному

выходу на рынок труда. Вместе с тем с 2016 г. усилились депортационные механизмы в отношении лиц, получивших отказ, а перечень «безопасных стран происхождения» был расширен за счет всех государств Западных Балкан. Несмотря на это, Германия оставалась страной с наибольшим числом одобрений по заявлениям о предоставлении убежища. Такой подход укрепил ее позицию как основного «гуманитарного актора» в ЕС, но вызвал напряженность внутри ЕС и внутри самой страны, став одним из ключевых факторов роста поддержки новых правых партий, выступающих с евроскептической и антимиграционной повесткой. В Хайденау (Саксония) в 2015 г. толпа атаковала убежище для беженцев, что привело к стычкам с полицией и росту антимигрантских настроений. После новогодних нападений в Кельне возникла волна протестов, в дальнейшем опросы показывали, что 40–50% немцев выразили страх перед «исламизацией» [17], что радикализовало часть общества и повысило результаты «Альтернативы для Германии» на выборах в Бундестаг с 4,7% в 2013 г. до 12,6% на выборах 2017 г. В Чехии население отреагировало митингами против квот ЕС (тысячи митингующих в Праге в 2015 г.) с лозунгами о «защите культуры», что усилило радикализацию и появление новых антииммигрантских партий. В Венгрии общественные протесты поддерживали правительственную кампанию Орбана, происходили массовые демонстрации против мигрантов (до 5 тыс. человек в Будапеште в 2015 г.) с требованиями усиления границ, что укрепило националистические настроения без значительной внутренней радикализации, так как приток мигрантов был минимален.

Чехия и Венгрия строили свою политику на минимизации длительного присутствия беженцев и сохранении национальной однородности, что проявлялось в отказе от программ переселения. Чехия сделала основным акцент на защите внешних границ ЕС, участии в миссиях Frontex и предоставлении материальной помощи странам, испытывающим наибольшую миграционную нагрузку, без приема значительного числа беженцев на собственной территории. Национальное законодательство было дополнено мерами, усложняющими длительное пребывание мигрантов: расширены основания для содержания в центрах временного размещения, сокращены сроки рассмотрения дел, а также введены

дополнительные проверки. Чехия мотивировала свою позицию необходимостью «поддержания общественной безопасности и культурной целостности» и неоднократно оспаривала решения о квотах в Суде ЕС. Венгрия реализовала наиболее жесткий вариант миграционной политики. В 2015 г. были возведены заградительные сооружения на южной границе, в 2016–2017 гг. приняты законодательные меры: обязательное содержание всех просителей убежища в транзитных зонах, сокращение процедур до минимума и отказ в доступе на территорию страны для лиц, прибывающих из «безопасных третьих стран» (т.е. прибывших через другую страну ЕС). В 2018 г. были приняты поправки Stop Soros, введившие уголовную ответственность за содействие нелегальной миграции. Венгрия полностью отказалась от участия в системе релокации, обосновывая это защитой национального суверенитета и необходимостью предотвращения «культурных изменений».

Сопоставление этих трех моделей показывает, что, несмотря на общие правовые рамки ЕС, национальная реализация миграционной политики в период кризиса приобрела полярные формы. Германия действовала в рамках интеграционного подхода с акцентом на долгосрочное включение мигрантов в общество, Чехия – на минимизацию приема при формальном соблюдении обязательств, Венгрия – на жесткое предотвращение попадания беженцев на территорию страны. Несмотря на то, что Дублинский регламент и смежные акты формально устанавливали четкий порядок рассмотрения ходатайств о предоставлении убежища, уже в середине 2014 – начале 2015 гг. стало очевидно, что фактическая нагрузка на пограничные государства — прежде всего Италию и Грецию — значительно превышает их административные и финансовые возможности. Система распределения мигрантов де-факто начала терять свою эффективность: государства транзита не успевали регистрировать всех прибывающих, а часть мигрантов намеренно избегала оформления в странах первого въезда, чтобы подать ходатайство в более экономически привлекательных странах, таких как Германия или Швеция. В 2015–2020 гг. формально единая миграционная политика ЕС приобрела ярко выраженную дифференциацию в реализации на национальном уровне. Несмотря на существование общей нормативной базы, решения

о приеме, распределении и интеграции беженцев принимались с учетом политических приоритетов отдельных государств, что подрывало эффективность коллективных мер и показало ограниченность механизма коллективного действия в рамках Европейского Союза.

Для полноты картины стоит привести конкретные случаи, иллюстрирующие тенденции. В Германии наиболее резонансным стал случай в Кельне на Новый год 2015–2016 гг., когда свыше тысячи мигрантов, преимущественно из Северной Африки и Ближнего Востока, совершили массовые сексуальные домогательства и грабежи в отношении сотен женщин; по данным полиции, зарегистрировано более 1,2 тыс. заявлений, что привело к арестам и ужесточению миграционной политики как следствие. Этот случай являлся примером, иллюстрирующим рост преступлений мигрантов в 2015–2016 гг., на 50% включая сексуальные (+79% по отчетам Федерального ведомства уголовной полиции Германии) [18]. В Чехии подобные случаи довольно редки и в основном фиксируются мелкие правонарушения среди трудовых мигрантов из Украины, без значительного роста насилия.

Можно сделать вывод, что рост преступности коррелирует с притоком мигрантов. Такие факторы, как демография, условия размещения, а также страна происхождения мигрантов, являются наиболее значимыми. Преступность выше среди выходцев из мусульманских регионов (нападения такие как в Кельне связаны с мигрантами из Северной Африки и Ближнего Востока), в то время как среди восточноевропейских мигрантов (украинцев в Чехии и Польше) она минимальна, обычно ограничиваясь мелкими правонарушениями. Можно сделать вывод, что наиболее благоприятным сценарием приема является принятие культурно близких народов, которые не будут сталкиваться с проблемами интеграции, а вместе с тем не будут наносить вред местному населению.

Германия проводила работу по интеграции, но столкнулась с социальными и экономическими последствиями. Чехия сохранила культурную однородность, фокусируясь на экономической миграции. Венгрия предотвратила приток миграции. Для России опыт других стран подчеркивает необходимость установления строгого контроля (подобно Венгрии), учитывая риски возникновения

анклавов, а также значительной социальной напряженности и экономических издержек.

Завершая рассмотрение миграционного кризиса 2015–2020 гг., возникает вопрос: а стоило ли Европейскому Союзу принимать беженцев из регионов с иными культурными и ценностными контекстами, в особенности учитывая экономическую нестабильность как следствие подобных решений? В странах происхождения, таких как Сирия, средний доход часто во много раз ниже европейского, где даже пособия (например, в Германии – около 460 евро в месяц на человека для покрытия базовых нужд (для просителей убежища) [1] превышают зарплаты в стране исхода, стимулируя миграцию. В Германии по данным BAMF, к 2020 г. половина беженцев работала [11], их занятость на 50% ниже коренных жителей, у которых она составляет примерно 75–80%, средняя зарплата мигрантов на 20–30% меньше, при этом социальные расходы на мигрантов выше [28] вследствие большего количества детей в семьях. Для сравнения, по данным OECD, украинские мигранты, прибывающие в Польшу после 2022 г. демонстрируют занятость на уровне 90% среди лиц трудоспособного возраста, преимущественно закрывая малооплачиваемые вакансии, в т.ч. в промышленности, увеличивая конкурентоспособность польской экономики, в то же время социальные расходы на украинских мигрантов меньше среднего по стране уровня.

Отметим, что уровень занятости украинских беженцев в Польше в 2024 году — 55–65% (выше среди мужчин и квалифицированных специалистов), в Германии — ниже 30% (из-за бюрократии, языковых барьеров и перевода беженцев на пособия). В Польше трудовая интеграция происходила быстрее благодаря востребованности на рынке труда и культурной близости, в Германии многие перешли на Bürgergeld (гражданское пособие). [25]

Можно сделать вывод, что социальные и экономические издержки от уроженцев стран с иной цивилизационной идентичностью крайне высоки, политика приема мигрантов вступила в противоречие с желанием коренного населения и национальными интересами. Бенефициарами миграционной политики являются правозащитные НКО, существующие за счет грантовых средств, партии левого спектра, стремящиеся увеличить базовый электорат и руководство социальных служб, заинтересованное в освоении

дополнительных средств на выплате пособий и адаптации мигрантов.

Проблема с мигрантами спровоцировала радикализацию части населения, так в Германии выросло число нападений на мигрантов (свыше 2 тыс. в 2016 г. по данным Amnesty International [5], проводились митинги Pegida (до 25 тыс. участников в Дрездене), где звучали призывы к депортациям [4]. В Чехии протесты против «мусульманской угрозы» (2015–2017) привели к увеличению числа граждан, выступающих против приема мигрантов до 70 % [8]. В Венгрии правительство консолидировало антимиграционную повестку, на референдуме в 2016 г. против квот ЕС проголосовали 98% (при низкой явке) [22], при этом страна избежала массовых беспорядков. Приведенные примеры подчеркивают, что без строгого отбора интеграция терпит неудачу, провоцируя социальное отторжение и политическую поляризацию. Примеров успешной интеграции мигрантов из бедных стран, принадлежащих к исламской цивилизации в современном мире, не имеется. В условиях миграционного кризиса миграционная политика в Чехии и Венгрии была значительно успешнее, чем в Германии, которая пыталась решить вопрос за счет интеграционной политики.

Для России, сталкивающейся с во многом похожими вызовами, урок миграционного кризиса наглядно показывает необходимость разумной политики, сочетающей строгий отбор с интеграционными мерами в отношении тех, кто гражданство уже получил. Отметим, что в нашей стране, особенно на рубеже 2010–2020-х гг. получила широкое распространение выдача гражданства уроженцам Средней Азии, в первую очередь Таджикистана, большинство из которых не стремятся к интеграции, существуя за счет единого пособия [2] - выплаты на детей из малообеспеченных семей, которые были введены в 2018 г. и расширены в 2022 г. на детей до 17 лет (в 2025 г. средний по регионам размер выплаты составляет 17,2 тыс. руб. на ребенка в месяц). По нашему мнению, в отношении получивших гражданство уроженцев из Средней Азии необходимо проверить проверку по двум критериям: встал ли военнообязанный на воинский учет сразу после получения гражданства, и имеют ли совершеннолетние (за исключением учащихся и находящихся в отпуске по уходу за ребенком) доход за последние два

года не менее медианного по региону проживания. В отношении тех, кто не соответствует указанным критериям принимать решение о прекращении гражданства по отношению к указанным гражданам и их семьям.

Формальные критерии позволят полностью исключить коррупционную составляющую предлагаемой миграционной реформы.

Список литературы:

1. Германия снижает пособия для просителей убежища в 2025 году // InfoMigrants. – 2024. – 30 окт. URL: <https://www.infomigrants.net/en/post/60890/germany-to-reduce-welfare-benefits-for-asylum-seekers-in-2025> (дата обращения: 15.08.2025).
2. Мязин, Н. А. Проблема миграции населения из стран ближнего зарубежья в Российскую Федерацию / Н. А. Мязин // Теория и практика общественного развития. 2022. № 12. С. 68–76.
3. A European Agenda on Migration. COM (2015) 240 final. – Brussels: European Commission, 13 May 2015. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52015DC0240> (дата обращения: 15.08.2025).
4. Amnesty International. Living in Fear: Racism, Xenophobia and Intolerance in Europe // Amnesty International. – 2016. URL: <https://www.amnesty.org/en/documents/eur23/4112/2016/en/> (дата обращения: 15.08.2025).
5. Amnesty International Report 2016/17: The State of the World's Human Rights. – London: Amnesty International, 2017. URL: <https://www.amnesty.org/en/documents/pol10/4800/2017/en/> (дата обращения: 15.08.2025).
6. Asylbewerberleistungsgesetz vom 30. Juni 1993 (BGBl. I S. 1074), zuletzt geändert durch Artikel 8 des Gesetzes vom 20. November 2014 (BGBl. I S. 1722) // Bundesgesetzblatt. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/asylblg/> (дата обращения: 15.08.2025).
7. Bundesamt für Migration und Flüchtlinge (BAMF). Das Bundesamt in Zahlen: Asyl, Migration und Integration. – Nürnberg: BAMF, 2024. URL: <https://www.bamf.de/EN/Themen/Statistik/statistik-node.html> (дата обращения: 15.08.2025).
8. Centrum pro výzkum veřejného mínění (CVVM). Attitude of the Czech public towards accepting refugees from Ukraine – Autumn 2024 // CVVM. – 2024. URL: <https://cvvm.soc.cas.cz/en/press-releases/political/international-relations/5908-attitude-of-the-czech-public-towards-accepting-refugees-from-ukraine-autumn-2024-2> (дата обращения: 15.08.2025).
9. Convention relating to the Status of Refugees. Geneva, 28 July 1951; Protocol relating to the Status of Refugees. New York, 31 January 1967 // United Nations Treaty Series. – Vol. 189; Vol. 606. URL: <https://treaties.un.org/pages/showDetails.aspx?objid=08000002801012d4> (дата обращения: 15.08.2025).
10. Das Bundesamt in Zahlen 2015–2020. – Nürnberg: Bundesamt für Migration und Flüchtlinge, 2021. URL: <https://www.bamf.de/SharedDocs/Anlagen/DE/Statistik/BundesamtinZahlen/bundesamt-in-zahlen-2015-2020.pdf> (дата обращения: 15.08.2025).
11. Directive 2011/95/EU of the European Parliament and of the Council of 13 December 2011 on standards for the qualification of third-country nationals or stateless persons as beneficiaries of international protection, for a uniform status for refugees or for persons eligible for subsidiary protection, and for the content of the protection granted (recast) // Official Journal of the European Union. – 2011. – L 337. – P. 9–26. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32011L0095> (дата обращения: 15.08.2025).
12. Directive 2013/32/EU of the European Parliament and of the Council of 26 June 2013 on common procedures for granting and withdrawing international protection (recast) // Official Journal of the European Union. – 2013. – L 180. – P. 60–95. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32013L0032> (дата обращения: 15.08.2025).
13. Directive 2013/33/EU of the European Parliament and of the Council of 26 June 2013 laying down standards for the reception of applicants for international protection (recast) // Official Journal of the European Union. – 2013. – L 180. – P. 96–116. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32013L0033> (дата обращения: 15.08.2025).
14. European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms. Rome, 4 November 1950 // Council of Europe Treaty Series. – No. 5. URL: https://www.echr.coe.int/documents/convention_eng.pdf (дата обращения: 15.08.2025).

15. European Council. Strategic Guidelines for Legislative and Operational Planning within the Area of Freedom, Security and Justice. EUCO 79/14. – Brussels, 26–27 June 2014. URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-79-2014-INIT/en/pdf> (дата обращения: 15.08.2025).

16. European Council on Foreign Relations. Hungary's migrant quota referendum: Never let a good crisis go to waste [Электронный ресурс] // ECFR. – 2016. URL: https://ecfr.eu/article/commentary_hungarys_migrant_quota_referendum_never_let_a_good_crisis_go7011/ (дата обращения: 15.08.2025).

17. Europeans Fear Wave of Refugees Will Mean More Terrorism, Fewer Jobs. – Washington, D.C.: Pew Research Center, 11 July 2016. URL: <https://www.pewresearch.org/global/2016/07/11/europeans-fear-wave-of-refugees-will-mean-more-terrorism-fewer-jobs/> (дата обращения: 15.08.2025).

18. EU Fact Check. Mostly false: the refugee crisis has made Germany more insecure // EU Fact Check. – 2019. – 23 May. URL: <https://eufactcheck.eu/factcheck/mostly-false-the-refugee-crisis-has-made-germany-more-insecure/> (дата обращения: 15.08.2025).

19. EU–Turkey Statement, 18 March 2016. – Brussels: European Council, 2016. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2016/03/18/eu-turkey-statement/> (дата обращения: 15.08.2025).

20. Eurostat. Asylum and first time asylum applicants by citizenship, age and sex – annual aggregated data. – Luxembourg: Eurostat, 2023. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/data-browser/view/migr_asyappctza/default/table (дата обращения: 15.08.2025).

21. Gesetz über den Aufenthalt, die Erwerbstätigkeit und die Integration von Ausländern im Bundesgebiet (AufenthG) vom 30. Juli 2004 (BGBl. I S. 1950), zuletzt geändert durch Artikel 1 des Gesetzes vom 27. Juli 2015 (BGBl. I S. 1386) // Bundesgesetzblatt. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/aufenthg_2004/ (дата обращения: 15.08.2025).

22. Hungary: Act No. LXXX of 2007, Act on Asylum (as amended up to 2016). URL: <https://www.refworld.org/docid/4979cc072.html> (дата обращения: 15.08.2025).

23. Hungary. Government statement on migration policy. – Budapest, 23 October 2014. URL: <https://2015-2019.kormany.hu/en/news/government-statement-on-migration-policy> (дата обращения: 15.08.2025).

24. Judgment of the Court (Grand Chamber) of 6 September 2017 in Joined Cases C-643/15 and C-647/15. – Luxembourg: Court of Justice of the European Union, 2017. URL: <https://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?text=&docid=194081&pageIndex=0&doclang=EN> (дата обращения: 15.08.2025).

25. Lewandowski, P. Occupational Downgrading, Job Tasks, and the Return Intentions of Ukrainian Refugees / P. Lewandowski // EconPol Forum. – 2025. – Vol. 26, No. 1. – P. 18–21. URL: <https://www.ifo.de/DocDL/econpol-forum-2025-1-lewandowski-eu%20migration%20policy.pdf> (дата обращения: 15.08.2025).

26. Ministry of the Interior of the Czech Republic. Migration statistics. – Prague: Ministry of the Interior, 2024. URL: <https://www.mvcr.cz/migrace/clanek/statistiky.aspx> (дата обращения: 18.08.2025).

27. Ministry of Interior of Hungary. Statistics. – Budapest: Ministry of Interior, 2024. URL: <https://www.bm.hu/en/our-services/statistics> (дата обращения: 15.08.2025).

28. Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD). International Migration Outlook 2024 [Электронный ресурс] // OECD. – 2024. URL: https://www.oecd.org/en/publications/2024/11/international-migration-outlook-2024_c6f3e803.html (дата обращения: 15.08.2025).

29. Regulation (EU) No 604/2013 of the European Parliament and of the Council of 26 June 2013 establishing the criteria and mechanisms for determining the Member State responsible for examining an application for international protection lodged in one of the Member States by a third-country national or a stateless person (recast) // Official Journal of the European Union. – 2013. – L 180. – P. 31–59. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32013R0604> (дата обращения: 15.08.2025).

30. Zákon č. 325/1999 Sb., o azylu, ve znění pozdějších předpisů. URL: <https://www.zakonyprolidi.cz/cs/1999-325> (дата обращения: 15.08.2025).

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

УДК 332.14

А. В. Кокина

Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент А. В. Штепа

ОСОБЕННОСТИ И ПРЕИМУЩЕСТВА РАЗВИТИЯ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

В этой статье рассмотрены ключевые аспекты развития Дальневосточного федерального округа (ДФО) в различных сферах, включая экономику, социальную политику, инфраструктуру и демографию. Определены перспективы дальнейшего роста региона, его конкурентные преимущества, возможные вызовы и ограничения. Особое внимание уделено социально-экономическим аспектам, политическим аспектам и региональной политике, демографическим процессам, развитию промышленности, энергетики и транспортной сети. Исследована политическая специфика региона, особенно его роль в укреплении международных связей со странами Азиатско-Тихоокеанского региона.

Ключевые слова: Дальневосточный федеральный округ (ДФО); развитие экономики; инвестиции; демография; конкурентоспособность.

А. V. Kokina

Scientific supervisor – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor A.V. Shtepa

FEATURES AND ADVANTAGES OF THE DEVELOPMENT OF THE FAR EASTERN FEDERAL DISTRICT

This article examines key aspects of the development of the Far Eastern Federal District (Far Eastern Federal District) in various fields, including economics, social policy, infrastructure, and demography. The prospects for further growth of the region, its competitive advantages, possible challenges and limitations are identified. Special attention is paid to socio-economic aspects, political aspects and regional policy, demographic processes, development of industry, energy and transport network. The article examines the political specifics of the region, especially its role in strengthening international relations with the countries of the Asia-Pacific region.

Keywords: Far Eastern Federal District; economic development; investment; demography; competitiveness.

Дальневосточный федеральный округ (далее – ДФО) представляет собой значительную территорию Российской Федерации, обладающую уникальным потенциалом для социально-экономического и политического развития. Регион характеризуется достаточно молодым населением со средним возрастом 33,9 года, из чего следует вывод о наличии значительного трудового ресурса и даёт возможность для реализации различных инновационных проектов. Также Дальний Восток имеет немаловажное стратегическое и экономическое значение для России, что будет рассмотрено далее.

Развитие Дальнего Востока зависит не столько от его природных богатств, сколько от людей, их энтузиазма, креативности и трудолюбия. Именно население региона выступает ключевым ресурсом для воплощения

различных перспективных проектов и инициатив, призванных повысить социально-экономическое благосостояние. Несмотря на малую плотность населения, уровень обеспеченности жильём на Дальнем Востоке остается ниже среднего по всей России.

Одной из главных проблем как для ДФО, так и для России в целом является демографический спад – это не только экономическая проблема, но и серьёзный вызов для самого отдалённого от Москвы региона, окружённого экономически мощными и густонаселёнными странами. Этот контраст создаёт пространство для сложных решений, которые могут показаться неоднозначными, но на самом деле направлены на долгосрочное развитие региона.

Достаточно грустной на деле является статистика. За период с 1990 по 2023 год

численность населения макрорегиона снизилась на 2 млн 538 тыс. чел., что составляет 24,4%. Для сравнения, по России в целом этот показатель составил всего 1,1%. С 1990 г. естественная убыль населения Дальнего Востока достигла 178,5 тыс. чел.: родилось 3 664,7 тыс. чел., а умерло 3 843,2 тыс., что на 4,9% больше.

С 2018 г. естественная убыль населения в ДФО возобновилась. Это связано с уменьшением рождаемости, так как в активный репродуктивный возраст вступили малочисленное поколение, рождённое в 1990-е годы. Ситуация усугубилась ростом смертности в 2020–2021 годах из-за пандемии COVID-19.

С 2018 по 2023 год, с учётом данных Всероссийской переписи населения 2020 г., общая убыль населения составила 274,6 тыс. человек. Из них естественная убыль – 121,4 тыс. человек (44%), а миграционная – 153,3 тыс. человек (56%).

По состоянию на 1 января 2024 г. плотность населения данного макрорегиона составила всего лишь 1,1 человека на квадратный километр. А в среднем по стране этот показатель равен 8,5 человека на квадратный километр, что в 8 раз выше, чем в ДФО. Только в Приморском крае плотность населения превышает среднероссийский уровень на 29%.

Наименее заселены Чукотский автономный округ (0,1 человека на квадратный километр, что в 128 раз меньше среднего показателя по России), Республика Саха (Якутия) и Магаданская область (0,3 человека на квадратный километр, в 30 раз ниже среднего значения по стране).

Структура населения в ДФО практически идентична средней по стране, а именно доля проживающих в сельской местности составляет 26,2%, что немного выше среднероссийского уровня в 25,1%. В пяти дальневосточных регионах доля городского населения превышает среднероссийское значение, с максимальным показателем в Магаданской области, который в 1,3 раза выше среднего [4, с. 48].

Дальневосточный федеральный округ занимает территорию площадью 6 952,6 тыс. кв. км, что составляет 40,6% от территории РФ. В регионе сосредоточены значительные природные ресурсы, включая уголь, руды и, конечно же, леса. Эти богатства представляют не только огромный экономический интерес и потенциал для страны, но и создают основу

для развития местной экономики и обеспечения занятости населения в различных сферах деятельности.

Развитие Дальнего Востока сопровождается рядом трудностей и особенностей. К ним относятся, в частности, слабая инфраструктура и удалённость от центральной политической и финансовой активности России – Москвы. Такая дистанция затрудняет привлечение инвестиций, стимулирование предпринимательства и создание условий для высокого качества жизни жителей.

Перспективы развития экономики Дальнего Востока зависят от множества различных факторов, включая, в первую очередь, мировую и российскую экономику. Благодаря своему географическому положению, регион граничит с одной из самых быстрорастущих частей мировой экономики – странами Азиатско-Тихоокеанского региона (далее – АТР). Традиционная открытость экономики региона делает его развитие возможным, в основном, через сотрудничество со странами АТР, особенно, и в самых больших объёмах, с Северо-Восточной Азией.

Перспективы развития ДФО связаны, в первую очередь, с его конкурентными преимуществами, а именно близостью к рынкам АТР, наличием природных ресурсов (уголь, нефть, газ, металлы, древесина) и разнообразием климата. Основные направления развития включают формирование Южно-Якутского и Зейско-Свободненского территориально-производственных комплексов, развитие энергетики, машиностроения, лесной и химической промышленности. На БАМе планируется создание металлургического комплекса на базе углей Южной Якутии и железной руды. В районе Комсомольска-на-Амуре – химического комплекса на основе местных ресурсов. Советская Гавань станет транспортным узлом с реконструкцией порта и паромной переправой на Сахалин. Освоение ресурсов требует больших инвестиций, включая привлечение иностранных вложений от Японии, Китая и Южной Кореи [5, с. 352].

Во многом, конечно, на передний план выходит проблема финансирования Дальневосточного Федерального округа. Если рассматривать официальные документы о финансировании Москвы и ДФО – будет заметна интересная тенденция. На 2025 год бюджет Москвы выглядит следующим образом: доходы – 5 121 421 787,2 тыс. руб.; расходы – 5

582 502 836,5 тыс. руб.; дефицит – 461 081 049,3 тыс. руб.

Суммируя показатели каждого региона Дальневосточного Федерального Округа, мы можем увидеть следующую ситуацию: доходы – 1 743 406 600 тыс. руб.; расходы – 2 006 378 300 тыс. руб.; дефицит – 262 971 300 тыс. руб. Анализируя данные числа, мы можем прийти к весьма неположительным выводам – доходы и расходы, то есть бюджет, только Москвы значительно превышают весь бюджет Дальневосточного Федерального округа целиком. Это говорит нам о значительном финансовом отставании ДФО в целом, не учитывая гранты и средства, которые дополнительно направляются в регион [10; 3].

В Дальневосточном федеральном округе активно развиваются новые инструменты финансирования, которые помогают привлечь больше частных инвестиций. Государство постепенно всё меньше вкладывает в экономику, а основную нагрузку берут на себя бизнесмены. По крайней мере такая тенденция наблюдалась до кризисов 2020 и 2022 годов [2, с. 10].

В 2019 г. в регион пришло 1,39 триллиона руб. инвестиций. Это на 2,6% больше, чем годом ранее. Из этой суммы почти 40% – это деньги из-за границы. А вот доля государства (включая муниципалитеты) – всего 26,5% [5].

Однако, как показывает многолетний опыт развития Дальнего Востока, больше всего интереса у инвесторов — как у иностранных, так и у отечественных — вызывают полезные ископаемые. Это подтверждается статистикой, которая по-прежнему демонстрирует, что основные инвестиции в экономику региона идут в сырьевой сектор.

В 2019 году в этот сектор было вложено почти 40% (более 500 млрд руб.) от всех инвестиций в регион. И, скорее всего, экономика Дальнего Востока продолжит развиваться по модели «голландской болезни». Это значит, что самые прибыльные отрасли, в данном случае добывающие, будут привлекать к себе больше всего ресурсов — от инвестиций до рабочей силы. Они приходят в экономику определённого региона не для того, чтобы улучшить жизнь людей и развить территорию, а чтобы, в первую очередь, заработать деньги. Между тем, главная цель российского государства — всестороннее развитие дальневосточного региона.

Конечно, к 2025 году число иностранных инвестиций значительно сократилось. По имеющимся данным, можно проследить следующую ситуацию: 2024 г. Дальневосточный федеральный округ занял лидирующие позиции в рейтинге инвестиционной привлекательности регионов России. Камчатский край, Хабаровский край, Приморский край и Амурская область получили высокие оценки. В этих регионах, которые были определены как «регионы роста», в 2023 г. наблюдался значительный рост инвестиций, который превысил среднероссийские показатели.

В 2024 г. в регионы Дальнего Востока было вложено 3,9 трлн руб. в основной капитал. Это составляет 10% от общего объёма инвестиций в основной капитал Российской Федерации [6], и на 6% больше, чем в предыдущем году.

Большинство крупных проектов, начатых на данный момент на Дальнем Востоке, уже прошли инвестиционные этапы или находятся на завершающей стадии. Проекты постепенно переходят на эксплуатационные этапы. Всего на Дальнем Востоке реализуется 119 крупных инвестиционных проектов из 2 907. Инвесторы десяти крупнейших проектов вложили более 3 трлн руб. за период с 2015 по май 2025 гг., что составляет 60% от общего объёма инвестиций в проекты с государственной поддержкой. Среди них: Амурские газоперерабатывающий завод и газохимический комплекс, горно-обогатительный комбинат на месторождении Малмыжское, освоение Удоканского месторождения меди и Баимский горно-обогатительный комбинат [8].

Положительное влияние на повышение оценок оказали тенденции в промышленном производстве и транспортной отрасли. В этих регионах отмечается увеличение грузооборота и загрузки портов в контексте экономической переориентации на восточное направление.

Однако, исходя из вышесказанного, мы можем прийти к выходу — основное развитие получает именно сырьевой сектор.

В долгосрочной перспективе Дальний Восток может укрепить свои позиции важного двигателя экономического роста Российской Федерации. Для реализации данного потенциала необходимо:

1. Переустройство местной экономики с целью снижения зависимости от сырьевого сектора.

2. Повышение уровня развития инфраструктуры и улучшение качества жизни для того, чтобы обеспечить демографическую устойчивость региона.

3. Усиление интеграционных процессов со странами Азиатско-Тихоокеанского региона при условии, конечно же, сохранении экономического суверенитета ДФО.

Однако развитие экономики не отменяет проблем и особенностей отношения властей и народа. Региональная политика – это стратегия развития региона, направленная на улучшение качества жизни людей. На практике же её основная задача часто сводится к контролю над ресурсами и обеспечению лояльности местных жителей. В России эти цели успешно реализуются, хотя задача развития региона остаётся очень актуальной. Разрыв между официально заявленными целями и реальными задачами региональной политики приводит к расхождению между планируемыми и фактическими результатами. Для планирования региональных стратегий важно учитывать не только сами цели, но и качество их реализации.

Дальневосточный федеральный округ является интересным регионом в рамках Российской Федерации. Если рассматривать со стороны административно-территориального устройства, то мы увидим большое разнообразие субъектов – республики Бурятия и Саха (Якутия); края – Забайкальский, Камчатский, Приморский, Хабаровский; Амурская, Сахалинская, Магаданская области, Еврейская автономная область, Чукотский автономный округ.

Хотя географически Республика Саха (Якутия) относится к Восточной Сибири, в советское время она входила в состав Дальневосточного экономического района. Сегодня Дальний Восток стал еще более сплочённым благодаря созданию в 2000 г. Дальневосточного федерального округа и принятию государственных программ по его развитию.

Успех региональной политики во многом зависит от того, насколько хорошо взаимодействуют центр и регионы. Если отношения между ними строятся на принципах равноправия, то проблемы решаются более эффективно.

Положение регионов в системе федеративных отношений зависит от общероссийских политических процессов и, конечно, действий региональных и местных политических

элит. Каждый субъект федерации имеет свои возможности для отстаивания интересов, которые зависят от влияния элит, экономического развития и особенностей регионального политического процесса [1, с. 108]. Одним из ярких примеров конфликта центральной власти и местных властей стали протесты в Хабаровском крае, проходившие с 11 июля 2020 года до 9 июля 2023 года. Данные протесты, проходившие на фоне ареста губернатора Хабаровского края, имели конкретные основания.

Обман и ложь – именно таким образом, как минимум с 2018 г., жители Хабаровского края воспринимали действия федеральных, региональных и даже местных властей. Люди, уже уставшие от постоянного недоверия к представителям власти, выразили своё недоверие в протестном голосовании 2018 и 2019 гг., а позже уже, конечно, и митингами. Протестные настроения нарастали со временем, и одним из факторов, значительно увеличивших эти самые настроения, стала пенсионная реформа, которая была проведена в России после президентских выборов 2018 года. Владимир Путин часто выступал, говоря о недопустимости повышения пенсионного возраста, однако, реформа всё же была проведена, что было расценено как нарушение обещаний президента.

На губернаторских выборах 2018 г. победителем стал Сергей Иванович Фургал, который одержал победу над Вячеславом Ивановичем Шпротом, кандидатом от «Единой России». Либеральная Демократическая партия России, то есть, ЛДПР, занимала третье место по популярности на протяжении долгого времени, вплоть до 2018 г., лишь изредка меняясь местами со «Справедливой Россией». На фоне повышения популярности Сергея Ивановича, возросла и популярность ЛДПР: партия одержала победу на всех парламентских выборах Хабаровского края. Люди любили Фургала, ведь он был избранником от народа, часто взаимодействовал с избирателями. Его арест в 2020 г. вызвал шквал критики и волнений. В ходе протестов, Сергей Иванович был представлен как «мученик» и, что немаловажно, «народный губернатор». Его избрание «вопреки воле Москвы» – тоже своего рода протест. Команда Сергея активно использовала информационные ресурсы для взаимодействия с населением, а сам губернатор часто встречался с гражданами напрямую, что

создавало более тесный контакт между представителем власти и электоральными группами.

Победа Фургала на выборах продемонстрировала значимость избирательного процесса и возможность влиять на принятие решений через участие в выборах, даже «вопреки воле Москвы». В 2019 г. это было подтверждено результатами региональных и муниципальных парламентских выборов. Арест Фургала стал основным триггером протестов, которые были вызваны нерешённостью ряда системных проблем в регионе. Несмотря на возможное участие в уголовных делах, для многих жителей вопрос «виновен или не виновен» не был главным. Это свидетельствует нам о кризисе доверия к правоохранительным и судебным органам. Мотивы участия в протестах включали такие факторы как: личную симпатию к Сергею Фургалу, «незаконность» его ареста, участие в массовом мероприятии, попытку воздействия на федеральную власть, а также информационную неопределённость и возможность развлечения. Особое внимание также уделялось эмоциональной составляющей, при этом, по статистике, что не мало важно, женщины более активно поддерживали протесты. В целом, протестные настроения в Хабаровском крае были обусловлены социально-психологическими факторами, в первую очередь такими как недоверие к центральной власти и доверие местным властям, в частности губернатору. Социально-экономические же проблемы, такие как низкие зарплаты, высокие цены, проблемы с трудоустройством и доступностью социальной инфраструктуры, также играли роль, но были второстепенными [74, с. 169–175].

Таким образом, Дальний Восток всё ещё остаётся регионом, где мы можем увидеть как лояльность к государству, так и протесты, и попытки диалога. Будущее этих отношений будет зависеть от способности государства и местных, и региональных властей предложить региону не только финансовую поддержку, но и реальное участие в процессе принятия решений, касающихся его социально-экономического развития.

Подводя итоги, можно сформулировать ряд основных проблем и опасностей ДФО:

1. Отток жителей из региона из-за разницы в уровне жизни с европейскими регионами России.

2. Снижение численности населения из-за низкой рождаемости, высокой смертности и миграции.

3. Превращение региона в источник сырья для развивающихся стран, то есть, «голландская болезнь».

4. Несогласованность действий правительства России в вопросах поддержки региона, отсутствие понимания между центром и регионом.

5. Недостаточное финансирования региона.

Можно сказать, что у Дальневосточного федерального округа имеется значительный потенциал в социально-экономической и политической сферах, поскольку он является важнейшим стратегическим регионом для Российской Федерации, имеет и молодое трудоспособное население, богат различными природными ресурсами, занимая очень выгодное географическое положение. Эти особенности делают Дальний Восток весьма привлекательным регионом для инвесторов, однако, есть и минусы и проблемы, указанные выше..

Несмотря на все усилия федеральных и региональных властей, реализацию проектов, попытки привлечения инвестиций – проблема остаётся одна: дисбаланс в развитии между ДФО и столицей. И не только столицей, а и в целом всего Центрального федерального округа и Европейской части страны. Из-за наличия больших залежей полезных ископаемых и лесов, существует вероятность, что экономика региона продолжит развиваться только в сырьевом секторе. Регион будет продолжать полностью зависеть от добычи сырья, что приведёт к «голландской болезни», а это значит подрыв суверенитета местной экономики и сильная зависимость от внешнеэкономических факторов, что пагубно будет влиять на регион.

Для того, чтобы социально-политическая ситуация в регионе стабилизировалась, центральной власти и власти «на местах» нужно научиться правильно взаимодействовать, иначе местные жители продолжать выражать своё недовольство о неэффективных методах управления и недостаточным вниманием к местным проблемам. Население всегда ждёт поддержки от федерального центра, но пока достичь взаимопонимания не получается.

Регион нужно продолжать развивать: реализовывать проекты, привлекать инвестиции, развивать инфраструктуру и, конечно,

строить здоровое взаимодействие между властями и обществом. Если регион будет приближаться по уровню жизни к ЦФО, то люди перестанут мигрировать, и демографическая ситуация в ДФО станет несколько лучше. Всё это будет являться согласованным подходом,

и именно он поможет наиболее эффективно использовать потенциал Дальневосточного федерального округа и ещё больше усилить роль региона в развитии Российской Федерации.

Список литературы:

1. Григорьев, Н. А. Региональные социально-политические процессы на Дальнем Востоке России: монография / Н. А. Григорьев. – Тамбов: Консалтинговая компания Юком, 2018. – 108 с.
2. Гришунин, С., Пахалов, А. XII ежегодная оценка инвестиционной привлекательности регионов России «Разворот на Восток» / С. Гришунин, А. Пахалов. – М.: Национальное Рейтинговое Агентство, 2024. – 15 с.
3. Закон «О бюджете города Москвы на 2025 год и плановый период 2026 и 2027 годов» от 13.11.2024 № 22. Ст. 1 // Документы Правительства Москвы: офиц. сайт. URL: <https://www.mos.ru/authority/documents/doc/54781220/> (дата обращения: 29.05.2025).
4. Ли, Е. Л., Дорошенко, Т. А. Демографическая характеристика Дальневосточного федерального округа / Е. Л. Ли, Т. А. Дорошенко. – М.: Восточный центр государственного планирования, 2024. – 48 с.
5. Макаров, С. В. Федеральные округа России. Региональная экономика: учебник / С. В. Макаров, А. А. Винокуров, В. Г. Глушкова. – М.: КноРус, 2009. – 352 с.
6. Объем инвестиции в основной капитал регионов ДФО составил 3,9 трлн рублей в 2024 году // Полномочного представителя Президента Российской Федерации в Дальневосточном федеральном округе: офиц. сайт. URL: <http://www.dfo.gov.ru> (дата обращения: 29.05.2025).
7. Печенкин, Н. М., Неткачев, К. И. Протестные общественно-политические настроения жителей Дальнего Востока в 2020 году (на примере Хабаровска, Владивостока, Благовещенска) / Н. М. Печенкин, К. И. Неткачев // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2021. – № 11(4). – С. 169–175.
8. Программа «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья до 2025 года». URL: <https://madviz.ru/strategy-for-socio-economic-development-of-the-far-east-and-the-baikal-region-until-2025> (дата обращения: 29.05.2025).
9. Регионы России. Социально-экономические показатели – 2019 г. // Федеральная служба государственной статистики: офиц. сайт. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b19_14p/Main.htm (дата обращения: 29.05.2025).
10. Субъекты Российской Федерации. Основные показатели бюджетов // Понятный бюджет. Открытый регион. Пермский край: информационно-статистический портал. URL: <https://budget.permkrai.ru/> (дата обращения: 29.05.2025).

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

УДК 340

Е. А. Магомедова¹, М. А. Зайцева², Д. М. Кожевникова¹

ШКОЛА ПРАВОВЫХ ЗНАНИЙ КАК ИНСТРУМЕНТ РЕАЛИЗАЦИИ МОЛОДЁЖНОЙ ПОЛИТИКИ

В статье рассматривается современное состояние и особенности реализации молодежной политики в Российской Федерации, подчёркивается роль молодежи как стратегического ресурса в государственно-правовом строительстве. Особое внимание уделено проблемам формирования правовой культуры и правосознания молодых граждан. Также анализируется деятельность Школы правовых знаний при кафедре юриспруденции Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского как эффективного инструмента правового просвещения и патриотического воспитания студентов и школьников. Отмечается значимость инновационных и традиционных форм работы с молодёжью, а также их соответствие стратегическим направлениям государственной молодёжной политики. В заключении подчеркивается перспектива дальнейшего развития подобных образовательных инициатив как важного фактора устойчивого социально-правового и гражданского становления подрастающего поколения.

Ключевые слова: молодёжная политика; правовое просвещение; правовая культура; Школа правовых знаний; патриотическое воспитание; молодёжь; правосознание; профилактика правонарушений; Калужский государственный университет; Российская Федерация.

E. A. Magomedova, D. M. Kozhevnikova, M. A. Zaitseva

SCHOOL OF LEGAL KNOWLEDGE AS A TOOL FOR IMPLEMENTING YOUTH POLICY

The article examines the current state and features of implementing youth policy in the Russian Federation, emphasizes the role of youth as a strategic resource in state and legal construction. Special attention is paid to the problems of forming legal culture and legal consciousness of young citizens. The article also analyzes the activities of the School of Legal Knowledge at the Department of Jurisprudence at Kaluga State University named after K. E. Tsiolkovsky as an effective tool for legal education and patriotic upbringing of schoolchildren and students. The importance of innovative and traditional forms of work with young people is noted, as well as their compliance with the strategic directions of state youth policy. In conclusion, the article emphasizes the prospects for further development of such educational initiatives as an important factor in sustainable socio-legal and civic education.

Keywords: youth policy; legal education; legal culture; School of Legal Knowledge; patriotic education; youth; legal awareness; prevention of offenses; Kaluga State University; Russian Federation.

Современный этап государственно-правового строительства в России характеризуется сложностью, динамичностью и определённой проблематичностью. Немаловажная роль в развитии любого государства, и Россия в этом плане не исключение, принадлежит молодёжи. На наш взгляд, молодёжь является своего рода неким стратегическим ресурсом, способным принимать самое деятельное участие в формировании политико-правового ландшафта и выступать определённым индикатором успешности реформирования различных сфер жизнедеятельности российского общества.

Вместе с тем следует отметить, что в современных реалиях молодёжь представляет собой достаточно разнородную общественно-политическую общность. Именно данный постулат предопределяет поведение этой социальной группы: от весьма позитивного и конструктивного, когда молодые люди проявляют активную гражданскую позицию, выступают с политическими инициативами, участвуют в деятельности общественных объединений, волонтерских движений, до деструктивного, когда представители молодого поколения демонстрируют асоциальное, девиантное, противоправное поведение и являются определённой дестабилизирующей силой.

Представляется важным констатировать, что в настоящее время государство уделяет весьма пристальное внимание российской молодёжи. Современное состояние качества правовой регламентации молодёжной политики вполне можно оценить весьма положительно. Необходимо обозначить, что в 2020 году был принят Федеральный закон «О молодёжной политике в Российской Федерации», в соответствии с которым «молодежная политика – комплекс мер нормативно-правового, финансово-экономического, организационно-управленческого, информационно-аналитического, кадрового, научного и иного характера..., направленных на создание условий для развития молодёжи, защиты её прав и законных интересов, а также её самореализации в различных сферах жизнедеятельности, на патриотическое воспитание молодёжи и духовно-нравственное воспитание молодёжи в целях достижения устойчивого социально-экономического развития, глобальной конкурентоспособности, национальной безопасности Российской Федерации, укрепления суверенитета Российской Федерации и традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [5].

На наш взгляд, данный закон представляет собой базовый нормативный правовой акт, который развивает положения Конституции Российской Федерации в части правового статуса молодёжи и закладывает фундаментальные основы молодёжной политики Российского государства, нацеленной на содействие развитию молодёжи. В качестве конструктивных тенденций государственно-правового регулирования молодёжной политики следует выделить использование инструментов стратегического планирования, которые довольно успешно функционируют в этой сфере. Так, с 2014 по 2024 год включительно в качестве документа юридического стратегирования действовали «Основы государственной молодёжной политики», утверждённые Распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 года № 2403-р. Данный правовой акт закреплял систему принципов, задачи и механизмов, обеспечивающих реализацию государственной молодёжной политики [3]. В настоящее время действует Стратегия реализации молодёжной политики в Российской Федерации на период до 2030 года, утверждённая Распоряжением Правительства РФ от 17.08.2024 № 2233-р. В этом

акте стратегического планирования в контексте заявленной нами темы закреплено, что «основные направления и инструменты молодёжной политики охватывают детей с раннего школьного возраста и имеют практическую реализацию на длительном временном интервале вплоть до студенчества и возраста профессиональной самореализации, обеспечивая единство и преемственность молодёжной политики и государственной политики в интересах детей» [4]. Данное правовоположение, на наш взгляд, закрепляет фундаментальную основу молодёжной политики в части возрастного диапазона её адресатов – от раннего школьного возраста до возраста профессиональной реализации, а также делает акцент на единстве молодёжной политики и государственной политики в интересах детей. Данный правовой акт в качестве проблем в сфере молодёжной политики обозначает угрозу разрастания правового нигилизма в молодёжной среде. В этой связи в качестве меры по преодолению данной угрозы Стратегия предлагает «правовое просвещение молодёжи, направленное на формирование позитивного отношения к закону, установок на законопослушное поведение, на достижение прочных знаний молодых граждан о законодательстве, законности, правах и обязанностях личности, на повышение роли закона как непреложной социальной ценности» [4]. По нашему мнению, предложенный в Стратегии подход представляется весьма конструктивным, поскольку дети и подростки, живущие в сложном по своему содержанию и строению мире, больше других возрастных категорий зависят от культивируемых в обществе норм и ценностей. Несовершеннолетние относятся к социальной группе, которая особенно болезненно воспринимает негативные последствия экономических, социальных и духовных потрясений, а поэтому реагирует на них очень остро, порой отрицая значимость моральных и правовых нормативов. В результате чего, именно в этом возрасте закладываются прочные личностные основы правового нигилизма.

В этом контексте, считаем возможным обозначить, что одной из причин сложившейся ситуации является отсутствие системности, последовательности, обстоятельности преподавания права в средних общеобразовательных школах. Кроме того, существует определённый дефицит учебных материалов и качественных информационных ресурсов для

детей и молодёжи по правовым вопросам. Вместе с тем надо понимать, что основы мировоззрения, взгляды на жизнь, привычки поведения, закладываются в раннем возрасте, и необходимо, чтобы уже в этом возрасте несовершеннолетние получали представление о своем правовом статусе, о праве как регуляторе общественных отношений и осознавали, что противоправные деяния влекут за собой соответствующую ответственность. Вопросы получения несовершеннолетними качественных правовых знаний еще более актуализируются в условиях, когда такие факторы, как Интернет, компьютеризация образования, интернационализация экономических и духовных форм жизни, правовая глобализация изменяют информационный и интеллектуально-культурный «ландшафт» жизненного мира. Именно перечисленные факторы, с одной стороны, расширяют диапазон личностной реализации детей и подростков, а с другой стороны – формируют потребности в поиске новых, наиболее востребованных данной категорией граждан, способов, приёмов и методов формирования у них качественных правовых знаний. Недаром в последнее время довольно пристальное внимание уделяется вопросам правосознания и правовой культуры детей и молодёжи со стороны научного сообщества. Так О.С. Рыбакова отмечает, что качество правовой культуры молодёжи – важнейший показатель её правовой и социальной зрелости. Опираясь на данную позицию, представляется возможным вести речь о том, что правовые ценности закладываются в юном возрасте и имеют крайне важное значение для формирования гражданской позиции личности [2, с. 54].

С учётом обозначенных аргументов и принимая во внимание специфику образовательной среды, на определённом этапе развития юридического образования в Калужском государственном университете им. К.Э. Циолковского возникла идея создания при кафедре юриспруденции Школы правовых знаний. Постепенно данная идея обретала определённые горизонты, проходила стадии институционализации и оформлялась как инструмент правового просвещения и повышения уровня правосознания студентов и школьников. В качестве основной цели функционирования Школы правовых знаний было определено – повышение уровня правовой грамотности и уровня правосознания школьников Калужской

области, а также профилактика правонарушений в молодёжной среде. На первых этапах становления и развития Школы правовых знаний её руководителям удавалось сотрудничать всего с двумя–тремя школами города Калуги. Все мероприятия со школьниками проводились студентами Калужского государственного университета, обучающимися по направлению подготовки «Юриспруденция». С учётом незначительной разницы в возрасте между теми, кто проводил мероприятия и теми, для кого оно проводилось, все мероприятия, как правило, имели большой успех у школьников и высоко оценивались педагогами, присутствующими на мероприятиях.

По мере накопления опыта работы со школьной аудиторией формировались и апробировались различные приёмы, способы, методы и формы подачи информации правового содержания. Следует отметить, что для более качественного усвоения правового материала целевой аудиторией подбирались соответствующие темы и инструментарий в рамках проводимых Школой правовых знаний мероприятий с учётом выделения в данной возрастной группе начального, среднего и старшего звена обучающихся. Все проводимые мероприятия были насыщены правовой проблематикой, что, безусловно, способствует формированию у целевой аудитории понимания права и уважительного отношения к нему.

В условиях пандемии произошла модернизация форм работы Школы правовых знаний и, помимо уже устоявшихся и апробированных форматов проведения мероприятий, было принято решение освоения Интернет-пространства. Так в социальных сетях ВКонтакте были созданы информационные странички, на которых систематически размещается правовая информация и апробируются новые формы проведения мероприятий Школы правовых знаний. Среди информационных поводов достойное внимание на страничках ШПЗ было уделено Всемирному дню прав ребенка; Дню Конституции РФ; Всемирному Дню прав человека. Обновление форм работы ШПЗ позволило увеличить спектр тем, по которым осуществлялось правовое информирование. В качестве позитивного опыта в этом плане следует считать наличие информационного контента, посвящённого различным профессиональным праздникам, связанным с юридической деятельностью (День юриста, День нотариата, День прокурорского

работника и т.д.). Всё это позволяет вести речь о том, что внедряемые формы работы ШПЗ являются собой не только инструменты правового, но и духовно-нравственного воспитания. Представляется, что используемый подход вполне созвучен с позицией В. В. Комаровой, которая отмечает, что важными аспектами воспитания и правового закрепления модели нравственного здоровья, по нашему мнению, являются приоритет внутренней политики государства в отношении детей и повышение до конституционного уровня молодёжной политики [1, с. 13].

Довольно конструктивно в работу школы была также включена тематика патриотического характера. Так, например, на информационных ресурсах ШПЗ освещались такие праздники, как День народного единства, День защитника Отечества, День космонавтики, День Победы и др. С учётом того, что 2025 год был объявлен Президентом Российской Федерации Годом Защитника Отечества, в феврале–марте этого года Школой правовых знаний на ряде площадок проводились мероприятия «Есть такая профессия Родину защищать». Данное мероприятие не только повествовало о конституционных характеристиках современного Российского государства, но и затрагивало историко-правовые аспекты Дня защитника Отечества. В апреле–мае Школа правовых знаний сосредоточила свое внимание на максимально полном охвате школьников региона мероприятием «Правовые страницы Великой Победы», которое было наполнено информацией о трансформации советской правовой системы в годы Великой отечественной Войны. Патриотическая проблематика, которая органично вплетается в контент мероприятий, проводимых Школой правовых знаний, является своего рода инструментом патриотического воспитания детей и молодёжи, которому в Стратегии реализации молодёжной политики также уделено достойное внимание. Так, в качестве одного из приоритетных направлений реализации Стратегии определено «развитие традиционных российских ценностно-смысловых и нравственных ориентиров, гражданственности и патриотизма в молодёжной среде» [4].

Развивая исследовательскую линию, считаем возможным обозначить, что функционирование Школы правовых знаний как инструмента молодёжной политики можно назвать дуалистичным. В этом разрезе

адресность деятельности Школы правовых знаний в формате правовой политики характеризуется двумя аспектами: с одной стороны студенты юридических направлений подготовки, обучающиеся в КГУ им. К.Э. Циолковского, а с другой стороны – школьники Калужской области. Руководители Школы правовых знаний являются своего рода акторами молодёжной политики по отношению к студентам университета при генерировании тем мероприятий, подборе материала соответствующей проблематики, оформлении этого материала, адаптации его под соответствующую школьную аудиторию. В рамках этого процесса студенты – активисты Школы правовых знаний являются адресатами правового, духовно-нравственного, патриотического воспитания, проводимого преподавателями. В результате такого воспитательного воздействия растёт уровень правовой культуры, правосознания, нравственности будущих юристов. В свою очередь эти студенты, проводя различные мероприятия в школах Калужской области, способствуют формированию у обучающихся правовых знаний, мотивируют их к правомерному поведению. Кроме того, проведение подобных мероприятий способствует повышению духовно-нравственного уровня школьников и развитию у них чувства патриотизма и любви к Родине.

Таким образом, подводя итог авторским рассуждениям, а также учитывая содержание Стратегии молодёжной политики, представляется возможным отметить, что молодёжная политика, являясь составляющей внутренней государственной политики в целом, предполагает становление и развитие патриотически настроенного, высоконравственного и ответственного поколения российских граждан. Данные личностные качества предполагают наличие высокого уровня правосознания и правовой культуры у молодёжи, поэтому Школу правовых знаний, функционирующую при кафедре юриспруденции Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского, вполне можно считать инструментом молодёжной политики. Реализация потенциала данного студенческого сообщества – развитие традиционных и освоение инновационных форм взаимодействия со школьниками, позволит Школе правовых знаний ещё долгое время функционировать в контексте молодёжной политики современной России.

Список литературы:

1. Комарова, В. В. «Общественное здоровье» в теоретико-правовом аспекте // Российский юридический журнал. – 2024. – № 3. – С. 7–19.
2. Рыбакова, О. С. К вопросу о необходимости формирования конституционно-правового мировоззрения современной молодежи / О. С. Рыбакова // Конституционное и муниципальное право. – 2024. – № 5. – С. 53–59.
3. Распоряжение Правительства РФ от 29.11.2014 № 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодёжной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (утратил силу) // Консультант Плюс: справочно-правовой портал. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171835/ (дата обращения: 11.07.2025).
4. Распоряжение Правительства РФ от 17.08.2024 № 2233-р «Об утверждении Стратегии реализации молодёжной политики в Российской Федерации на период до 2030 года» (действующая редакция) // Консультант Плюс: справочно-правовой портал. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_484654/ (дата обращения: 11.07.2025).
5. Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодёжной политике в Российской Федерации» (действующая редакция) // Консультант Плюс: справочно-правовой портал. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372649/ (дата обращения: 11.07.2025).

¹ Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

² Московский гуманитарно-экономический университет, Калужский институт (филиал), Калуга, РФ

ПРАВО

УДК 343.1

Т. В. Васильева

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ КАК ВИД НАКАЗАНИЯ И ПРАКТИКА ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ

В представленной статье автор предпринял попытку анализа нормативной характеристики такого вида уголовной репрессии как принудительные работы, имеющих законодательный статус альтернативного наказания. Проведённый анализ позволил выявить проблемные аспекты в законодательной регламентации данного уголовного наказания, влияющие на судебную практику по применению принудительных работ, которые требуют дальнейшего совершенствования правового регулирования этого наказания.

Ключевые слова: принудительные работы; законодательное регулирование; наказание; уголовная репрессия; лишение свободы; альтернатива лишению свободы; уголовный закон; судебная практика.

T. V. Vasilyeva

FORCED LABOR AS A TYPE OF PUNISHMENT AND THE PRACTICE OF ITS APPLICATION

In the presented article, the author has attempted to analyze the normative characteristics of such a type of criminal repression as forced labor, which have the legislative status of alternative punishment. The analysis made it possible to identify problematic aspects in the legislative regulation of this criminal punishment that affect judicial practice on the use of forced labor, which require further improvement of the legal regulation of this punishment.

Keywords: forced labor; legislative regulation; punishment; criminal repression; imprisonment; alternative to imprisonment; criminal law; judicial practice.

Принудительные работы являются новым видом уголовной репрессии и были введены в Уголовный кодекс РФ Федеральным законом № 420-ФЗ 7 декабря 2011 года [6]. Появление данного наказания было обусловлено стремлением снизить количество лиц, осуждаемых к лишению свободы, которое по-прежнему в стране оставалось достаточно большим, что противоречило государственной концепции либерализации и гуманизации уголовного наказания.

Анализ ст. 53.1 УК РФ «Принудительные работы» [4] позволяет говорить о том, что содержание этого наказания очень схоже с применяемой в советский период уголовно-правовой мерой «Условное осуждение к лишению свободы с обязательным привлечением осужденного к труду», предусмотренной ст. 24 УК РСФСР [5, с. 19].

По своему содержанию принудительные работы представляют собой направление осужденного в специализированное учреждение Федеральной службы исполнения

наказаний России – исправительный центр и принудительное привлечение его к труду в местах, определяемых этим органом, с ежемесячным удержанием из заработной платы в доход государства от 5 до 20 %. Осужденные, пребывая в исправительном центре, проживают в общежитии, имеют возможность с разрешения администрации покидать пределы исправительного центра в свободное от работы время, в выходные и праздничные дни, но при этом они находятся под постоянным контролем и надзором сотрудников этого учреждения.

В соответствии с действующим уголовным законом в качестве альтернативы лишению свободы принудительные работы могут назначаться при наличии определённых законодательных условий:

1) если было совершено правонарушение, относящееся к категории преступлений небольшой, средней тяжести либо тяжкого преступления, совершённого впервые;

2) назначенный судом срок лишения свободы не должен превышать пяти лет;

3) наличие убеждённости у суда в том, что достижение целей наказания возможно без принудительного помещения виновного в места лишения свободы.

Наличие совокупности перечисленных условий представляет собой законное основание для применения принудительных работ в качестве альтернативы назначенному лишению свободы.

Принудительные работы могут быть назначены также в порядке замены штрафа, обязательных работ, исправительных работ, ограничения свободы более строгим наказанием при злостном уклонении от их отбывания, приобретая в этих случаях статус заменяющего вида уголовной репрессии.

Принудительные работы назначаются на срок от двух месяцев до пяти лет. Сроки принудительных работ в случае замены штрафа, обязательных работ, исправительных работ, ограничения свободы более строгим наказанием за злостное уклонение от их отбывания могут отличаться от законодательно установленных.

Применение данного наказания ограничено по кругу лиц, что вполне оправдано, поскольку его отбывание связано с обязательной трудовой деятельностью. В соответствии с ч. 7 ст. 53.1 УК РФ принудительные работы не назначаются:

- 1) несовершеннолетним;
- 2) лицам, признанным инвалидами первой или второй группы;
- 3) беременным женщинам;
- 4) женщинам, имеющим детей в возрасте до трёх лет;
- 5) лицам, достигшим пенсионного возраста по старости и признанным в соответствии с медицинским заключением полностью неспособными к трудовой деятельности;
- 6) военнослужащим.

Действующий уголовный закон допускает замену неотбытой части принудительных работ на лишение свободы в случае уклонения от их отбывания либо в случае признания осужденного злостным нарушителем порядка и условий отбывания принудительных работ, которые регулирует уголовно-исполнительное законодательство.

Несмотря на то, что в судебной практике этот вид уголовной репрессии применяется уже более десятилетия, говорить о том, что

принудительные работы занимают значительный удельный вес в структуре судимости, не приходится. Так, за первое полугодие 2024 года судами к лишению свободы было осуждено 71 552 человека, что составляет 28,4% от общего числа осужденных; к принудительным работам осуждено 8 518 человек, что составляет всего 3,4 % от общего числа осужденных. В 2023 г. к лишению свободы было осуждено 28,9% от общего числа осужденных и только 2,7% от общего числа осужденных – к принудительным работам [3].

По нашему мнению, в судебной практике недостаточно высокие показатели назначения принудительных работ связаны с несовершенством их законодательной характеристики и противоречиями в правовом регулировании этого наказания.

Так, например, ч. 1 ст. 45 УК РФ определяет принудительные работы как основное наказание. В теории уголовного права статус основного наказания означает, что оно может судом назначаться самостоятельно. В соответствии с ч. 1 ст. 53.1 УК РФ принудительные работы рассматриваются в качестве альтернативы лишению свободы в строго определённых случаях, когда на это имеется указание в санкции конкретной нормы Особенной части УК РФ. В соответствии с ч. 2 ст. 53.1 УК РФ суд, постановив обвинительный приговор и назначив лишение свободы, должен разрешить вопрос о наличии основания для замены назначенного наказания в виде лишения свободы принудительными работами. Из этого положения следует, что принудительные работы не могут быть назначены как самостоятельное основное наказание, что входит в противоречие с ч. 1 ст. 45 УК РФ, закрепляющей, что принудительные работы назначаются как самостоятельное основное наказание [4].

Высшая судебная инстанция Российской Федерации в своём постановлении от 18 декабря 2024 г. указала, что в тех случаях, когда в силу требований закона осужденному не может быть назначено наказание в виде лишения свободы, принудительные работы не назначаются [2 ; 1]. Позиция Президиума Верховного Суда РФ входит в противоречие с нормами уголовного закона. Например, в санкции ч. 1 ст. 159.1 УК РФ «Мошенничество в сфере кредитования» в перечне применяемых за это преступление наказаний отсутствует лишение свободы, но есть указание на принудительные работы на срок до двух лет

[4]. В ч. 1 ст. 207 УК РФ «Заведомо ложное сообщение об акте терроризма» санкция не предусматривает возможность назначения лишения свободы, но допускает назначение принудительных работ на срок от двух до трех лет [4]. Подобные противоречия дезориентируют правоприменительные органы и не способствуют расширению судебной практики назначения этого наказания.

Как нам представляется, установленный законодателем порядок назначения принудительных работ противоречит ч. 1 ст. 60 УК РФ, определяющей общие правила назначения наказания. Согласно этим общим началам назначения наказания более строгое наказание может назначаться судом, если менее строгое наказание не в состоянии достичь его целей – восстановления социальной справедливости, исправления осужденного, предупреждения новых преступлений. В случае с принудительными работами мы наблюдаем отступление от указанного правила: суд вначале назначает виновному более строгое наказание в виде

лишения свободы и только потом, убедившись в возможности его исправления без реального отбывания назначенного срока лишения свободы, заменяет на принудительные работы, то есть более мягкое наказание.

На наш взгляд, такой усложнённый порядок назначения принудительных работ лишен всякого смысла. Полагаем необходимым исключить из диспозиции ч. 1 ст. 53.1 УК РФ словосочетание «как альтернатива лишению свободы», что позволит чётко определить законодательный статус принудительных работ как самостоятельного основного наказания и избежать противоречий, отмеченных нами выше, и позволит назначать судебным органам принудительные работы в качестве самостоятельного основного наказания.

Резюмируя изложенное, можно предположить, что изменение законодательного статуса анализируемого вида уголовной репрессии позволит повлиять на судебную практику применения принудительных работ, значительно её расширив.

Список литературы:

1. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ по применению норм уголовного закона о назначении наказания и иных мер уголовно-правового характера (по материалам уголовных дел, рассмотренных в кассационном порядке. Утверждено Президиумом ВС РФ 18.12.24 г. // Постановление Президиума ВС РФ от 18.12.24 № 23-П24) // Гарант: справочно-правовой портал. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411224475/> (дата обращения 02.05. 2025).
2. Постановление Президиума ВС РФ от 18.12.24 № 23-П24 «О возобновлении производства по уголовному делу ввиду новых обстоятельств» // Гарант: справочно-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/411318325/> (дата обращения 02.05. 2025).
3. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2023 г., первое полугодие 2024 г. // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <https://cdep.ru> (дата обращения 02.05. 2025).
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Консультант Плюс: справочно-правовой портал. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения 02.08.2025).
5. Уголовный кодекс РСФСР. – М.: Изд-во «Юридическая литература», 1983. – 160 с.
6. Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 07.12.2011 № 420-ФЗ (последняя редакция) // Консультант Плюс: справочно-правовой портал. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122864/ (дата обращения 02.08.2025).

Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского, Калуга, РФ

УДК 343.4

Т. В. Васильева, Д. Ю. Пономарева

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ФРАНЦИИ

В статье анализируются этапы становления и развития в законодательстве Франции института принудительных мер судебно-воспитательного характера, применяемых в отношении несовершеннолетних правонарушителей. В современный период во Франции сформирована система ювенальных судов, деятельность которых ориентирована на применение альтернативных уголовному наказанию принудительных мер воспитательного воздействия, которые отличаются тщательной правовой регламентацией.

Ключевые слова: принудительные меры воспитательного характера; судебно-воспитательные меры; исправление несовершеннолетних; правонарушитель; преступник.

T. V. Vasilyeva, D. U. Ponomareva

COMPULSORY EDUCATIONAL MEASURES FOR MINORS IN FRENCH LEGISLATION

The article analyzes the stages of formation and development in the legislation of France of the institute of compulsory measures of judicial and educational nature applied to juvenile offenders. In the modern period in France a system of juvenile courts has been formed, the activity of which is focused on the application of compulsory measures of educational influence alternative to criminal punishment, which are distinguished by careful legal regulation.

Keywords: compulsory educational measures; judicial and educational measures; correction of minors; offender; criminal.

В XX веке в мировом сообществе стали актуальны и востребованы практикой научные идеи о ювенальной юстиции, в основе которых лежат положения об отказе от исключительно репрессивного подхода к несовершеннолетним правонарушителям, основу которого составлял институт наказания, и поворота в большей степени к воспитательным элементам воздействия на них, учитывая возрастные и психофизиологические особенности несовершеннолетних, чтобы исключить их дальнейшую криминализацию.

Указанные идеи были воплощены в Минимальных стандартных правилах ООН, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (1985 г.), содержащих рекомендации государствам-участникам этой Конвенции включать в национальные правовые системы широкий комплекс воспитательных мер воздействия в отношении несовершеннолетних правонарушителей, которые позволят по возможности избегать их направления в исправительные учреждения с целью сохранения их семейных контактов, привычной микросреды [1]. Оказание интенсивного воспитательного воздействия позволит

осуществлять пресечение и профилактику деструктивного поведения лиц, не достигших совершеннолетия.

Можно отметить заметные успехи в развитии ювенальной юстиции и института принудительных мер воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетних во Франции, где сформированы и действуют специализированные ювенальные суды, деятельность которых ориентирована исключительно на рассмотрение дел в отношении несовершеннолетних правонарушителей. Ювенальные суды призваны применять в отношении указанных лиц предусмотренные действующим законом принудительные судебные меры воспитательного воздействия. Механизм взаимодействия компетентных органов Франции в применении данных мер, по нашему мнению, считается эффективным и отлаженным, что и выделяет французскую систему ювенальной юстиции от всех остальных.

В истории развития ювенальной системы Франции и института принудительных мер воспитательного воздействия можно выделить три основных этапа.

Зарождение института принудительных мер воспитательного воздействия в отношении лиц несовершеннолетнего возраста с девиантным поведением приходится на XVIII в. В указанный период не получили развития идеи гуманного подхода к несовершеннолетним правонарушителям и доминировал в сфере судопроизводства исключительно карательный подход к преступникам любого возраста. В условиях отсутствия системных теоретических исследований, касающихся особенностей преступности несовершеннолетних, ещё не получили развития идеи создания ювенальной юстиции. Но первые шаги в сторону признания несовершеннолетнего правонарушителя в качестве особого субъекта уголовно-правовых отношений были сделаны: в Уголовный кодекс Франции 1791 г. были внесены положения, касающиеся освобождения от наказания малолетнего преступника, с обязательным установлением факта осознания общественной опасности совершенного им правонарушения. Институт принудительного судебно-воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетних преступников не получил должного развития в указанный период. Суд устанавливал для исправления такого правонарушителя меры воспитательного характера, однако данные меры носили больше репрессивную форму воздействия на малолетних преступников, нежели смягчение их ответственности.

Наиболее активно институт принудительных мер воспитательного характера начал развиваться в законодательстве Франции после вступления в действие Ордонанса № 45–174 от 02.02.1945 г. о несовершеннолетних правонарушителях. Ордонанс был принят ещё в период войны. Вторая мировая война и её ужасающие последствия в виде миллионов убитых, умерших от болезней, замученных в концлагерях, разрушенных экономик во многих европейских государствах продемонстрировали необходимость охраны и защиты прав и свобод человека и гражданина, гуманного отношения к человеку и в первую очередь к несовершеннолетним.

Легальную основу института принудительных мер воспитательного характера в Ордонансе составлял принцип презумпции уголовной ответственности лиц, не достигших совершеннолетия, что предполагает установления ограниченной уголовной ответственности в отношении указанных лиц. Данные

законодательные предписания означали поворот уголовной политики государства от карательного подхода к несовершеннолетним преступникам к приоритету воспитательного воздействия в отношении них.

Принудительные меры воспитательного характера в законодательстве Франции рассматривались в качестве мер безопасности, ориентированных на обеспечение защиты общества от преступных посягательств, с одной стороны, а с другой стороны – на защиту прав и интересов несовершеннолетних правонарушителей. Были определены цели, ради достижения которых они должны применяться – исправление и предупреждение совершения повторных преступлений несовершеннолетними путём корректирующего воспитательного воздействия на них.

В Ордонансе № 45–174 был закреплён обширный перечень принудительных воспитательных мер, применяемых судами в отношении лиц, не достигших совершеннолетия и признанных виновными в совершении преступлений. Ордонанс № 45–174 подразделял несовершеннолетних правонарушителей на три возрастные группы. В первую группу входили лица, не достигшие 13-летнего возраста. В отношении указанных лиц действовала абсолютная презумпция уголовной ответственности. Таким лицам не могли быть назначены уголовные наказания, а только меры безопасности – «меры защиты, помощи, надзора», которые включали разнообразные по содержанию меры воспитательного характера. К ним относились дача наставлений; передача правонарушителя под надзор родителей, опекуна либо лица, заслуживающего доверия; помещение в воспитательное учреждение или учреждение профессионального обучения; направить в медицинское или медико-педагогическое учреждение; передача в интернат для несовершеннолетних правонарушителей; помещение под судебную защиту с режимом ограниченной свободы [2, с. 302].

Ко второй группе правонарушителей относились лица в возрасте 13–16 лет. Правонарушителям этой возрастной группы могли быть назначены не только какие-либо воспитательные меры, предусмотренные ст. 16 Ордонанса, но и допускалось в определённых случаях применение уголовного наказания. Ордонанс допускал применение судом в отношении лиц, достигших указанного возраста, таких судебно-воспитательных мер как

передачу правонарушителя под надзор родителей, опекуна либо лица, заслуживающего доверия; помещение в государственное или частное воспитательное учреждение или учреждение профессионального обучения; помещение в медицинское или медико-педагогическое учреждение; помещение в государственное воспитательное учреждение с надзором или в учреждение воспитательной коррекции. Уголовное наказание могло назначаться в отношении подростков этой возрастной группы только при наличии отягчающих обстоятельств и личностной деформации, не поддающейся корректирующему воздействию.

В третью группу несовершеннолетних правонарушителей входили лица от 16 до 18 лет. К этим подросткам могли быть применены как наказания, так и вышеперечисленные судебные меры воспитательного воздействия. Назначение уголовного наказания вместо принудительных мер воспитательного характера зависело от тяжести совершённого преступления и степени криминальной порочности виновного, его способности и желания воспринимать воспитательное воздействие.

Главной задачей судебных органов было изучение личности несовершеннолетнего, условий его жизни, образования и воспитания для грамотного выбора воспитательных мер и успешной их реализации на практике.

На современном этапе действующее французское законодательство восприняло основные положения института принудительных мер воспитательного воздействия, сформированные Ордонансом № 45–174 от 02.02.1945 г. в предшествующий период. Правовой основой анализируемого института во Франции следует назвать Уголовный Кодекс 1994 г., Закон № 2002-1138 от 9 сентября 2002 г. «Об ювенальной юстиции», Кодекс уголовного правосудия по делам несовершеннолетних (2024 г.).

Отличительной чертой данного этапа развития ювенальной юстиции и анализируемого института является акцент на индивидуальном подходе ювенального суда к выбору принудительных мер воспитательного характера, исходя из потребностей конкретного подростка, тех обстоятельств и условий, в которых существует и пребывает несовершеннолетний правонарушитель в целях пресечения его дальнейшего противоправного поведения

и корректирующего воздействия на его личность с целью ресоциализации.

Французское законодательство рассматривает исправление подростка через педагогические инструменты воздействия, уделяя внимание воспитанию несовершеннолетнего, изменению его образа жизни, привычек, нежелательного круга общения, системы взглядов и интересов, а также предупреждению совершения им новых правонарушений и преступлений.

В связи с законодательными реформами Кодекса уголовного правосудия по делам несовершеннолетних (2024 г.) многочисленные воспитательные меры были сгруппированы в зависимости от их целевых установок. Судебно-воспитательные меры по своему содержанию систематизированы и распределены по модулям – модель интеграции, модуль компенсации, медицинский модуль, модуль размещения. Каждый из модулей имеет свои целевые установки. Судья ювенального суда вправе назначить одну судебно-воспитательную меру либо несколько мер, входящих в разные модули, исходя из потребностей несовершеннолетнего и обстоятельств, в которых он пребывает.

Модуль интеграции направлен на ресоциализацию подростка, восстановление его в социуме, что предполагает назначение таких воспитательных мер воздействия как направление подростка на учебу или на работу с целью его социальной, образовательной или профессиональной интеграции, учитывая его потребности; определение подростка в образовательные учреждения, школы-интернаты либо в государственное или частное учреждение профессионального образования или подготовки, имеющее лицензию. Срок определения подростка в подобное учреждение закон устанавливает не более года.

Модуль компенсации состоит в возмещении вреда, причинённого преступлением, совершённым несовершеннолетним и включает судебно-воспитательные меры, связанные с действиями подростка, направленными на оказание помощи или по возмещению ущерба, причинённого жертве, или в интересах общества в срок, не превышающий одного года. Принудительная мера в интересах общества как воспитательная мера, назначенная судом, предполагает выполнение подростком каких-либо бесплатных общественно-полезных работ под контролем социальной службы

в течение периода, обозначенного решением суда.

Медицинский модуль заключается в обеспечении нуждающегося несовершеннолетнего необходимой медицинской помощью, помещение в медицинское или медико-социальное учреждение, не относящееся к психиатрическому.

Модуль размещения включает судебно-воспитательные меры, связанные с определением места жительства или места пребывания несовершеннолетнего лица, нуждающегося в этом. Речь идет о подростках, которые могут иметь родителей, ведущих асоциальный образ жизни и отрицательно влияющих на несовершеннолетних; о подростках, которые не имеют родителей, способных контролировать поведение своего ребёнка и положительно влиять на них. Подростки в таких семьях остаются бесконтрольными и беспризорными, что часто способствует формированию девиантного поведения у них и совершению ими правонарушений и преступлений. При наличии таких обстоятельств в жизни несовершеннолетнего суд должен решить вопрос с определением нового места его жительства или места его пребывания, где будут отсутствовать вышеуказанные негативные факторы.

В Кодексе установлен также перечень запретов и ограничений в отношении несовершеннолетних правонарушителей. Например, запрет посещать определённые места, поддерживать контакты с соучастниками совершенного преступления, управлять транспортным средством. И принудительные воспитательные меры, и запреты, ограничения назначаются судом индивидуально к конкретному подростку.

В каждом конкретном случае перед выбором и назначением судебно-воспитательной меры или комплекса таких мер судья ювенального суда обязан подвергнуть тщательному изучению личность несовершеннолетнего, его окружения, обстановку в семье. Судья

ювенального суда вправе привлекать для сбора информации о несовершеннолетнем правонарушителе, о семейной обстановке социальные службы, психологов.

Подобное исследование имеет важное значение, поскольку помогает судье выявить обстоятельства, способствовавшие формированию девиантного поведения подростка с тем, чтобы выбрать и назначить такие судебно-воспитательные меры, которые могли бы устранить неблагоприятные факторы социализации подростка, были эффективными и смогли обеспечить достижения целей – его исправления и предупреждения повторного преступления.

Каждому правонарушителю судья ювенального суда назначает уполномоченное лицо, выполняющее функции куратора, который осуществляет контроль и надзор за ним, за соблюдением подростком назначенных судом ограничений и запретов, и отчитывается перед судьёй о поведении несовершеннолетнего. Как нам представляется, осознание подростком того, что его поведение контролируется уполномоченным лицом, должно дисциплинировать и способствовать формированию у несовершеннолетнего правоупослушного поведения.

Таким образом, можно констатировать, что в законодательстве Франции сформирован институт принудительных мер воспитательного воздействия, который представляет собой систему мер, сочетающих контроль и надзор за несовершеннолетними правонарушителями, а также социальную поддержку в отношении них. Французское законодательство достаточно подробно регулирует применение принудительных судебных мер воспитательного воздействия, которые преследуют прежде всего исправление несовершеннолетних и предупреждение повторных преступлений с их стороны.

Список литературы:

1. Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних («Пекинские правила»). Резолюция 40/33 Генеральной Ассамблеи от 29 ноября 1985 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/beijing_rules.shtml (дата обращения 02.08.2025).
2. Уголовное право зарубежных государств. Общая часть: Учебное пособие / Под ред. и с предисл. И. Д. Козочкина. – М.: Омега-Л, 2003. – 576 с.

3. Code de la justice pénale des mineurs (Version en vigueur au 14 novembre 2024). URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000039086952/2024-11-14/ (дата обращения 02.08.2025).

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

УДК 343.2/.7

*В. Е. Гудовичева, А. А. Маркина, А. В. Ильяш***БУЛЛИНГ – ЭТО ПРЕСТУПЛЕНИЕ?**

В статье рассмотрен такой феномен как буллинг. Авторы обращаются к теоретическим источникам и к нормативно-правовым актам для рассмотрения вопроса привлечения к уголовной ответственности за акты агрессии. Подробно рассмотрены понятия «буллинг», «кибербуллинг», «преступление». Объяснены основные трудности квалификации буллинга как преступления в виду отсутствия прямого законодательного регулирования данного явления. Авторы обращаются к зарубежному опыту с целью выяснения первопричин буллинга, его правового закрепления и введения ответственности за акты агрессии.

Ключевые слова: буллинг; травля; агрессия; преступление; ответственность; буллинг за рубежом; насилие.

*V. E. Gudovicheva, A. A. Markina, A. V. Ilyash***IS BULLYING A CRIME?**

The article discusses the phenomenon of bullying. The authors turn to theoretical sources and normative legal acts to consider the issue of criminal liability for acts of aggression. The concepts of "bullying", "cyberbullying", and "crime" are considered in detail. The main difficulties of qualifying bullying as a crime due to the lack of direct legislative regulation of this phenomenon are explained. The authors turn to foreign experience in order to clarify the root causes of bullying, its legal consolidation and the introduction of responsibility for acts of aggression.

Keywords: bullying; harassment; aggression; crime; responsibility; bullying abroad; violence.

Буллинг – одна из главных проблем общества. Впервые травлю начали изучать за рубежом в XX веке. Основоположниками исследований в данной области стали такие профессора-психологи, как Дан Ольвеус, который провёл первое научное исследование травли среди детей, ввёл термин «буллинг» и разработал программу Olweus Bullying Prevention Program (ОВПП) и К. Дьюкс, который описал эпизоды травли в школе и разделил буллинг на индивидуальное и групповое преследование. Согласно исследованиям Дана Ольвеуса **буллинг** (от англ. bullying – запугивание, издевательство, травля) – повторяющаяся агрессия по отношению к определённому субъекту, включающая в себя принуждение и запугивание [13; 14; 15]. В настоящем исследовании термины «травля» и «буллинг» будут применять в качестве синонимов.

Стоит отметить, что в зарубежных странах исследуемое явление нашло своё отражение и в правовых актах, например, в Швеции, Норвегии, США и некоторых других странах. В Швеции в 2006 г. правительство приняло законы, принуждающие учреждения в обязательном порядке бороться против дискриминации и травли («Закон об образовании» и

«Закон о запрете дискриминации»). Буллинг в Швеции – это систематически повторяющееся агрессивное поведение в форме издевательств, травли и других проявлений. С 2006 г. в стране введена должность омбудсмена, который помогает школам предотвращать буллинг. Программы по борьбе с травлей направлены на предупреждение агрессии. Так, например, в 2018 г. все школы Швеции прошли программу «Kiusamiseen Vastaan» (KiVa), что в переводе означает «против травли» в основе которой профилактика; вмешательство; мониторинг. Проводится обучение сотрудников и школьников учреждений распознать ситуации травли и уметь противодействовать ей, используя возможность коллектива [9, с. 42–43]. В Норвегии, где принят Антибуллинговый закон, по которому школа обязана заниматься профилактикой школьной травли [5], также низкий уровень буллинга.

В США первым штатом, который решил бороться с травлей, стала Джорджия. В штате следят за тенденциями и запрещают использовать гаджеты. В Неваде создали антибуллинговое законодательство, человек будет нести уголовную ответственность за угрозы и запугивание в адрес ребёнка. В

других штатах, где законов нет – дела о буллинге проходят как нарушение гражданских прав. Национальная Ассоциация школьных работников США даёт следующее определение понятия буллинга: «Буллинг – это динамические и повторяющиеся модели вербального или невербального поведения, которое осуществляется одним учеником или группой учеников по отношению к другому ученику, направленные на умышленное нанесение вреда, при наличии реальной разницы в силе» [11].

Проблема травли вышла за пределы национального законодательства. Защита всех детей от насилия является одним из стратегических приоритетов нынешней Стратегии Совета Европы по правам ребенка на 2022–2027 годы. Предотвращение издевательств начинается с обучения детей об их последствиях. Поэтому Совет Европы поощряет все школьные программы образования в области борьбы с издеательствами и насилием в школах. Эти образовательные программы по вопросам гражданства и прав человека основаны на принципах Хартии Совета Европы по образованию для демократического гражданства и прав человека, которые были приняты всеми 46 государствами-членами Совета Европы [12].

В России понятие буллинга исследовалось несколькими учёными. По мнению А. И. Аверьянова буллинг – это особый вид насилия, когда один человек (или группа) физически нападает или угрожает другому человеку (группе), последний из которых слабее и не может себя защитить [1]. По мнению автора, травля – это специфическая форма насилия, в которой человек или группа людей совершают физическое насилие или угрожают жертве, которая является слабее. Это показывает неравенство сил и слабость жертвы, что делает буллинг проблемой, требующей внимания и защиты с помощью законодательства.

Рассматривая определение термина «буллинг», необходимо изучить подход С. В. Кривцовой, которая полагает, что «буллинг» – это агрессия одних детей против других, когда имеют место неравенство сил агрессора и жертвы, агрессия имеет тенденцию повторяться [3, с. 3]. Это подчёркивает систематичность травли и показывает необходимость её профилактики в обществе среди детей.

Таким образом, рассматривая зарубежный и отечественный опыт изучения

«буллинга», можно сделать вывод, что данное явление актуально и вызывает интерес среди исследователей. Легальное определение понятия «буллинг» в современном российском законодательстве отсутствует. Доктринальные подходы различаются, так как понятие раскрывается через перечисление наиболее присущих ему черт. В российской правовой системе отсутствует правовое регулирование действий агрессора: отсутствуют запрет определённых действий, санкции.

В информационном письме Минпросвещения Российской Федерации разъясняется, что травля есть длительное преднамеренное групповое физическое или психическое давление [6]. Весьма ограниченное, с точки зрения приведённых выше доктринальных понятий, определение травли.

Следует отметить более детальное описание буллинга в методических рекомендациях, разработанных Минобрнауки России для организаций высшего образования [8]. В частности, в них анализируются доктринальные подходы к определению признаков, форм проявления и прочие особенности данного явления. Предлагается алгоритм действий для работников организаций. Рекомендации используют преимущественно приёмы и методы психологии. Отдельный раздел посвящён правовому регулированию противодействия буллингу в России, в котором подробно описываются виды юридической ответственности и конкретные составы преступлений для привлечения к уголовной ответственности.

В то же время перечисленные виды ответственности не согласуются с тезисом, описанным в рекомендациях: «Травля может принимать разные формы, но все они причиняют вред. Даже если травля не носит физического характера, человек, подвергающийся буллингу, может на всю жизнь получить эмоциональную травму из-за пережитого» [7]. Каждый отдельный противоправный поступок, подпадающий под признаки преступления, посягает на самостоятельную группу общественных отношений или отдельное благо, ценность, в то время как буллинг преследует иную цель и может не угрожать данным общественным отношениям, но тем не менее причиняет существенный вред личности. Вред, который сохраняется длительное время, и формирует негативное, неправильное отношение к социальным институтам, явлениям, препятствует

нормальному формированию здоровой, полноценной личности.

Сложность установления и дифференциации юридической ответственности за буллинг обусловлено ещё и тем, что его проявление очень разнообразно и посягает на различные сферы жизни, чем усложняет его отграничение от правомерного поведения.

Этот феномен может быть нескольких видов: психологический (унижение, бойкот); физический (насилие, причинение боли, вреда здоровью); экономический (порча, уничтожение имущества) и кибербуллинг (флейринг, киберсталкинг и кибертроллинг) [2, с. 6].

Чтобы квалифицировать деяние как уголовно наказуемое необходимо усмотреть в действиях обидчика при травле признаки преступления в соответствии со ст. 14 УК РФ. Так, согласно действующему законодательству действия обидчика при физическом буллинге можно квалифицировать по следующим статьям УК РФ: ст. 110 «Доведение до самоубийства», ст. 111 «Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью», ст. 112 «Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью», ст. 116 «Побои», ст. 116.1. «Нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость», ст. 117 «Истязание», ст. 167 «Умышленные уничтожение или повреждение имущества», ст. 213 «Хулиганство».

К статьям, которые предусматривают ответственность за экономический буллинг, можно отнести: ст. 158 «Кража», ст. 161 «Грабеж», ст. 163 «Вымогательство». Последнее преступление имеет наибольшее пересечение с понятием «буллинг», поскольку совершается под угрозой применения насилия или повреждения чужого имущества, а равно под угрозой распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, что в наибольшей мере соотносится с травлей.

Психологический буллинг может подпадать под действие следующих статей УК РФ: ст. 110.1 «Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства», ст. 282 «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства», ст. 128.1 «Клевета».

Кибербуллинг может проявляться в преступлениях, предусмотренных статьями 137 УК РФ «Нарушение неприкосновенности частной жизни», 119 УК РФ «Угроза

убийством или причинением тяжкого вреда» и статьи, которые были перечислены выше [10].

Под «кибербуллингом» понимается преследование сообщениями, содержащими оскорбления, агрессию, запугивание хулиганство; социальное бойкотирование с помощью различных интернет-сервисов [7].

Существует позиция исследователей рассматриваемого феномена, согласно которой травля («буллинг») в полной мере охватывается составом преступления, предусмотренного ст. 213 УК РФ «Хулиганство», а потому не требует квалификации в качестве самостоятельного преступления [4], с чем мы не можем согласиться по следующим причинам.

Во-первых, с объективной стороны хулиганство есть не что иное, как грубое нарушение общественного порядка, то есть ярко, вызывающе протекающее поведение лица в отношении общества в то время, как травля, как правило, происходит в отношении отдельного лица и скрытно. Во-вторых, объектом преступления, предусмотренного ст. 213 УК РФ, является общественный порядок, а при буллинге объектом выступают личные права, то есть посягательству подвергается личность. Воздействию при буллинге могут подвергаться жизнь, здоровье, свобода, честь и достоинство личности, состояние безопасности, прочие права и свободы человека.

Кроме этого, травля может быть средством достижения иных преступных результатов, например, склонение к совершению преступления жертвой буллинга.

Стоит заметить, что уголовная ответственность является самым жёстким видом юридической ответственности за нарушение закона. Действия обидчика не всегда могут входить в поле уголовно-правового регулирования, чаще они будут на уровне административных или дисциплинарных правонарушений.

За буллинг можно привлечь к уголовной ответственности, но для этого необходимо усмотреть в действиях обидчика признаки конкретного состава преступления. Это осложнено, поскольку, с одной стороны, буллинг проявляется в формах, не подпадающих под признаки уголовно-наказуемого деяния, с другой, может посягать одновременно и на собственность, и на честь и достоинство личности, и на здоровье потерпевшего. Если в последнем случае проблема решается квалификацией деяния по совокупности

преступлений, то в первом случае мы вынуждены констатировать безнаказанность обидчика в то время, как ущерб личности причиняется.

По нашему мнению, буллинг можно приравнять к преступлению, потому что акты агрессии могут влиять на жертву негативно, как на его психическое здоровье, так и физическое. Начать необходимо с определения важнейших признаков буллинга (травли) и нормативного их закрепления. Кроме этого, необходимо определиться на какие общественные отношения в первую очередь посягает это явление. Полагаем, что вред причиняется, главным образом, личности. Учитывая различные формы проявления буллинга, полагаем, что посредством причинения вреда физического, имущественного или воздействуя на психику, преступник преследует цель

причинить вред конституционным правам и свободам человека и гражданина. Учитывая, что ответственность за указанное деяние предусмотрена ст. 136 УК РФ, считаем возможным внести в неё дополнения, учитывающие различные формы буллинга, его проявления, отягчающие ответственность, например, такие квалифицированные формы, как сопряжённые с насилием или унижением чести и достоинства личности.

Проблема буллинга существует, она требует комплексного и всестороннего подхода к её решению, что может заключаться в расширении правовой защиты средствами уголовной ответственности. Необходимо взвешенно подойти к определению возраста наступления уголовной ответственности за данное преступление.

Список литературы:

1. Аверьянов, А. И. Буллинг как вызов современной школе / А. И. Аверьянов // Психнавигатор: сайт. URL: <https://psynavigator.ru/publikacii/bulling-kak-vyzov-sovremennoj-shkole> (дата обращения: 30.04.2025).
2. Институт социальных инноваций Продвижение ПРОКаждого: травля – это не норма / Институт социальных инноваций Продвижение // МАОУ СОШ № 218: сайт. URL: https://gbourco.gosuslugi.ru/netcat_files/167/3126/Metodicheskiy_sbornik._Travlya_eto_ne_norma.pdf (дата обращения: 04.04.2025).
3. Кривцова, С. В. Буллинг в школе VS сплоченность неравнодушных / С. В. Кривцова. – М.: Федеральный институт развития образования Центр развития психологической службы, 2011. – 94 с. URL: http://psi-center21.ru/files/kriz/bullying/kniga_krivcova_s.v-bulling_v_shkole_vs_splochenennos.pdf (дата обращения: 04.04.2025).
4. Курбенков, В. А., Новосельцев, А. Ю. Буллинг в российских школах: правовые проблемы профилактики / В. А. Курбенков, А. Ю. Новосельцев // Журнал российского права. – 2020. – № 3. – С. 95–102.
5. Максименко, С. А. Законодательное регулирование феномена буллинга в странах Европы / С. А. Максименко // Трибуна учёного. – 2023. – № 12. URL: https://tribune-scientists.ru/media/p_articles/%D0%9C%D0%B0%D0%BA%D1%81%D0%B8%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%BA%D0%BE.pdf (дата обращения: 04.04.2025).
6. Письмо Минпросвещения России от 20.12.2024 № 07-6170 «О направлении информации» (вместе с «Алгоритмом действий советника директора по воспитанию и взаимодействию с детскими общественными объединениями при поступлении обращения по факту травли в общеобразовательной организации») // Гарант: справочно-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/411333263/> (дата обращения: 10.04.2025).
7. Письмо Минобрнауки России от 14.05.2018 № 08-1184 «О направлении информации» (вместе с «Методическими рекомендациями о размещении на информационных стендах, официальных интернет-сайтах и других информационных ресурсах общеобразовательных организаций и органов, осуществляющих управление в сфере образования, информации о безопасном поведении и использовании сети "Интернет"») // Гарант: справочно-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/71959378/> (дата обращения: 10.04.2025).
8. Письмо Минобрнауки России от 13.12.2022 № МН-6/1873 «О направлении методических рекомендаций» (вместе с «Методическими рекомендациями для сотрудников образовательных организаций высшего образования, курирующих воспитательную работу с молодежью, по

профилактике буллинга (травли) среди обучающихся. Методическое пособие») // Гарант: справочно-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/406100661/> (дата обращения: 10.04.2025).

9. Противодействие школьному буллингу: анализ международного опыта / Д. В. Молчанова, М. А. Новикова; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт образования. – М.: НИУ ВШЭ, 2020. – 72 с.

10. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Консультант Плюс: справочно-правовой портал. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 10.04.2025).

11. Шатрова, И. Как навсегда остановить травлю: методы борьбы с буллингом в РФ и за рубежом / И. Шатрова // Где Мои Дети: сайт. URL: <https://gdemoideti.ru/blog/ru/ostanovit-travlyu-metody-borby-s-byllingom?ysclid=ma28eorwkw865390508> (дата обращения: 30.04.2025).

12. Bullying // Children's Rights: сайт. URL: <https://www.coe.int/en/web/children/bullying#%7B%22116948818%22%5B0%5D%7D> (дата обращения: 29.04.2025).

13. Olweus, D. Aggression and peer acceptance in adolescent boys: Two short-term longitudinal studies of ratings / D. Olweus // Child Development. – 1977. – Vol. 48 – No. 4. – P. 1301–1313.

14. Olweus, D. Aggression in the schools: Bullies and whipping boys / D. Olweus. – Washington, DC: Hemisphere (Wiley), 1978. – P. 160–183.

15. Olweus, D. Stability of aggressive reaction patterns in males: A review / D. Olweus // Psychological Bulletin. – 1979. – № 86. – P. 852–875.

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Белхароев Хаджимурад Уматгиреевич – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета государственной противопожарной службы МЧС России имени Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева; доцент Института мировой экономики и бизнеса Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы. E-mail: x101010x@yandex.ru

Васильева Татьяна Валентиновна – кандидат юридических наук, доцент кафедры юриспруденции Института истории и права Калужского государственного университета имени К. Э. Циолковского. E-mail: VasilyevaTV@tksu.ru

Власов Александр Евгеньевич – старший преподаватель кафедры истории Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского. E-mail: alexvlasov90@yandex.ru

Гольцов Андрей Николаевич – аспирант кафедры истории Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского. Научная специальность 5.6.2 Всеобщая история. E-mail: goltsov1@yandex.ru

Гудовичева Валерия Евгеньевна – студентка Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского; направление подготовки 40.03.01 Юриспруденция. E-mail: GudovichevaVE@studklg.ru

Дедиу Евгений Игоревич – старший преподаватель кафедры истории Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского. E-mail: dediu13@mail.ru

Доронина Анастасия Андреевна – студентка Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского; направление подготовки 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки), профили «История и иностранный язык». E-mail: DoroninaAA@studklg.ru

Евсеев Даниил Максимович – студент Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского; направление подготовки 41.03.06 Публичная политика и социальные науки, профиль «Социально-политические коммуникации». E-mail: EvseevDM@studklg.ru

Зайцева Марина Анатольевна – преподаватель кафедры государственно-правовых и гражданско-правовых дисциплин Калужского института (филиал) Московского гуманитарно-экономического университета. E-mail: Mari-zaiceva@mail.ru

Ильяш Алексей Владимирович – кандидат юридических наук, и. о. заведующего кафедрой юриспруденции Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского. E-mail: IlyashAV@tksu.ru

Ключёв Илья Александрович – студент Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского; направление подготовки 41.03.06 Публичная политика и социальные науки, профиль «Социально-политические коммуникации». E-mail: ilyukluhev@gmail.com

Кожевникова Дарья Максимовна – студентка Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского; направление подготовки 40.03.01 Юриспруденция. E-mail: KozhevnikovaDM@studklg.ru

Кокина Алина Владимировна – студентка Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского; направление подготовки 41.03.06 Публичная политика и социальные науки, профиль «Социально-политические коммуникации». E-mail: kokinaav@tksu.ru

Комкова Екатерина Павловна – студентка Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского; направление подготовки 46.03.01 История. E-mail: KomkovaEP@studklg.ru

Кукушкин Владимир Михайлович – магистрант Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского; направление подготовки 44.04.01 Педагогическое образование, магистерская программ «Историческое образование». E-mail: ku-kushkinvm@studklg.ru

Курков Владимир Владимирович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского. E-mail: kurkovvv@tksu.ru

Магомедова Елена Анатольевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры юриспруденции Института истории и права Калужского государственного университета имени К. Э. Циолковского. E-mail: Elena-magomedova@yandex.ru

Манин Андрей Александрович – магистрант Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского; направление подготовки 44.04.01 Педагогическое образование, магистерская программ «Историческое образование». E-mail: manin.1994@mail.ru

Маркина Анастасия Александровна – студентка Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского; направление подготовки 40.03.01 Юриспруденция. E-mail: markina.nastasiasa@yandex.ru

Мязин Николай Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского. E-mail: marknote@rambler.ru

Парамонов Денис Вячеславович – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры истории Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского. E-mail: paramonovdhist@gmail.com

Пономарева Дарья Юрьевна – студентка Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского; направление подготовки 40.03.01 Юриспруденция. E-mail: PonomarevaDY@studklg.ru

Тарасов Сергей Александрович – главный архивист Государственного архива документов новейшей истории Калужской области (ГКУ ГАДНИКО). E-mail: tarlv@mail.ru

Тарасова Любовь Валерьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского. E-mail: tarasovalv@tksu.ru

Филимонов Никита Александрович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского. E-mail: filimonovnikita95@yandex.ru

Фомин Андрей Дмитриевич – аспирант кафедры истории Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского. E-mail: andrfo.fomin@yandex.ru

Штепа Алексей Владимирович – кандидат исторических наук, доцент, и. о. заведующего кафедрой истории Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского. E-mail: a-v-stepa@yandex.ru

ВЕСТНИК КАЛУЖСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия 3. История. Политика. Право

Научный журнал

2025 №1 (6)

Дата выхода в свет 13.10.2025. Формат 60х84/8.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. 20. Тираж 500 экз.
Максимальный объём 180 страниц формата А4
Издательство КГУ им. К.Э. Циолковского. 248023 Калуга, ул. Разина, 22/48.

Отпечатано «Наша Полиграфия». 248600 Калуга, Грабцевское шоссе, 126
Лицензия ПЛД № 42-29 от 23.12.99.

